

2024 | Том 4 | № 2

ISSN 2738-2729 (Online)

URBIS ET ORBIS

МИКРОИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА ГОРОДА

RUSSIAN-ARMENIAN
UNIVERSITY

ISSN 2738-2729 (Online)

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE
UNIVERSITY

URBIS ET ORBIS

MICROHISTORY AND SEMIOTICS OF THE CITY

2024 | Vol. 4 | No. 2

Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2024. Том 4. № 2

Журнал «Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города» – научное рецензируемое периодическое издание открытого доступа. Журнал организован для обсуждения теоретических проблем, связанных с городским пространством, городами в художественных текстах, а также с визуально-семиотическими и микроисторическими исследованиями.

В журнале публикуются работы по следующим темам: городские формы культурной коммуникации, визуальная семиотика города, социология города, городская архитектура как семиотическая система, визуальная экология, код города, городские практики, футуристические и утопические модели города, городской фольклор, образ города, сакральные пространства города, виртуальный город, город в искусстве, фотографии, кино и литературе. Данный список тем не является закрытым и может быть расширен.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, переводы зарубежных материалов, эссе, рецензии, интервью, научные доклады, обзоры, отчёты о научных событиях.

Журнал индексируется в РИНЦ, ERIN PLUS, DOAJ и Ulrich's Periodicals Directory.

Главный редактор

Е. Г. Маргарян (Российско-Армянский университет, Ереван, Армения)

Заместители главного редактора

С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия)

Т. С. Симян (Ереванский государственный университет, Армения)

Ответственный секретарь

Е. В. Гилл (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия)

Редакционная коллегия

Л. М. де Баррос Пинто (Университет интерьера, Ковилья, Португалия)

Д. Васильски (Юнион – Университет Николы Теслы, Белград, Сербия)

Г. В. Горнова (Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия)

Н. С. Драган (Национальный университет политических исследований и государственного управления, Бухарест, Румыния)

И. Н. Духан (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

С. П. Кауи (Университет Калифорнии, Лос-Анджелес, США)

М. Озсари (Университет Балыкесир, Турция)

Е. И. Спешилова (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия)

П. Я. Ференьски (Вроцлавский университет, Польша)

А. Цимдиня (Латвийский университет, Рига, Латвия)

Редакционный совет

Л. А. Абрамян (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук, Ереван, Армения)

Ф. Беллентани (Туринский университет, Италия)

К. Ф. Герри (Университет Буэнос-Айреса, Аргентина)

М. С. Гунько (Оксфордский университет, Великобритания; Ереванский государственный университет, Армения)

Э. Джгеренаиа (Государственный университет имени Ильи Чавчавадзе, Тбилиси, Грузия)

Х. Кафтанжиев (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

В. Л. Круткин (Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия)

М. С. Ильченко (Институт истории и культуры Восточной Европы имени Лейбница, Лейпциг, Германия)

И. А. Пильщиков (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США)

Дж. Р. Рассел (Гарвардский университет, Кембридж, США)

Ж. Р. Сладкевич (Гданьский университет, Польша)

С. А. Смирнов (Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия)

Е. Г. Трубина (Университет Северной Каролины, Чапел-Хилл, США)

В. Г. Щукин (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Э. Эно (Университет Сорбонны, Париж, Франция)

Соучредители

МОУ ВО «Российско-Армянский университет»
Адрес соучредителя: 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
Телефон: +374 91 93-31-23

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
Адрес соучредителя: 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 4
Телефон: +7 8162 62-72-44

Адрес редакции: 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина 123, ауд. 444
Телефон: + 374 55 81-00-93, +374 91 24-54-96
E-mail: urbiestorbis2021@gmail.com

Сайт журнала: <https://urbisetorbis.rau.am/>

© Российско-Армянский университет, 2024
© Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024
Все права защищены

Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City. 2024. Vol. 4. No. 2

Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City is a scientific peer-reviewed open access journal. The journal is established to discuss theoretical problems related to urban space, cities in literary texts, as well as visual-semiotic and microhistorical studies.

Materials on the following topics are accepted for publication in the Journal: urban forms of cultural communication, visual semiotics of the city, sociology of the city, urban architecture as a semiotic system, visual ecology, city code, urban practices, futuristic and utopian models of the city, urban folklore, image of the city, sacred spaces of the city, virtual city, the city in art, photography, cinema, and literature. This list is not exhaustive and can be expanded.

The Journal publishes original articles, translations of foreign publications, essays, reviews, interviews, research reports, bibliographic reviews, scientific event reports.

The Journal is indexed in the Science Index, DOAJ, ERIH PLUS and Ulrich's Periodicals Directory.

Editor-in-Chief

Yervand G. Margaryan (Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia)

Vice-Editors

Sergey S. Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Tigran S. Simyan (Yerevan State University, Armenia)

Executive Secretary

Elena V. Gill (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Editorial Board

Ausma Cimdiņa (University Latvia, Riga, Latvia)

S. Peter Cowe (University of California, Los Angeles, USA)

Nicolae-Sorin Drăgan (National University of Political Studies and Public Administration, Bucharest, Romania)

Igor N. Dukhan (Belarussian State University, Minsk, Belarus)

Piotr Jakub Fereński (University of Wrocław, Poland)

Galina V. Gornova (ITMO University, St. Petersburg, Russia)

Mustafa Ozsari (Balıkesir University, Turkey)

Luís Miguel de Barros Moreira Pinto (University Beira Interior, Covilhã, Portugal)

Elizaveta I. Speshilova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Dragana Vasilski (University "Union – Nikola Tesla", Belgrade, Serbia)

Editorial Council

Levon Abrahamian (Institute of Archaeology & Ethnography of the National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia)

Federico Bellentani (University of Turin, Italy)

Claudio F. Guerri (University of Buenos Aires, Argentina)

Maria Gunko (University of Oxford, UK; Yerevan State University, Armenia)

Anne Hénault (Sorbonne University, Paris, France)

Emzar Jgerenaia (Ilia State University, Tbilisi, Georgia)

Mikhail S. Ilchenko (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe, Leipzig, Germany)

Christo Kaftandjiev (Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Viktor L. Krutkin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor A. Pilshikov (University of California, Los Angeles, USA)

James Robert Russell (Harvard University, Cambridge, USA)

Żanna Śładkiewicz (University of Gdańsk, Poland)

Sergey A. Smirnov (Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia)

Wasilij G. Szczukin (Jagiellonian University, Kraków, Poland)

Elena G. Trubina (University of North Carolina, Chapel Hill, USA)

Founders

Russian-Armenian University

Address: 123 Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051

Tel.: +374 91 93-31-23

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Address: 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya Street, Veliky Novgorod, Russia, 173003

Tel.: +7 8162 62-72-44

Editorial address: 123 Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051, aud. 444

Tel.: + 374 55 81-00-93, +374 91 24-54-96

E-mail: urbistorbis2021@gmail.com

Online address: <https://urbisetorbis.rau.am/>

© Russian-Armenian University, 2024. All rights reserved

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2024. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Теории города*О. Л. Лейбович*Споры об урбанизме в германской
и французской социологии 1950–2000 гг.....141*D. Vasilski*On Minimalism in Architecture:
Emptiness, Semiosphere, and Culture.....154*Н. Г. Федотова*Городская идентичность:
пространственные аспекты.....169**Город и университет***Н. Б. Седикова, Е. И. Иноземцева, Н. В. Кахаева, Д. В. Черникова*Университетские кампусы
как живые лаборатории.....183*Д. Н. Замятин, С. С. Аванесов*Университет и город: геокультурная миссия.
Экспертное интервью.....201**Культурное пространство города***Т. Е. Saroyan*Ashoughs and Poets in the 17th–19th
Eastern Armenian and Iranian Cafés.....217*Л. Е. Бушканец*Доминантные топосы в культурной памяти города:
«Чёрное озеро» в истории, литературе и культуре Казани.....227*Э. Л. Гептинг, Ю. В. Меринова*Советские монументальные мозаики Великого Новгорода
как часть современного городского ландшафта.....242**Рецензии***Y. N. Tajarian*Review of: Harutyunyan, Kh. A. (Ed.). (2023).
Historical and Cultural Heritage of Yerevan. “Tparan” Publishing House254

CONTENTS

Theories of the City

Oleg L. Leibovich

The Urbanism Debate in German and French

Sociology 1950–2000.....141

Dragana Vasilski

On Minimalism in Architecture:

Emptiness, Semiosphere, and Culture.....154

Natalia G. Fedotova

Urban Identity: Spatial Aspects.....169

City and University

Nika B. Sedikova, Ekaterina I. Inozemtseva, Natalia V. Kakhaeva, Daria V. Chernikova

University Campuses as Living Laboratories.....183

Dmitry N. Zamyatin, Sergey S. Avanesov

The University and the City:

A Geo-Cultural Mission. Expert Interview.....201

Urban Cultural Space

Tatevik E. Saroyan

Ashoughs and Poets in the 17th–19th

Eastern Armenian and Iranian Cafés.....217

Liya E. Bushkanets

Dominant Topos in the City Cultural Memory:

Chornoje Ozero («Black Lake») in Kazan History, Literature, and Culture.....227

Elvira L. Gepting, Yulia V. Merinova

Soviet Monumental Mosaics of Veliky Novgorod

as a Part of Modern Urban Landscape.....242

Reviews

Yvette N. Tajarian

Review of: Harutyunyan, Kh. A. (Ed.). (2023).

Historical and Cultural Heritage of Yerevan. “Tparan” Publishing House.....254

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-141-153](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-141-153)

Споры об урбанизме в германской и французской социологии 1950–2000 гг.

О. Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия
oleg.leibov@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

французская и немецкая городская социология урбанизм история социологии исследовательские парадигмы идеологические конструкты

АННОТАЦИЯ

В статье произведена реконструкция дискуссии об урбанизме во французской и германской социологической литературе 1950–1980 гг. по аутентичным источникам. За 50 лет трижды была произведена смена парадигм в исследовании городской культуры. Первоначально в национальных социологиях доминировала идеологическая концепция урбанизма, противостоящая германской философской традиции эпохи О. Шпенглера и его предшественников. Урбанизм рассматривался как функция городского пространства, обеспечивающая всем гражданам свободу и личностное развитие (Н. Р. Bahrdt). Новая политэкономическая парадигма (М. Castells) первоначально начиналась с критики урбанизма как одной из форм буржуазной идеологии, лишённой теоретического содержания. Впоследствии новая парадигма была сконструирована в терминах политической экономии «Капитала» без какого бы то ни было обращения к культурным аспектам городской жизни. Город – не более чем инфраструктура обращения капитала, необходимые для воспроизводства рабочей силы коллективные средства потребления, привязанные к местности, мало эластичные, неприбыльные. Горожанин рассматривался как безликий, лишённый индивидуальных черт агент экономического процесса, момент в хозяйственном развитии. В процессе освоения политической экономии города социологи упустили из виду и анализ конкретных социальных ситуаций, и культурные конфликты, и функционирование воображаемых сообществ, и символическую связь горожанина с городом. На смену политэкономии города под маркой критической социологии пришла новая школа социального урбанизма (W. Siebel, A. Bourdin). Её приверженцы произвели инвентаризацию языков для описания городской культуры и стиля жизни, акцентировали идею доступности базовых предметных и институциональных инструментов городского быта, подвергли анализу возможности урбанизма для социальной интеграции горожан и описали статус урбанизма в городском планировании, назвав его великой социальной миссией (A. Bourdin). В поисках адекватной концепции урбанизма социологи формировали собственную социальную идентичность, доказывая свою необходимость и значимость в деле социальной и культурной реконструкции европейского общества.

Для цитирования:

Лейбович, О. Л. (2024). Споры об урбанизме в германской и французской социологии 1950–2000 гг. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(2), 141–153. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-141-153](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-141-153)

© Лейбович О. Л., 2024

The urbanism debate in German and French sociology 1950–2000

Oleg Leibovich

Perm State Institute of Culture, Perm, Russia
oleg.leibov@gmail.com

KEYWORDS

French and German
urban sociology
urbanism
history of sociology
research paradigms
ideological constructs

ABSTRACT

The author's research approach to the topic of urbanism in continental European sociology is based on two fundamental points: 1) no unified sociology of the city has emerged; the historian of science has to deal with national sociologies, such as German and French; 2) the common ideological or, more broadly, intellectual situations give rise to similar attitudes and research topics in professional sociological communities. The choice of Francophone and German-language texts for analysis is determined by the wide exchange and mutual influence of national sociological schools between 1950 and 2000. In both countries, there was a process of reconstruction of sociology, first on the reception of American sociology and then on its critique. In 50 years, there were three paradigm shifts in the study of urban culture. Initially, the ideological concept of urbanism dominated in national sociologies, opposing the German philosophical tradition of the era of O. Spengler and his predecessors. Urbanism was considered as a function of urban space, ensuring freedom and personal development for all citizens (H. P. Bahrdt). The new political economy paradigm (M. Castells) initially began with a critique of urbanism as a form of bourgeois ideology devoid of theoretical content. Subsequently, the new paradigm was constructed in terms of the political economy of "Capital" without any reference to the cultural aspects of urban life. A city is nothing more than infrastructure for the circulation of capital, collective means of consumption necessary for the reproduction of labor, tied to the territory, inelastic, unprofitable. Citizen was considered as agent of economic process, faceless and deprived of individual features, a moment in economic development. In the process of mastering the political economy of the city, sociologists have overlooked the analysis of specific social situations, cultural conflicts, the functioning of imagined communities, and the symbolic connection of the citizen with the city. The political economy of the city was replaced by a new school of social urbanism under the brand of critical sociology (W. Siebel, A. Bourdin). Its adherents made an inventory of languages to describe urban culture and lifestyle, emphasized the idea of accessibility of basic subject and institutional tools of urban life, analyzed the possibilities of urbanism for the social integration of citizens and described the status of urbanism in urban planning, calling it a great social mission (A. Bourdin). In search of an adequate concept of urbanism, sociologists formed their own social identity, proving their necessity and importance in the social and cultural reconstruction of European society.

For citation:

Leibovich, O. L. (2024). The urbanism debate in German and French sociology 1950–2000. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 141–153. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-141-153](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-141-153)

В настоящей статье ставится целью реконструировать в самых общих чертах дебаты о городе и урбанизме, повлекшие за собой конструирование новой парадигмы исследования городской жизни на рубеже XX–XXI веков, представить к обсуждению профессиональные, идеологические и культурные основания смены исследовательских парадигм. В дискуссионное поле были вовлечены основные темы урбанистических социологий: содержание урбанизма, его связь с социальными интересами различных групп городского населения, границы распространения, идеологическое наполнение, переосмысление городской политики, генезис и перспективы так называемых новых городских движений, а также реинтерпретация сложившихся социологических традиций.

30 лет тому назад в одном малотиражном социологическом издании немецкий социолог В. Зибель сформулировал тезис: «По своей природе урбанизм не связан ни с городской формой поселения, ни даже с большим городом» (Siebel, 1994, s. 5). Сегодня такое высказывание производит впечатление трюизма, в лучшем случае тропа, строчки из учебника. В 1990-е годы оно свидетельствовало о смене парадигм в городской социологии, или вернее, в городских социологиях. Автору представляется вполне обоснованными аргументы К. Топалова, оспаривающего общую единую историю развития и эволюции этой отрасли социологического знания. «Несмотря на отдельные попытки институализации, эта дисциплина не представляла собой процесса накопления знаний в рамках стабильного института. Скорее речь может идти о прерывающейся серии локальных вспышек, сменяющихся затмениями. Часто менялось определение предмета исследования, иногда радикально, так как каждое из них обуславливалось конкретной исторической ситуацией в стране» (Топалов, 2013, р. 1). Такие повороты касались выбора предшественников, основателей, классиков городской социологии. Так, в 1958 году в США основоположником урбанистики был провозглашён Макс Вебер (Martindale, 1958, pp. 9–62).

Тем не менее, в 1960–1980 годы в национальных социологических традициях господствовала общая точка зрения, отождествлявшая город с особым стилем жизни. В ходу были однозначные формулировки, направлявшие поиски социологов именно в этом направлении. Так заново воссоздаваемая германская социология руководствовалась двумя максимумами. Первая, принадлежавшая Р. Кёнигу, гласила: «Сегодня большой город – это не просто крупное многолюдное поселение, это, прежде всего, особый стиль жизни» (König, 1973, s. 15). Вторая отождествляла городскую социологию с исследованиями урбанизма. Как некогда заметил М. Кастельс: «В сущности, концепция “урбанистической культуры” (урбанизм) является теоретическим основанием городской социологии» (Castells, 1969, p. 175). В 1970–1980 годы обе эти мыслительные конструкции стали предметом критики со стороны французской марксистской социологической школы, хотя и далёкой от ортодоксии по отбору и интерпретации ключевых текстов.

Доминирование урбанизма в европейских национальных социологиях не было чем-то случайным. Представляется односторонним и поверхностным сводить его причины к влиянию американской социологии, хотя европейские социологи учились по англоязычным учебникам, заново открывали теоретическое наследие Макса Вебера в английских переводах, вслед за ним переосмысливали социальные науки «как науки о культуре» (Давыдов, 2000, с. 436). В такой ситуации идеи Л. Вирта, отождествлявшие городскую жизнь с ценностными ориентирами его обитателей, казались вполне современными и убедительными (Wirth, 1938).

Влияние американской социологии, однако, являлось лишь одним из компонентов интеллектуальной атмосферы послевоенной Европы. Либерально или социалистически настроенные гуманитарии переживали в 1950–1960-е гг. травматическую реакцию на фашизм в его германском и итальянском изводах. В нацистской идеологии, особенно в её заимствованиях из более ранней культуркритики, городская жизнь в «асфальтовых джунглях» подвергалась постоянному осуждению и дискриминации (Артамошин, 2002, с. 20, 43). В ФРГ новая социология города формировалась в ситуации интеллектуального преодоления национал-социалистического наследия. В дихотомии «город – деревня» была произведена переустановка ценностей. Городу были возвращены его достоинства и перспективы. Иначе говоря, прежде чем стать предметом социологических изысканий, в западногерманской общественной мысли урбанизм был интегрирован в либеральную идеологию, заняв в ней подобающее ему место (Binder, 2006, s. 45–66).

Так М. Кастельс идентифицировал урбанизм с идеологическим оправданием бюрократически организованного общества потребления: «Что такое урбанизм? Надстройка над неокapиталистическим обществом» (Castells, 1972, p. 13). Если не принимать во внимание клишированный характер высказываний дерзкого возмутителя спокойствия в академической среде, то, по существу, он был прав. Большой город в социологических текстах 1950–1960-х гг. являлся скорее частью идеологического нарратива, нежели исследовательских изысканий. Г. П. Бардт представлял город в виде противоречивого единства приватной и публичной сфер жизнедеятельности человека, что обеспечивало «...упругость, динамизм и сознательность социальной жизни» (Bahrtdt, 1961, s. 56). Полярность этих сфер, по его мнению, предполагала неполную включённость горожанина в территориальную общность, что обеспечивало ему личную независимость и политическую свободу. Город, стало быть, «...гарантирует неограниченный выбор контактов каждого с каждым, открытость социальных возможностей для горожанина, во власти которого решать, с кем, когда, каким образом и как долго поддерживать эти контакты» (Bahrtdt, 1961, s. 40).

В этой своей книге, неоднократно переизданной, Г. П. Бардт выступает в роли идеолога, все его аргументы полемичны по отношению к прежней интеллектуальной традиции, обличавшей город как бесчеловечную, механическую машину. Впрочем, старые идеи отнюдь не отошли в прошлое. Публика была воодушевлена памфлетом известного психолога А. Мичерлиха «Негостеприимство наших городов»; в нём автор подверг критике практику и теорию современного градостроительства, обнаружив в ней множество изъянов, калечащих человека: серость, скученность, обезличенность публичного и частного пространства. «Нелепость сегрегации приводит к упадку городской публичной сферы» (Mitscherlich, 1965, s. 16). Правда, в отличие от своих предшественников – писателей XIX века – он видел корень зла в частной собственности на землю. Популярность книги – за 10 лет было выпущено в свет 13 изданий общим тиражом 90 000 экземпляров (Saldern, 2015, s. 155) – была обусловлена не только превосходным стилем изложения, но широтой мировоззренческих установок автора: «он смог предложить что-то для всех: консервативную культуркритику и пафос Просвещения, психоанализ и экологический детерминизм» (Sieverts, 2009, s. 64).

Агрегатность отнюдь не является недостатком для идеологического текста. Собственно говоря, он и рассчитан на разнородную аудиторию с несовпадающими ожиданиями, освоенными тезаурусами укоренившимися образами

действительности. Дискуссия о стратегии городского развития между Г. П. Бардтом и А. Мичерлихом была вынесена на страницы популярных общественно-политических журналов. «Это полный провал», – так был озаглавлен отзыв А. Мичерлиха на новую книгу Г. П. Бардта (Mitscherlich, 1968, s. 169). Спорили, впрочем, не об идеях, а об их практическом применении в городском строительстве. На социологическую рутину теоретические разногласия влияли мало, в отличие от идеологических предпочтений. Культурный поворот в социологии, о котором некогда писал Ю. Н. Давыдов, заново расставлял приоритеты перед полевыми исследователями. Для них важно было искать и находить черты городского образа жизни, его стилистические и ценностные ориентиры. Причём, набор их отличался непомерной широтой и малой определённой. Один из критиков урбанизма писал по этому поводу, что вместо научной концепции социологам предложили миф о городе: «путаницу смыслов, призванных найти связь между определённой экологической формой и её особым культурным содержанием» (Castells, 1972, p. 111).

Заметим, что дебаты об урбанизме во Франции 1950–1960 гг. были своего рода интеллектуальной игрой, едва ли затронувшей практики социологических исследований. В перечне заметных публикаций о социальной жизни во французских городах есть всего несколько текстов, относящихся к тому времени: монография Шомбар де Лова о Париже (Chombart de Lauwe, 1965) и статья А. Лефевра о новых городских застройках, т. н. «grands ensembles», в России прозванных «китайскими стенами» (Lefebvre, 1960). Когда М. Кастельс сделал свой критический обзор урбанистических исследований, ему пришлось обратиться к публикациям в американских издательствах и журналах. Знакомство с ними позволило ему сформулировать вывод: «Возможно, последним крупным исследовательским проектом в городской социологии станет тот, который эмпирически продемонстрирует невозможность её научной автономии» (Castells, 1968, p. 90).

В отличие от Франции в ФРГ в 1950–1960 гг. полевая городская социология развивалась высокими темпами, разрабатывая, в основном, две большие темы: человек и городские сообщества (общины) и социально ориентированное градостроительство (Боронников, 1987). В кругу немецких социологов доминировала идея разрыва с прошлым, с культуркритикой времён II Рейха, по сути, не только антиурбанистической, но и в целом, обскурантистской (Richard, 1982, s. 141). Была сделана попытка изобрести иную литературную традицию. Так, А. Лангбену (автору книги «Рембрандт как воспитатель», выдержавшей 37 изданий за 30 лет), обличавшему городскую жизнь за её космополитизм, американизацию, отказ от естественной простоты и меркантилизм (Langbehn, 1922, s. 238–240), противопоставили его младшего современника австрийского литератора К. Крауса, не только принявшего городскую жизнь, но и опубликовавшего свои ожидания от неё. Что ждёт от города его обитатель, задавал риторический вопрос К. Краус и сам же на него отвечал: «Я требую от города, в котором должен жить: асфальт, ливневую канализацию, ключи от парадного, отопление и горячую воду. Уют себе я создам сам» (Kraus, 1986, s. 209).

Проверялись гипотезы, касающиеся особого социокультурного статуса горожанина, его ожиданий и требований к городской застройке, степени влияния территориальных сообществ на социальное поведение жителей большого города. Были получены результаты, подвергнутые противоречивым интерпретациям. В социологических текстах, относящихся к тому времени, можно прочесть, что «...все

попытка создать из горожан общину закончилась крахом» (Drevermann, 1977, s. 257), но также и иное, по существу, противоположное мнение Р. Кенига: «Горожанин руководствуется скорее коллективными представлениями, принятыми в обществе, нежели сугубо экономическим расчётом» (König, 1977, s. 94).

Если городская община представляет собой воображаемое сообщество, то её обитатели формируют свой стиль жизни, прежде всего, под влиянием своего ближнего окружения, ближнего не только по территориальному, но и по социальному положению. То, что называлось городской культурой, на поверку оказывалось образом жизни верхушек среднего класса, «принципами частной буржуазной жизни» (Berndt, 1987, s. 156).

В сообществе западногерманских социологов тех лет были сильны реформаторские настроения, готовность к участию в градостроительной правительственной политике, намерение указать федеральным и земельным властям на болевые точки в общественной жизни, выделить так называемые «слабые группы населения», нуждающиеся в особой поддержке (Bahrtdt, 1968), изобрести новые адекватные времени способы организации городского пространства (Hartard, 2006, s. 61–63). Социологическое консультирование проектной деятельности не снимало вопрос, чем является город, на кого ориентироваться – на А. Мичерлиха или Г. Бардта, есть ли необходимые условия для гуманного градостроительства или можно ограничиться джентрификацией городского центра, установкой новых декораций для городских активностей: «Если не хватает средств для представительных новостроек и глубокой модернизации, то, по крайней мере, можно перестроить в уютную городскую гостиную центральные улицы и площади, сделать их привлекательными для прохожих» (Durth, 1977, s. 22).

В диалоги о городской культуре, стилях жизни вторгались новые темы: об имущественном расслоении горожан, о предпринимательских стратегиях градостроения, о финансовой стороне преобразования городской среды, о конфликтах в территориальном сообществе за доступ к материальным и нематериальным благам городской жизни.

В 1970 г. произошёл новый поворот в урбанистической социологии. Культурологическая парадигма уступила своё место новой, назовём её политэкономической, парадигме по Марксу, или вернее, по Л. Алтьюссеру. Французский философ доказывал, что марксистская теория социальной жизни потому научна, что свободна от каких бы то ни было следов гуманистической традиции. «Разрыв со всякой философской антропологией и со всяким философским гуманизмом – отнюдь не какая-то второстепенная деталь: он образует единое целое с научным открытием Маркса» (Альтюссер, 2006, с. 322). Мне уже приходилось писать об этом повороте в социологии города (Лейбович & Кабацков, 2006, сс. 8–19). Чтобы избежать повторений, постараюсь изложить новую политэкономическую социологию города в кратких тезисах.

Ключевой категорией в ней является отнюдь не культура, а капитал. Последний организует пространство по своему образу и подобию, в том числе и в виде современного города. Последний является ничем иным, нежели инфраструктурой обращения капитала, то есть местом концентрации коллективных ресурсов для воспроизводства рабочей силы: образовательных и медицинских учреждений и пр. Они привязаны к местности, рассчитаны на длительное существование – и по этой причине не являются притягательными для частных инвестиций (Knigge, 1975,

s. 27). Причём, инвестируют в жилищное строительство, транспорт, системы образования и здравоохранения одни институты: государственные или муниципальные, а прибыль извлекают другие – частные, причём спустя продолжительное время. Последнее и объясняет и «негостеприимство», и запущенность современных городов, а также обеднение в них социальной жизни.

Горожанин под политэкономическим углом зрения утрачивал свою культурную идентичность; в нём видели одного из агентов всё того же обращения капитала в соответствии с его местом в системе производства. Экономическим положением определяется, в конечном счёте, уровень доступности коллективных потребительских ресурсов. Увидеть город можно лишь в иной оптике, охватывающей общество в целом: «со структурными ограничениями жизненных шансов, с моделями и ходом осуществления конфликтных процессов» (Harloe, 1977, p. 2). В упрощённой схеме речь шла о разделении горожан на имущих (буржуа) и неимущих. У первых была свобода выбора; «другой класс не имеет ничего другого, как принимать то, что ему остаётся» (Regnier, 1973. p. 1267).

Свою собственную идентичность терял и современный город; он рассматривался в виде проекции позднего капиталистического общества в ограниченном пространстве. Критика города таким образом становилась одной из специфических форм критики буржуазного строя, его экономических, социально-классовых и идеологических структур. Социологи, исповедующие эту концепцию, фактически уклонялись от участия в городском реформировании: во-первых, оно становилось бесцельным, или декоративным, или идеологически ангажированным имущим классом и его государственной машиной; во-вторых, предполагало отказ от этоса служения эксплуатируемым и подавляемым классам. Им оставалась роль критиков системы или консультантов для новых городских движений или иных радикальных внепарламентских политических группировок. Политэкономическая социология города была тесно связана с современным ему критическим направлением общественной мысли на Западе, его отражением или, скорее, продолжением в одной из отраслей социального знания.

«Это был период “интеллектуалов”, особо авторитетных общественных персон, находившихся в то время на пике популярности: Мишеля Фуко, Жака Лакана, Ролана Барта, Луи Альтюссера, Жюль Делёза и многих других. Их объединяла тотальность мышления и критичность по отношению к философскому и методологическому наследию. Вместе они стимулировали и влияли на исследовательские практики, в том числе, и на городские» (Le Breton, 2009, p. 7). Согласимся с Э. Ле Бретоном, близость критических позиций обеспечила внимание большой прессы к работам социологов, условно говоря, школы М. Кастельса. Философы обнаружили ущербность западного мира; социологи проделали сходные операции с городом: с его социальной реальностью и урбанистическими мифами. Правда, при этом город как бы растворялся в большом обществе, более того, был обречён вместе с ним. В многочисленных статьях и книжках они символически умерщвляли свой предмет исследования, руководствуясь, с одной стороны, упрощёнными экономическими схемами, а с другой, личным или коллективным опытом пребывания в левых политических организациях.

Волна популярности политэкономической социологии схлынула в 1980-е годы. «Эти труды сегодня забыты и неизвестны». Знаменитая книга М. Кастельса «Городской вопрос» пылится сегодня в подвалах университетских библиотек» (Le

Breton, 2009, p. 8). И дело здесь не только в смене интеллектуальной моды. Философские тексты, упомянутые несколькими строками выше, вошли в университетские курсы, сохранили притягательность и для последователей, и для критиков, и для переводчиков, и даже для студентов. О них спорят, к ним обращаются; к их именам апеллируют соискатели научных титулов – и не только философских.

Просто то, что является достоинством в философских текстах – умение абстрагироваться от очевидностей, закрывать глаза на пену дней, чтобы угадать или разгадать потаённые смыслы событий, неприемлемо для социологов. Можно сколько угодно повторять мантры: город как социальный институт не существует; горожанин – только маска для экономического агента капитала; городская культура – миф, сконструированный «учёными лакеями буржуазии» (В. И. Ленин), всё равно, профессиональный социолог не может игнорировать мозаики культурных различий среди горожан, множества ценностных ориентаций, конфликты по поводу «правильных» или «неправильных» норм; пространственные символы – всего того, что образует ткань социальной жизни. Простые схемы, почерпнутые из инструментария политической экономии XIX столетия, здесь не работают. В диссертации М. Кастельса, относящейся к 1983 году, читаем: «Мы исходим из того, что ни производительные силы, ни экономическая логика не объясняют формы, направления и последствия процесса урбанизации» (Castells, 1983, p. 599). Стало быть, объяснение надо искать иными путями.

Наследники политэкономической школы вновь вернулись к проблематике городской культуры, но уже освобождённой от прежних идеологических наслоений. Нужно начинать с языка описания города, в «либеральном урбанизме» используется набор нечётких, расплывчатых понятий, «...которые в итоге оттеснили на второй план более точный, более эффективный, но менее легко используемый интеллектуальный инструментарий» (Bourdin, 2010, p. 19). Необходима новая семантика, простая и однозначная, позволяющая соединить две концепции, сугубо теоретическую и прикладную, практическую. А. Бурден вводит новое понятие: «социальный урбанизм», предполагающий использование идеи развёртывания городской культуры в социальном планировании городов. «В этой актуальной книге Алэн Бурден начинает дискуссию о переосмыслении городского планирования. Он бросает вызов ложной уверенности “либерального урбанизма” последних тридцати лет и отстаивает урбанизм, внимательный к социальным проблемам и укрепляющий социальную сплочённость» (Füzessery, 2010).

В прошлом социологи акцентировали внимание на конфликтах и противоречиях внутри городской культуры, способах дискриминации и исключения. «Однако диалог и переговоры – это тоже культурные феномены, и в наше время плюрализма они приобретают всё большее, возможно, решающее значение» (Bauman, 1999, p. LII). Чтобы достигнуть социокультурной интеграции городских сообществ, по мнению А. Бурдена, необходимо, во-первых, участие социологов в городском планировании, во-вторых, разработка единого операционального языка, доступного для всех участников в принятии решений, в-третьих, поставить перед планированием внятные большие социальные цели. Речь идёт о распространении урбанистических достижений на все группы населения.

Социальный урбанизм акцентирует внимание, прежде всего, на материальных аспектах городского образа жизни, прежде всего, на доступности технологий, по-иному формирующих жизненные стили поведения. Социологи нового поколения

обращаются к старым текстам, тем из них, в которых обсуждались низменные бытовые вопросы городского образа жизни: распространение канализации, появления мусоропроводов и пр. (Schöller, 1967, s. 4–5).

Возвратимся к исходному тезису В. Зибеля: урбанизм не тождественен городу. Урбанизм является результатом длительного исторического процесса. Он возможен лишь при определённых условиях, а именно: при соответствии технологического инструментария в приватной сфере индустриальной или постиндустриальной стадии в развитии народного хозяйства, а также при доступности его основной массе городского населения. «Вам больше не нужно брать воду из колодца, не нужно держать кур, чтобы иметь яйца, не нужно топить печь, вы можете разместить своих детей, пожилых людей, нуждающихся в уходе, и больных в предусмотренных для них объектах социальной инфраструктуры» (Siebel, 1994, s. 11). Анонимность и свобода от социального контроля являются дополняющими к водопроводу и канализации элементами стиля жизни, впрочем, как культурные конфликты и противоречия, обеспечивающие динамику социальной жизни. Между современным городом и его историческими предшественниками мало общего, кроме одного и того же названия: «Город – это пустое слово для обозначения множества реалий: греховного Вавилона, священного Иерусалима, Ольденбурга в Ольденбурге, но также Калькутты, Спарты и Афин, немецких городов раннего средневековья – в среднем с 500-ми жителей – и Мехико-Сити сегодня, где проживают 30 миллионов» (Häußermann & Siebel, 1987, s. 7).

Заключение

В социальном урбанизме городской стиль жизни интерпретируется как явление современности, незавершённый итог длительной эволюции. Для того, чтобы распространить его на все слои населения, необходимы специальные усилия правительственных, муниципальных органов, то есть социально ориентированное городское планирование. Оно возможно лишь при участии городской общественности в поисках компромисса между отдельными группами населения, политическими силами и локальными сообществами. Новый урбанизм не предполагает ни социальной гармонии, ни равной степени приобщения к культурным ценностям. В нём социологи этого направления видят лишь предпосылку, мультикультурное поле возможностей для снятия наиболее жёстких противоречий городской жизни.

Дискуссии об урбанизме в континентальной Западной Европе 1950–2000 гг. интересны тем, что они позволяют обнаружить связь между профессиональной наукой и изменчивой идеологической ситуацией, не сводимой к производству слов (образов и понятий) властными учреждениями. При её формировании взаимодействуют различные, иногда прямо противоположные идеологические тренды.

В поисках адекватной концепции урбанизма социологи формировали собственную социальную идентичность, доказывая свою необходимость и значимость в деле социальной и культурной реконструкции европейского общества. В профессиональном плане дебаты об урбанизме позволили произвести рецепцию американской социологии, адаптировав её к местным условиям. В критике урбанизма 1960–1970-х годов ключевую роль играло стремление создать собственную социологию сопротивления, освободиться от «американского колониализма».

Библиография

- Альтюссер, Л. (2006). *За Маркса*. (А. В. Денежкина, пер.). Праксис.
- Артамошин, С. В. (2002). *Идейные истоки национал-социализма*. Издательство БГУ.
- Боронников, А. Д. (1987). *Город в буржуазном обществе: Критический анализ западногерманской немарксистской социологии города 1945–1985*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. Институт социологических исследований.
- Лейбович, О. Л., & Кабацков, А. Н. (ред.). (2006). *Городские миры. Опыт гуманитарного исследования*. Изд-во РИО ПГТУ.
- Давыдов, Ю. Н. (2000). Ренессанс М. Вебера на Западе (Вторая половина 70-х–80-е годы). В Ю. Н. Давыдов (ред.), *История теоретической социологии*. В 4-х т. Т. 4. (с. 436–465). РХГИ.
- Bahrtdt, H. P. (1961). *Die moderne Großstadt: Soziologische Überlegungen zum Städtebau*. Rowohlt.
- Bahrtdt, H. P. (1968). *Humaner Städtebau. Überlegungen zur Wohnungspolitik und Stadtplanung für eine nahe Zukunft*. Christian Wegner Verlag.
- Bauman, Z. (1999). *Culture as Praxis*. SAGE Publications.
- Berndt, H. (1987). Hygienebewegung des XIX. Jahrhunderts als vergessene Thema von Stadt-Architektursoziologie. *Die alte Stadt*, 2, 140–163.
- Binder, B. (2006). Urbanität als «Moving Metaphor». Aspekte der Stadtentwicklungsdebatte in den 1960er/1970er Jahren. In Adelheid von Saldern (Hg.), *Stadt und Kommunikation in bundesrepublikanischen Umbruchszeiten* (s. 45–66). Franz Steiner Verlag.
- Bourdin, A. (2010). *L'urbanisme d'après crise*. Editions de l'Aube.
- Castells M. (1983). *Changer la ville. Éléments pour une théorie sociologique des mouvements sociaux*. Thèse pour le doctorat. Université René-Descartes, 3 tomes.
- Castells, M. (1968). Y a-t-il une sociologie urbaine? *Sociologie du travail*, 10(1), 72–90.
- Castells, M. (1969). Théorie et idéologie en sociologie urbaine. *Sociologie et sociétés*, 1(2), 171–192.
- Castells, M. (1972). *La question urbaine*. François Maspéro.
- Chombart de Lauwe, P.-H. (1965). *Paris. Essais de sociologie, 1952–1964*. Éditions Ouvrières.
- Drevermann, W. (1977). *Intelligenz, Phantasie und Macht für die Planung von Stadt und Land*. Selbstverlag – Wasmuth Buchhandlung in Kommission
- Durth, W. (1977). *Die Inszenierung der Alltagswelt. Zur Kritik der Stadtgestaltung*. Verlag & Vieweg.
- Füzesséry, St. (2010, 1 décembre). Réinventer l'urbanisme. *Laviedesidees*. URL: <https://laviedesidees.fr/Reinventer-l-urbanisme>.
- König, R. (Ed.). (1977). *Handbuch der empirischen Sozialforschung*. Bd. 10: Großstadt/Massenkommunikation/Stadt-Land-Beziehungen. Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Harloe, M. (Ed.). (1977). *Captive cities: Studies in the political economy of cities and regions*. John Wiley.
- Hartard, Ch. (2006). Komm, wir bauen eine Stadt. Wie in den 1960er-Jahren der Traum vom Urbanen am Verfall des öffentlichen Raums scheiterte. Einige Stadtrandbemerkungen aus München-Neuperlach. *Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft München* (Sonderheft), 60–73.

- Häußermann, H. Sibel, W. (1987). *Neue Urbanität*. Suhrkamp Verlag.
- Knigge, R. (1975). *Infrastrukturinvestitionen in Grossstädten*. Kohlhammer.
- König, R. (1973). Definition der Stadt. In W. Pehnt (Ed.), *Die Stadt in der Bundesrepublik Deutschland. Lebensbedingungen, Aufgaben, Planung* (s. 11–25). Reclam.
- Kraus, K. (1986). *Aphorismen. Sprüche und Widersprüche. Pro domo el mundo*. Suhrkamp Verlag.
- Langbehn, A. (1922). *Ohne Autor Rembrandt als Erzieher. Von einem Deutschen*. Alexander Duncker Verlag.
- Le Breton, E. (2009). La sociologie urbaine des Trente glorieuses contre l'urbanisme. Premiers éléments d'un chantier en cours. *ESO (Espaces et Sociétés) Travaux et Documents*, 28, 7–18.
- Lefebvre, H. (1960). Les nouveaux ensembles urbains (un cas concret: Lacq-Mourenx et les problèmes urbains de la nouvelle classe ouvrière). *Revue française de sociologie*, 1(2), 186–201.
- Martindale, D. (1958). Prefatory remarks. In M. Weber, *The City*. (pp. 9–62). The Free Press.
- Mitscherlich, A. (1965). *Die Unwirtlichkeit unserer Städte: Anstiftung zum Unfrieden*. Suhrkamp.
- Mitscherlich, A. (1968). Unser aller Versagen. *Spiegel*, 18, 169–171.
- Regnier, M. (1973). La guerre lente ou la stérilisation des villes. *Esprit*, 6, 1263–1274.
- Richard, L. (1982). *Deutscher Faschismus und Kultur: Aus der Sicht eines Franzosen*. Akademie Verlag.
- Saldern von, A. (2015). Gegen Entmischung und Monotonie der Städte. Aleksander Mitscherlich «Anstiftung zum Unfrieden». *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*, 12, 152–160.
- Schöller, P. (1967). *Die deutschen Städte. Erdkundliches Wissen. Beihefte 17 der Geographischen Zeitschrift*. Franz Steiner Verlag.
- Siebel, W. (1994). Was macht eine Stadt urban? Zur Stadtkultur und Stadtentwicklung. *Oldenburger Universitätsreden*, 61, 5–22.
- Sieverts, T. (2009). Rezension “Alexander Mitscherlich: Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Frankfurt/M, 2008”. Wiedergelesen nach 40 Jahren. *The Planning Review*, 1, 62–64.
- Topalov, Ch. (2013, 16 octobre). Trente ans de sociologie urbaine. Un point de vue français. *Métropolitiques*, 1–10. URL: <http://www.metropolitiques.eu/Trente-ans-de-sociologie-urbaine.html>.
- Wirth, L. (1938). Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 44(1), 1–24.

References

- Althusser, L. (2006). *For Marx*. (A. V. Denezhkin, Trans.) Praxis. (In Russian).
- Artamoshin, S. V. (2002). *The ideological sources of national socialism*. Bryansk State University. (In Russian).
- Bahrtdt, H. P. (1961). *Die moderne Großstadt: Soziologische Überlegungen zum Städtebau*. Rowohlt.
- Bahrtdt, H. P. (1968). *Humaner Städtebau. Überlegungen zur Wohnungspolitik und Stadtplanung für eine nahe Zukunft*. Christian Wegner Verlag.
- Bauman, Z. (1999). *Culture as Praxis*. SAGE Publications.

- Berndt, H. (1987). Hygienbewegung des XIX. Jahrhunderts als vergessene Thema von Stadt-Architektursoziologie. *Die alte Stadt*, 2, 140–163.
- Binder, B. (2006). Urbanität als «Moving Metaphor». Aspekte der Stadtentwicklungsdebatte in den 1960er/1970er Jahren. In Adelheid von Saldern (Hg.), *Stadt und Kommunikation in bundesrepublikanischen Umbruchzeiten* (s. 45–66). Franz Steiner Verlag.
- Boronnikov, A. D. (1987). *The city in bourgeois society: Critical analysis of West German non-Marxist sociology of the city, 1945–1985*. Thesis abstract for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Institute of Sociological Research. (In Russian).
- Bourdin, A. (2010). *L'urbanisme d'après crise*. Editions de l'Aube.
- Castells M. (1983). *Changer la ville. Eléments pour une théorie sociologique des mouvements sociaux*. Thèse pour le doctorat. Université René-Descartes, 3 tomes.
- Castells, M. (1968). Y a-t-il une sociologie urbaine? *Sociologie du travail*, 10(1), 72–90.
- Castells, M. (1969). Théorie et idéologie en sociologie urbaine. *Sociologie et sociétés*, 1(2), 171–192.
- Castells, M. (1972). *La question urbaine*. François Maspéro.
- Chombart de Lauwe, P-H. (1965). *Paris. Essais de sociologie, 1952–1964*. Éditions Ouvrières.
- Davydov, Yu. N. (2000). Weber's renaissance in the West (second half of the 70s–80s). In Yu. N. Davydov (Ed.), *History of theoretical sociology*. In 4 vol. Vol. 4. (pp. 436–465). RHGI. (In Russian).
- Drevermann, W. (1977). *Intelligenz, Phantasie und Macht für die Planung von Stadt und Land*. Selbstverlag – Wasmuth Buchhandlung in Kommission
- Durth, W. (1977). *Die Inszenierung der Alltagswelt. Zur Kritik der Stadtgestaltung*. Verlag & Vieweg.
- Füzesséry, St. (2010, 1 décembre). Réinventer l'urbanisme. *Laviedesidees*. URL: <https://laviedesidees.fr/Reinventer-l-urbanisme>.
- König, R. (Ed.). (1977). *Handbuch der empirischen Sozialforschung*. Bd. 10: Großstadt/Massenkommunikation/Stadt-Land-Beziehungen. Deutscher Taschenbuch Verlag.
- Harloe, M. (Ed.). (1977). *Captive cities: Studies in the political economy of cities and regions*. John Wiley.
- Hartard, Ch. (2006). Komm, wir bauen eine Stadt. Wie in den 1960er-Jahren der Traum vom Urbanen am Verfall des öffentlichen Raums scheiterte. Einige Stadtrandbemerkungen aus München-Neuperlach. *Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft München* (Sonderheft), 60–73.
- Häußermann, H. Sibel, W. (1987). *Neue Urbanität*. Suhrkamp Verlag.
- Knigge, R. (1975). *Infrastrukturinvestitionen in Grossstädten*. Kohlhammer.
- König, R. (1973). Definition der Stadt. In W. Pehnt (Ed.), *Die Stadt in der Bundesrepublik Deutschland. Lebensbedingungen, Aufgaben, Planung* (s. 11–25). Reclam.
- Kraus, K. (1986). *Aphorismen. Sprüche und Widersprüche. Pro domo el mundo*. Suhrkamp Verlag.
- Langbehn, A. (1922). *Ohne Autor Rembrandt als Erzieher. Von einem Deutschen*. Alexander Duncker Verlag.
- Le Breton, E. (2009). La sociologie urbaine des Trente glorieuses contre l'urbanisme. Premiers éléments d'un chantier en cours. *ESO (Espaces et Sociétés) Travaux et Documents*, 28, 7–18.

- Lefebvre, H. (1960). Les nouveaux ensembles urbains (un cas concret: Lacq-Mourenx et les problemes urbains de la nouvelle classe ouvriere). *Revue française de sociologie*, 1(2), 186–201.
- Leibovich, O. L., & Kabatskov, A. N. (Eds.). (2006). Urban worlds. Experience of humanitarian research: Collective monograph. Izd-vo RIO PSTU. (In Russian).
- Martindale, D. (1958). Prefatory remarks. In M. Weber, *The City*. (pp. 9–62). The Free Press.
- Mitscherlich, A. (1965). *Die Unwirtlichkeit unserer Städte: Anstiftung zum Unfrieden*. Suhrkamp.
- Mitscherlich, A. (1968). Unser aller Versagen. *Spiegel*, 18, 169–171.
- Regnier, M. (1973). La guerre lente ou la sterilisation des villes. *Esprit*, 6, 1263–1274.
- Richard, L. (1982). *Deutscher Faschismus und Kultur: Aus der Sicht eines Franzosen*. Akademie Verlag.
- Saldern von, A. (2015). Gegen Entmischung und Monotonie der Städte. Aleksander Mitscherlich «Anstiftung zum Unfrieden». *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History*, 12, 152–160.
- Schöller, P. (1967). *Die deutschen Städte. Erdkundliches Wissen. Beihefte 17 der Geographischen Zeitschrift*. Franz Steiner Verlag.
- Siebel, W. (1994). Was macht eine Stadt urban? Zur Stadtkultur und Stadtentwicklung. *Oldenburger Universitätsreden*, 61, 5–22.
- Sieverts, T. (2009). Rezension “Alexander Mitscherlich: Die Unwirtlichkeit unserer Städte. Frankfurt/M, 2008”. Wiedergelesen nach 40 Jahren. *The Planning Review*, 1, 62–64.
- Topalov, Ch. (2013, 16 octobre). Trente ans de sociologie urbaine. Un point de vue français. *Métropolitiques*, 1–10. URL: <http://www.metropolitiques.eu/Trente-ans-de-sociologie-urbaine.html>.
- Wirth, L. (1938). Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 44(1), 1–24.

Информация об авторе

Лейбович Олег Леонидович
доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой культурологии
и философии
Пермский государственный институт культуры
Российская Федерация, 614000, Пермь,
ул. Газеты Звезда, 18
ORCID: 0000-0001-5191-939X
Web of science ResearcherID: R-4154-2016
Scopus AuthorID: 57191610916
e-mail: oleg.leibov@gmail.com

Information about the author

Oleg L. Leybovich
Doctor of Sci. (History), Professor
Head of Cultural Science
and Philosophy Department
Perm State Institute of Culture
18, Gazety Zvezda St., Perm, 614000,
Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5191-939X
Web of science ResearcherID: R-4154-2016
Scopus AuthorID: 57191610916
e-mail: oleg.leibov@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 15.06.2024
Принят к публикации / Accepted 10.08.2024

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-154-168](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-154-168)

On minimalism in architecture: Emptiness, semiosphere, and culture

Dragana Vasilski

University “Union – Nikola Tesla”, Belgrade, Serbia
dvasilski@unionnikolatesla.edu.rs

KEYWORDS

minimalism
architecture
emptiness
semiosphere
culture

ABSTRACT

The concept of essence develops as a prominent creative trend through the theme of emptiness seen in minimalism in architecture. To highlight a few experiences of the emptiness created by the function of space, this topic is examined in the juxtaposition of two cultures: Western as temporal and Eastern as spatial. This article focuses on the metaphorical connotations of space, on *Lotman's semiosphere*, which is a space with the included area serving as a symbol of the included space. Lotman describes the semiosphere, based on dualisms, levels, and spatial opposites that represent the Tartu semiotician's thesis. This case study examines the research's initial hypothesis of emptiness being a metaphor that appears in the semantics of connotation – in connection between Eastern and Western culture – and provides a spatial model for cultural interpretation.

For citation:

Vasilski, D. (2024). On minimalism in architecture: Emptiness, semiosphere, and culture. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 154-168. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-154-168](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-154-168)

Introduction

*If you give people nothingness, they can ponder
what can be achieved from that nothingness*
Tadao Ando

Orientation towards emptiness has always been an object of interest in both art and architecture. With its powerful symbolism and subjective experience, it reflects the desire to return to essential qualities and the original state. There exists a value beyond the symbol of the minimum. So, emptiness is a powerful and necessary factor in the process of creation and sensation.

Emptiness necessitates a greater grasp of space and human experience. It is a complex space that can be intimate or exalted, and the events that take place there face the greatest problems since it is a formless field that permits things to be preserved in the same position or located. The space between these items, as well as the void contained within many things, is referred to as emptiness. As a result, the emphasis is on creating and linking something and nothing, dynamic and static, dark and light. Void connotes both absence and presence, as well as the negation process – to nothing, zero, entropy and tabula rasa. *Space on which nothing is built can still be permeated with the perceptual forces and filled with density, which can be called the visual substance* (Arnheim, 1977, p. 26).

The concept of zero is discovered in ancient India. It was similarly taken over by scientists and philosophers, as an ingredient for all, which speaks of a deficiency as opposed to excess – darkness as a difference from light, silence versus sound. In other words, in order to describe the void (in the sense of nothing, infinite, sensor, vacuum, darkness, space), it must be seen in the range between science, theology, and philosophy.

In the figurative sense, as the poets and mystics accept it, simplicity means to make a void inside itself. It means to be free in the vortex of images, desires, and feelings, and to avoid the point of transient existences in order to feel only the thirst for the absolute. According to Novalis (Georg Philipp Friedrich Freiherr von Hardenberg, Novalis, 1772–1801), this is the path that goes into the inside, the path of real life. In the philosophical sense, Jacques Maritain (1882–1973), specifies words of emptiness, completion, negation, indolence, signifies some reality at work, still very vital, as the last embodiment through which and in which the emptiness is executed. *Emptiness is energy, an utterly immanent act, an act of the abolition of every act. It is fruitful foreplay (an act that follows some gentleness) of the experience of the Self* (Chevalier & Gheerbrant, 2009, p. 742).

Juxtaposition of western (spatial) and eastern (temporal) cultures

Vasa vacua maxime sonant
(Empty bowls are the strongest bells)

Minimalism in architecture contains the theme of emptiness, through which the concept of essence emerges as a leading creative tendency. The relationship between emptiness and essence indicate dichotomy between Eastern and Western cultures. In linguistic and Western philosophy codes, concepts of *emptiness* and *essence* could not stand together, except as opposites. On the other hand, there is a strong connection between

emptiness and *essence* in Eastern Buddhism, reaching the level of identification (Pasqualotto, 2007).

The void connotes absence and presence, density and well-being, as well as a negation-based process – such as nothing, zero, entropy, deletion, and tabula rasa. In art and architecture, negative orientation has been explored, mainly through strong symbolism and subjective experience. There is a need to get back to the core quality and state of things. It is a crucial aspect of the process of production through feeling as a practical value beyond the symbol of minimal. As a result, the emphasis is on mutual and nothing.

Over millennia, philosophers, scientists, and artists have debated over the concept of emptiness (in terms of zero). Thoughts and attitudes regarding it have a considerable impact, and concepts – both empirical and speculative – still need to be studied. The emptiness, according to Pasqualotto, can never exist in pure perception, absolute and limitless. Distinguish the void from the brightness. Although light is a universal prerequisite for the visibility of certain objects, it is conditioned by shadows. So, while void is a general requirement for forming fullness, it is also conditioned by it. Before or after their definitions, emptiness and light do not exist. In addition, what they determine does not disclose itself later or separately from what they determine. *The metaphysics of emptiness cannot be valid. Nor in a spatial or in the temporal sense* (Pasqualotto, 2007, p. 11).

According to Pasqualotto (2007), essence and empty could not stand together except as opposites in linguistic and Western philosophical codes, words and concepts, and essence and empty could not stand together except as opposites. Essence has traditionally stood for the smallest and most genuine core of an entity in ontological traditions dating back to Aristotle. While emptiness has traditionally been associated with something non-existent and contradictory in Western mystical tradition. Emptiness was a phrase used by Pythagoreans to describe the darkness in which the souls of the deceased resided, and it was assimilated with the term nothingness. Žarko Korać (Korać, 1985) investigates the suitability of consistently white walls in rooms in a current psychological examination of the influence of the environment on the development of children. He emphasizes that visual limitation in a space devoid of stimuli is detrimental to growth.

Pasqualotto, on the other hand, sees a strong bond between essence and emptiness in Eastern Buddhism, even to the point of identity. Emptiness, according to Eastern logical thought, is impossible to understand without its complimentary opposite, fullness. Without participation in fullness, emptiness cannot manifest and act. It is vital to comprehend emptiness as an integral part of fullness in order to experience it. We conclude that in the inner space, the hollow (space, emptiness, volume) is more essential than material barriers, based on the philosophical view: Existence is the ground of possession, and nonexistence is the basis (Veljačić, 1983, p. 138). The Chinese philosopher Lao-Tzu claimed that a house is made up of more than just a roof and walls. However, there is an empty interior space where human life occurs in unrestricted and changing freedom.

There are significant cultural distinctions. In Karl Gustav Jung's examination of the distinction between Eastern and Western perspectives, we find the psychological justification for opposing viewpoints. Because an inner man has always had such power over an exterior man in the East, the real world will never be able to shake man from his inner roots. Unlike in the West, where an external man has come to the foreground in order to get rid of his inner self, in the East, an internal man has risen to the foreground in order to get rid of his inner self (Jung, 1977b, p. 78). As an East Asian man, he desires to return to himself first, which requires him to know the cosmos and discover it within himself.

This cosmos is neither eternal nor immutable, nor is it an ideal divorced from reality. It is the environment that has matured, and there is no beginning or end to it. The world was not made for man, but rather came from eternity and will return to it. *Life and death happen at the same moment, one after the other, this and that, and they both apply in the same way* (Veljačić, 1983, p. 334).

The theme of emptiness is examined in this paper in the context of two cultures: Western as spatial and Eastern as temporal, in order to draw attention to a sequence of experiences of emptiness generated by the function of space, whereby it transforms from notion to productive activity (Table 1).

Table 1. Emptiness as a cultural meaning in eastern (temporal) and western (spatial) culture

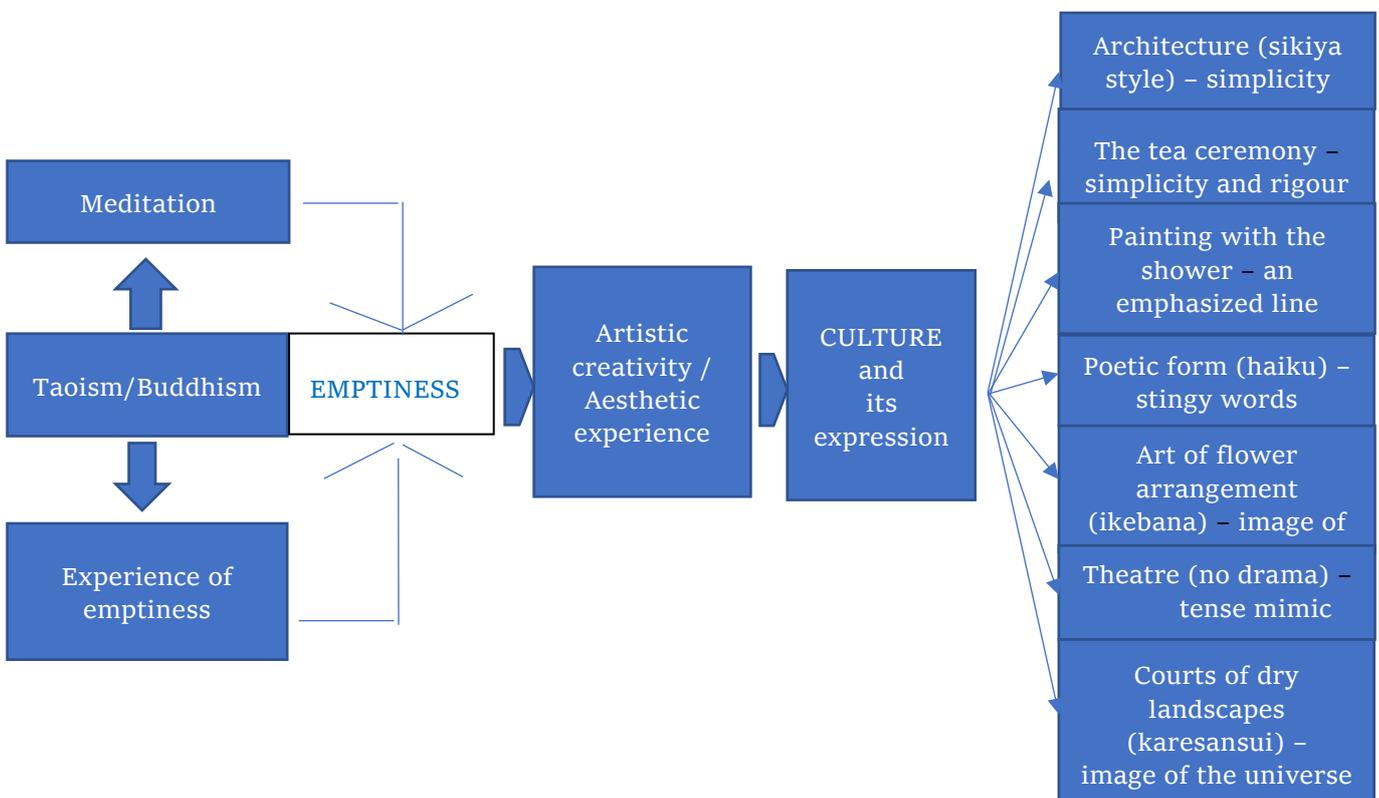
EMPTINES Cultural meaning	EASTERN Temporal culture	WESTERN Spatial culture
Phenomenon	Part of physical world (earth, water, fire, air, void), yet immaterial	Only physical, called <i>empty space</i> , absolutely nothing found in (Aristotle)
Space	Space neglected – it creates an illusion of being in man. Present as a proces and as aesthetic object	Mass, volume. Philosophical ideas about emptiness that support architecture
Interdisciplinarity	The interdisciplinarity of emptiness in terms of presence in everything that exists	Works of silence are interdisciplinary in art
Sign	Tao and emptiness form one dominant sign (all other signs are articulated in relation to it)	In the 20 th century, there was a reversal in the constitution of emptiness as a sign
Identity	No word corresponding to "individual" or "privacy" in the Western sense	Human as perfect and self-contained individuum, "Superman"
Object / process	Things are process (static approach)	The work-object passes into the work-process events (dynamic approach)
Freedom	"Freedom from" (surrounding) and "freedom for" (concrete experience)	According by Fromm: positive ("freedom for") and negative ("freedom from")
Spirit, soul	Metaphysical (by Jung)	Physical function (by Jung)
Complete freedom	Implies freedom from the Buddha	In art, this striving means freedom from one's own intention, intellect, history ...
Philosophy & religion	Enlightenment, tents <i>satori</i>	Cognition
The corresponding social ideas	The eternal conflict of individual interests	One is always together with other humans
Art – the highest degree	Intellectuality	The mind touches the unconscious through the negation of own personality
Temporal determination	Philosophy and religion dating back to the new era	Theories of the 20 th century

Emptiness is a concept that has long been present in Oriental philosophy (China and Japan). It is a major subject in Taoist ontology, and it can be found in the earliest writings like the *Book of Changes*. The origins of the aesthetics of emptiness, also known as wabi-

sabi culture, date from the late Muromachi era (15th-16th centuries) and represent what you could think of as Zen-inspired minimalism, such as the stone garden at Zen or the tea ceremony. It occurs as a phenomenon that, like all other physical elements, is an intrinsic part of the experience. Earth, water, fire, air, and void, which are intangible but part of the physical world, are the five elements in Japanese philosophy. As a result, it's understandable that the evolution of art in Japanese culture was based on emptiness. Tea ceremony – chanozu, painting shower – suks, poetic form of haiku, flower distribution art – ikebana, dry landscape gardens – karesansui, no theater, and sukiya architectural style are all examples of art in which emptiness is present and valid through the creative act and sensory forms, that is, *it is realized as a process and an aesthetic object* (Pasqualotto, 2007, p. 13).

To feel void in the above sense, some extremely sophisticated set of form and non-form is required, such as architecture, gardening, art, or poetry. This paradox can only be expressed by a poet: *I dove into the depths of the ocean of forms, expecting to find the perfect pearl of the formless* (Tagore, 1914). Meditation and the sensation of emptiness are mentioned in Taoist and Buddhist literature, as well as their influence on artistic production (Table. 2). Every notion in Japanese philosophy is already active, and every action has spiritual vitality and significance in and of itself (Kato, 1971). As a result, Japanese civilisation is a melting pot of hues and overflows. Many arts that do not strive for an aesthetic output, but rather an act that strengthens the relationship, can be enjoyed in empty rooms as they are. *In interactions with people, nature, and objects* (Tanizaki, 1977, p. 109). After all, the East Asian smile expresses an underlying desire to comprehend the interlocutor without having to say anything.

Table 2. Diagram: Influence of emptiness on the formation of Japanese culture

Nothing and zero are ancient concepts in the East, and they have their place alongside any other physical elements. Earth, water, fire, air, and vacuum are the five elements of Japanese philosophy. They are both physical and intangible aspect of the world. They exist as phenomena that are parts of the overall experience. Also, there are other aspects – void in which there is nothing but something – brimming with possibilities and imagination. Eastern Asia is unconcerned about personal space, ownership, or design. Starting with time, space, and persistence are overlooked. Junyu Kitayama argues, that *Space is neglected in Eastern Asia because it produces the illusion of being in man.* "Because a person with a spatial sense is readily tempted to devote the nighttime ideal (Kitayama, 1954, pp. 15–26). Because there is no such thing as passing, Lao Tse's sacred world and human destiny are referred to as *tao* (the way).

Eastern man prefers to return to himself rather than displaying his significance spatially. He must comprehend the universe and discover it inside himself. *Because it emerges from the veil and returns to it, this cosmos reflects the time it is asleep, which has no beginning nor end* (Veljacic, 1983, p. 334). Void does not manifest and does not work without Fullness. As a result, East Asian art focuses on the concepts of being and space. It aspires to be a part of the cosmic whole. As a result, it is stated that Eastern culture is temporal rather than spatial.

The strong conviction in the eternity of the being and the autonomy of one's own self accounts for the vastness of European culture and civilization. That is the great optimism of space, ownership, and design (Veljačić, 1983, p. 334). Emptiness is frequently regarded as unfavorable in contemporary Western philosophy. According to popular belief, there is an empty place in which no one exists. Because they believe there is just physical reality, it is referred to as *empty space*, where nothing can be found. Nothing that is so often taken for granted does often inherit the concept of emptiness. Emptiness that is so easily associated with non-being, with nothingness. Beings and non-beings are taken as elements by Leukip and Demokrit.

There will not be such thing as being, while void exists as body (Aristotle, 1932). The architectural building body in Ancient Greece was shaped by emptiness noticed within the form of a plane surface. Considering the definitions of space and their relationships to empty space in the works of Descartes, Leibniz, and Kant, it is obvious that there was no one relationship to emptiness in the early modern period. Nonetheless, during the seventeenth and eighteenth centuries, with the rise of science and the scientific perspective of the universe, Newtonian, indifferent emptiness, absolute, homogenous, and limitless space became the primary spatial paradigm.

Emptiness as metaphor / A semiotic space

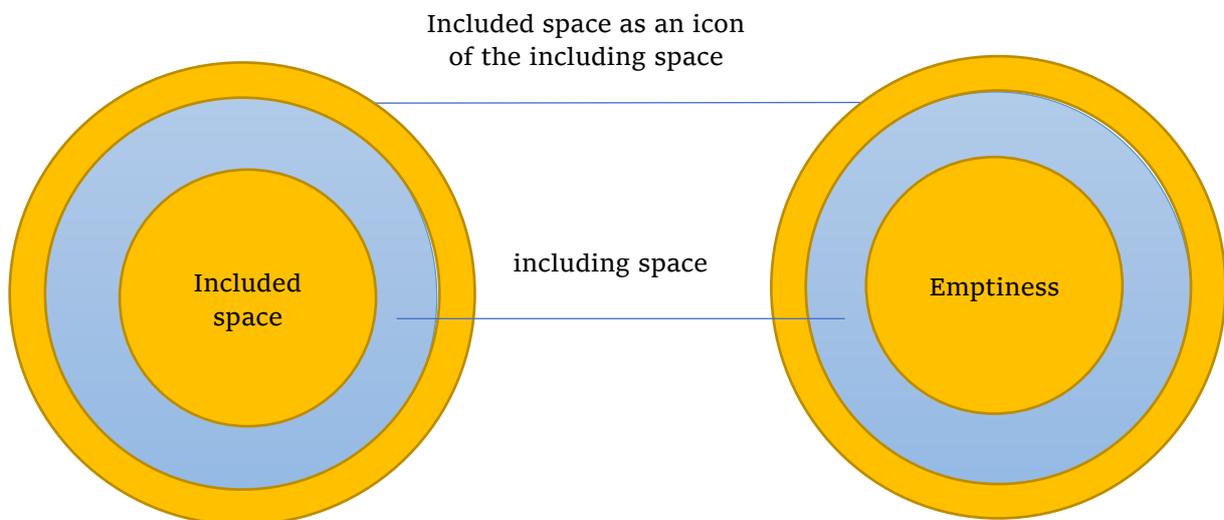
The Greek verb *Metaphero*, (to carry over) or (to transfer), is consisted of two words. They are *meta* (between) and *pherō* (to bear) or (to carry) (Davidson, 1978). According to Aristotle (1932), the metaphor works by giving something a name that belongs to something else, if language and the world have a referential relationship. As a result, the metaphor does not disrupt the correspondence's logical order. Beginning with Nietzsche, the

metaphor took on a philosophical significance as the implied disclosure of reality, because he maintains that conceptions are metaphorical constructs.

Ricoeur's multiple view of metaphors, on the other hand, requires a new meaning for metaphor's objects that can't be stated through the object's traditional name (Ricoeur, 1983). In this way, a metaphor serves as an ontological equal to architecture in the imagination of the narrative space. Ricoeur assigns the metaphor the function of passing over to the object domain, alluding to Husserl's phenomenological core ideas.

There is a metaphorical relationship between space (emptiness) and meaning. Metaphors are more than just name substitutions; they are gateway to a new world of otherwise unfathomable layers of reality. In this article, the metaphorical connotations of space are examined in relation to Lotman's semiosphere, which is defined as a place that can include itself in some ways, with the included space serving as a symbol of the included space (Table 3). Lotman defines the semiosphere in terms of dualisms, levels, and spatial opposites, which are exemplified by the Tartu semiotician's idea of the duality of semiotic spaces and their language representations versus the continuity of physical space and pictorial representation.

Table 3. Lotman's semiosphere vs. relation between emptiness and minimal architecture

Lotman invented the word semiosphere as a complement to and expansion of Vernadsky's biosphere notion. The biosphere, according to Vernadsky and Lotman (Lotman, 1990, p. 125), is *the totality of and the organic whole of living matter and the condition for the continuation of life*, on the other hand, the semiosphere is *the result and the condition for the development of culture* (Lotman, 1990, p. 125). According to Lotman, a semiosphere as *the unifying mechanism (if not organism) <...> outside of which semiosis cannot exist* (Lotman & Clark, 2005, p. 208) is the semiotic space necessary for the existence and functioning of languages' (Lotman, 1990, p. 123). Because all levels of the semiosphere – from human personality to global semiotic unity – appear to be interconnected, each of them is simultaneously both a participant in the dialogue (as a part of the semiosphere) and a dialogue space (the semiosphere as a whole) (Lotman & Clark, 2005, p. 225).

The theory of semiosphere, on a semiotic basis, demonstrates and conceptually develops a deep connection between culture and other forms of life (Kalevi & Wang, 2012). Culture is a system of two spaces that correspond to two levels of cultural semiosis:

- The textual space - which is created in the arts, myths, social codes, or ideologies,
- The meta-textual space - which is created in the form of cultural self-descriptions.

Any description of culture, according to Lotman (Lotman, 1990, p. 37, 134), is a *meta-cultural structure*, that is, a *text in the system of self-descriptions which form the metacultural level* (Lotman, 1990, p. 46).

As developed by Lotman in his theory of semiosphere (Lotman & Clark, 2005), we could point out the existence of even two important principles for general semiotics:

- (1) Principle of semiotic inheritance - The semiotic sphere is causally self-dependent, meaning that every sign comes from another sign - *omne signum ex signum* - and that semiosis assumes earlier semiosis.
- (2) Principle of semiosphere - The semiosphere principle asserts that the qualitative variety that is entirely due to semiosis is also a general condition for semiosis, or, alternatively, that the meaningful forms a region in space (which covers the sphere around the Earth) (Table 4).

Table 4. Lotman's semiospheres in the framework of his Universe of the Mind

Sphere	Phenomena	How phenomena are perceived
(several) secondary semiospheres	culture (metaphors, myth, art, religion)	supplementary superstructure; second level of meaning; communication
primary semiosphere	(nonmetaphorical) gestures, language	the signs represent the <i>world</i> and have a primary meaning; there is communication
(nonsemiotic) biosphere	living beings objects	life, symptoms, but no <i>communication</i>
(nonsemiotic) sphere of objects	objects	objects <i>are as they are</i> , without semiotization, without cultural meaning

Source: (Noth, 2006, p. 257)

Real space is an iconic image of the semiosphere, a language in which various non-spatial meanings can be expressed, while *the semiosphere in its turn transforms the real world of space in which we live in its image and likeness* (Lotman, 1990, p. 191). In contrast to physical space, which is homogeneous, the semiosphere is thus characterized by the heterogeneity of its loci (Lotman, 1990, p. 125). The discontinuity and heterogeneity of the semiosphere is particularly apparent whenever its loci are described by means of complementary opposites. Such opposites do not admit grading but require either/or decisions (Noth, 1997); something is either inside or outside, above or below; there is no in/between, nor is there a gradual transition between the two opposites. As Lotman expressed it: *We are both part and a likeness of a vast intellectual mechanism <...> We are within it, but it - all of it - is within us. We are at the same time like matryoshkas <...> and the likeness of everything <...> We are both a planet in the intellectual galaxy and the image of its universum* (Lotman, 1990, p. 223).

Case study: minimalism in architecture – emptiness as a theme

Every idea needs its form to be effective, to be meaningfully stated
(Zumthor, 2003, p. 54)

Emptiness is a concept separate from and beyond the experience of the physical world (Vasilski, 2015a), but it does not deny it. It is founded on the reversal of natural energy flow, and it is projected upon the experience itself – consciousness. In minimalism, the meaning and function of something is determined by its emptiness. It takes on the role of an expressive language (Vasilski, 2012) and a building material (Vasilski, 2013).

The key qualities of emptiness as a motif in minimalism are as follows:

- **Simplicity** – It examines how people see space and how it tries to present itself as a complete and defined part. Internal openness is the result of many variations: the practice of hiding some functions in the thickness of the walls (setting up the closet), within the careful Adolf Loos learning, as well as the use of low walls to close other entities (kitchen or office desks), or, most importantly, grouping of other bodies within geometric bodies.
- **Generativity** – One of the themes in traditional Japanese architecture is emptiness, *where space is not only empty in the physical sense but above all, in a mental shadow* (Bertoni, 2002, p. 43). A schematic foundation provides a base for the design. To do so, shadows must observe and experience emptiness and light. Tanizaki says that the beauty of a Japanese space is determined by the diversity of shadows. Nothing else can be recognized as a prototype of minimal architecture than strong shadows against light shadows (Tanizaki, 1977).
- **Symbolic schemes** – They originate from the collective unconscious – archetypal – and because they acquire physical forms – architectural forms – they serve as a requirement for thinking and creative processes. The structure defines and configures space in such a way that gaps are perceived as whole spaces. As John Powson explains it *the thing I am looking for is the excitement of empty space. It allows making architecture alive, as does the Chinese drawing on the scroll. Emptiness allows us to see the space as it is, and to look at the architecture in the way it is* (Powson, 1996, p. 15). Space is never empty in Robert Wilson’s work as the guru of experimental theatre, as well as in minimal architecture. *Emptiness never exists. It is unlimited freedom. Thus, ideas created beforehand eliminate all forms of perception and reasoning. What I intend to do, what I am trying to do is to preserve this space, emptiness* (Bertoni, 2002, p. 186). Claudio Sylvestrin describes the concept of ma in Japanese architectural theory as an anti-intellectual argument, *A space that is not empty only in physical terms, but primarily in the mental sphere used for experimental procedures and the manifestation of the occurrence* (Bertoni, 2002, p. 43).

When there are too many things to choose from, none of them will stand out. Even important items lose their worth in that chaos. In Japanese culture, there is a separate phrase for emptiness that refers to a complete lack of clutter: *ma*. It is the carrier of the ability for things to exist, stand out, and have meaning within it. That is a space

brimming with potential as if it were a promise that has yet to be fulfilled. This notion encapsulates the essence of Japanese aesthetics.

Patrizia Ranzo's assessment of *ma* as a phenomenon in contemporary (minimal) architecture is an acceptable one. Nothing better (than the Japanese concept of *ma*, an empty space in which phenomena manifest or a gap between phenomena) can today describe the period in which we live and an idea that inspires many modern architects. *This is the moment when the passing of time no longer seems to be linear but unexpectedly traces an almost circular diagram – retracing its tracks, returning to some moments of the past, offering space and pauses for reflection. A stream of thoughts that do not intend to reduce complexity, but rather to explore the most essential, absolute idea of architecture in its scarcity and ambiguity* (Ranzo, 1996, p. 147).

Fletcher writes about space as a substance. Paul Cezanne designed and painted the space. By removing fat from outer space, Alberto Giacometti sculpted. Stéphane Mallarmé began singing with both words and spaces. According to Ralph Richardson, the acting is on hold. According to Isaac Stern, music is characterized by the space between each note. The Japanese have a word for this interval that gives the entire thing structure, but the English-speaking world has neither a word nor a term for it. On a grand scale, there has been a failure (Fletcher, 2001). *Ma* is the serene mood and quiet reflection originating from the tactility of the material and the softness of natural light, the pauses that allow meditation, whereas minimalism refers to the physical shape and space. A *ma*-shaped space in architecture and art both work to emphasize emptiness. Several projects have been introduced to highlight these phenomena as a sign of the contemporary world (Vasilski, 2015b).

Case study 1: Kengo Kuma

Noh is the apex of *ma* art, combining all of the previously stated aspects into a great symphony. It exemplifies traditional Japanese aesthetic concerns with object and space, action and inaction, sound and silence, movement and repose. *If the form taken by traditional architecture is an object, then this is a void or the exact reverse of an object. An architectural form has been erased. The void, however, embraces a sequence of human experiences. I thus discovered the potential of architecture to act as an experience or phenomenon rather than as an object*, Kengo Kuma (Bognar, 2005, p. 14). Kengo Kuma's approach to architecture could be summarized as *constructing the emptiness*. His façades are notable for their seeming fragility and daring, but it is the space between these playful tectonics that is most significant (fig. 1, 2). Kuma is particularly fascinated by the empty, intangible space that can be infused with meaning. The empty space is a connecting space that brings people together while also bringing the structure into harmony with nature. Maybe the reason why minimalism has become the sign of our time is its endeavor to make the world a better place (Vasilski, 2016, p. 65).

Fig. 1. Kengo Kuma. *No Teatar*. Source: <https://kkaa.co.jp/en/project/noh-stage-in-the-forest/>

Fig. 2. Kengo Kuma (2018). *Shiro House*. Source: <https://kkaa.co.jp/en/project/shiro/>

Case study 2: Aires Mateus

The most striking aspect of Aires Mateus' work (fig. 3, 4) is that emptiness is recognized and experienced as a positive space with defined shape, dimensions, and lighting conditions, rather than a negative space. As a result, it's correct to say that their major focus is the space that this framework establishes, rather than what they construct physically. The Mateus brothers' architecture can be described as *the desire to transform space into something physical, the void becoming raw material for architecture* (Byrne, 2002, p. 30). This void endowed with spatial qualities, makes the voids experienced as spaces. This is the feature that distinguishes their design.

Fig. 3. Aires Mateus (2017). *Architecture Faculty*, Tournai, Belgium.
Source: <https://arquitecturaviva.com/works/facultad-de-arquitectura-en-tournai-3/>

Fig. 4. Aires Mateus (2016). *Olivier Debré Contemporary Art Center*, Tours, France.
Source: <https://arquitecturaviva.com/works/centro-de-arte-contemporaneo-olivier-debre-tours>

Conclusion

*Do we ever know what we're talking about?
We only understand that opinion, which is nothing more
than a set of equations, from which nothing more
than what is invested emerges. It's all about the mind*
(Jung, 1977a, p. 101)

Semiotics, according to Umberto Eco (Eco, 1972), is a research program that examines all cultural activities as communication processes through a reader's eyes. In this article, the metaphorical connotations of space are examined in relation to Lotman's

semiosphere, which is defined as a place that can include itself in some ways, with the included space serving as a symbol of the included space. Lotman defines the semiosphere in terms of dualisms, levels, and spatial opposites, which are exemplified by the Tartu semiotician's idea of the duality of semiotic spaces and their language representations versus the continuity of physical environment and pictorial representation.

In relation to the dichotomy between Eastern (temporal) and Western (spatial) cultures, this study examines the starting hypothesis of the research by which emptiness is a metaphor that belongs to the semantics of connotation. The emotional meaning of emptiness, as well as the ideas and associations that are associated with it, provide a spatial model for cultural interpretation. New types of sight and vision can be tested in a minimalist emptiness. Each determination requires presence of emptiness as precondition.

It is a space full of differentiation possibilities and capable of containing an almost infinite number of various combinations, rather than a space that can be filled in any way. There is a gap in everything. In a speech, it is the significant breaks between the words that make the words stand out, and in music, it is the quiet between the notes that make up the music that makes the music stand out. It is a peaceful period in which we must all find purpose in our fast-paced existence. It provides everyone with the peace of mind they require, allowing our thoughts to be correct and progress. In essence, this is what allows simplicity to exist. It's a creative act and the proper form, not an indefinable void. It's not an empty space that can be filled in any way, but rather a space rich in differentiation possibilities and capable of storing an almost infinite number of possible combinations. It is a physical state that allows the manifestation of the idea of essence as irreducible minimum.

Multum in parvo (a lot of small, in small amounts), said the ancient Romans. The concept of emptiness places the human-space interplay at the center of architectural manifestation. When one unleashes his own creativity and imagination to fill the void, what emerges is powerful and abundant. It is an allegory in which human is shown as principal protagonist in the conquest of space: as dominant spatial agency. This notion has been developed in a variety of ethnic groups, with a variety of applications. The understanding is in the same tone, despite being perceived as establishing tacit order in a specific area and time. Emptiness combines sensory experience and spirituality as a paradigm for the creation of minimalism in architecture. At the same time, it is a process of reconciling differences and establishing a new global culture.

References

- Aristotle. (1932). *Aristotle in 23 volumes. Vol. 2.* (W. H. Fyfe, Trans.). Harvard University Press.
- Arnheim, R. (1977). *The dynamics of architectural form.* University of California Press.
- Bertoni, F. (2002). *Minimalist architecture.* Birkhauser.
- Byrne, G. S. (2002). Un rudere ricostruito, p. 30. In Manuel e Francisco Aires Mateus, *Casa isolate ad Alenquer, Casabella* n. 700. (pp. 30–37).
- Bognar, B. (2005). *Kengo Kuma: Selected works.* Princeton Architectural Press.
- Chevalier, J., & Gheerbrant, A. (1997). *The Penguin dictionary of symbols.* Penguin.
- Davidson, D. (1978). *What metaphors mean?* Oxford University Press.
- Eco, U. (1972). A componential analysis of the architectural sign /Column/. *Semiotica*, 5(2), 97–117. <https://doi.org/10.1515/semi.1972.5.2.97>

- Fletcher, A. (2001). *The art of looking sideways*. Phaidon.
- Jung, K. (1977a). *Duh i život*. Matica Srpska. (In Serbian).
- Jung, K. (1977b). *Psihološke rasprave*. Matica Srpska. (In Serbian).
- Kato, S. (1971). *Form, style, tradition, reflections on Japanese art and society*. Berkeley.
- Kull, Kaveli, & Wang, Yonxiand (2012). Lotman's Legacy in Modelling of Semiosis. *Russian Literature & Arts* [俄罗斯文艺], 3, 103–109. (In Chinese).
- Korać, Ž. (1985). *Razvoj psihologije opažanja*. Nolit. (In Serbian).
- Kitayama, J. (1954). *West-östliche Begegnung Japans Kultur und Tradition*. Walter de Gruyter Verlag. (In German).
- Lotman, J., & Clark, W. (2005). On the semiosphere [1984]. *Sign Systems Studies*, 33(1), 205–229. <https://doi.org/10.12697/SSS.2005.33.1.09>
- Lotman, Y. M. (1990). *Universe of the mind: A semiotic theory of culture*. Indiana University Press.
- Nöth, W. (1997). The semantic space of opposites: Cognitive and localist foundations. In Kei I. Yamanaka (Ed.), *The locus of meaning: A festschrift for Yoshihiko Ikegami*. (pp. 63–82). Kurosio.
- Pasqualotto, G. (2007). *Aesthetics of emptiness*. Ars.
- Powson, J. (1996). *Minimum*. Phaidon.
- Ranzo, P. (1996). *L'era del ma, in Carmagnola F. – Pasca V. Minimalismo*. Lupetti.
- Ricoeur, P. (1983). *Time and narrative*. University of Chicago Press.
- Tagore, R. (1914). *Poem 100*. Gitanjali.
- Tanizaki, J. (1977). *In praise of shadows*. Leete's Island Books.
- Vasilski, D. (2012). Minimalism in architecture: Architecture as a language of its identity. *Arhitektura i urbanizam*, 34, 42–64.
- Vasilski, D. (2013). Minimalism in architecture: Materials as instruments of immaterial reality perception [Minimalizam u arhitekturi: Materijali kao instrumenti percepcije nematerijalne stvarnosti]. *Arhitektura i urbanizam*, 37, 3–37.
- Vasilski, D. (2015a). On minimalism in architecture: To think means to build. In R. Bogdanović (Ed.), *3rd International Conference: On Architecture – Reworking the City Through New Architecture, Conference Proceedings*. (pp. 195–203). Strand – Sustainable Urban Society Association.
- Vasilski, D. (2015b). Minimalism in architecture: Identity of architectural creativity in the context of a global civilization. In T. Mrđenović (Ed.), *BAB – Balcan Architectural Biennale – International Conference: The City's Role in Contemporary Society, Conference Proceedings*. (pp. 101–111). Pressia.
- Vasilski, D. (2016). On minimalism in architecture – space as experience. *Spatium*, 65, 61–66.
- Veljačić, Č. (1983). *Filozofija istočnih naroda II*. Nakladni zavod Matice Hrvatske. (In Serbian).
- Zumthor, P. (2003). *Thinking architecture*. Birkhäuser Architecture.

Information about the author

Dragana S. Vasilski

PhD in Architecture / Technical and Technological Sciences

Full Professor of Architecture and Urbanism Department

University "Union – Nikola Tesla"

62–64, Cara Dušana St., Belgrade, 11158, Serbia

ORCID: 0000-0001-5068-1500

Scopus AuthorID: 57193379249

Web of Science ResearcherID: CAH-1517-2022

e-mail: dvasilski@unionnikolatesla.edu.rs

Материал поступил в редакцию / Received 02.09.2024

Принят к публикации / Accepted 14.10.2024

Городская идентичность: пространственные аспекты

Н. Г. Федотова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
fedotova75@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

городская идентичность
городское пространство
места города
культурное наследие
Великий Новгород

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению городской идентичности, которая формируется за счёт понимания и «переживания» горожанами своей связи с городом с помощью чувства сопричастности. Автором раскрывается одно из направлений исследования процессов структурирования городской идентичности, которое основано на детерминации городского пространства как важного аспекта возникновения идентификационных связей горожанина с городом. В работе акцентируется внимание на эмпирическом срезе пространственных аспектов городской идентичности сквозь призму анализа тех мест города, которые оказывают воздействие на идентификацию горожан. Место выступает единицей познания городского пространства, влияющего на идентификацию горожанина через образы, эмоции, ценности, убеждения, которые возникают у жителей города по отношению к многообразным пространственным аспектам: от визуального облика до ощущений атмосферы места. В статье приводятся результаты эмпирического исследования пространственных аспектов городской идентичности, которое было проведено в Великом Новгороде. Исследование городской идентичности проводилось качественным способом получения информации посредством методики структурированного интервью. В исследовании приняли участие 52 новгородца с квотой по возрасту, времени проживания в городе, полу и сфере деятельности для того, чтобы выявить, как воспринимается и осмысливается современный город. Один из блоков вопросов для жителей Великого Новгорода касался пространственных аспектов городской идентичности и был посвящён выявлению образов, ассоциаций горожан, их эмоций и особенностей отношения к определённым местам города: а) места, которые выражают дух и характер города; б) места, с которыми у горожан связаны позитивные эмоции и личностные аспекты переживания города как определённой части «своего города»; в) места, которые вызывают негативные эмоции.

Для цитирования:

Федотова, Н. Г. (2024). Городская идентичность: пространственные аспекты. *Urbis et Orbis. Микроростория и семиотика города*, 4(2), 169–182. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-169-182](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-169-182)

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Urban identity: Spatial aspects

Natalia Fedotova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
fedotova75@mail.ru

KEYWORDS

urban identity
urban space
city place
cultural heritage
Veliky Novgorod

ABSTRACT

The article is devoted to the study of urban identity, which is formed by citizens through understanding and “experiencing” their connection with the city via sense of belonging to it. The author explicates the research direction of the city identity structuring processes, which is based on the urban space determination as an important aspect of citizen-city identification connections emergence. The study focuses on the empirical cross-section of spatial aspects of urban identity through the prism of the analysis of those places in the city that have an impact on the identification of citizens. A place acts as a unit of cognition of urban space, influencing the identification of a citizen through images, emotions, values, beliefs that arise among city residents in relation to diverse spatial aspects: from visual appearance to the perception of the atmosphere of the place. The article presents the results of the empirical study of the urban identity spatial aspects, which was conducted in Veliky Novgorod. The study used a qualitative approach in obtaining information through the structured interview technique. The study involved 52 Novgorodians with a quota by age, time of residence in the city, gender and field of activity to identify how the modern city is perceived and understood. One of the blocks of questions for residents of Veliky Novgorod concerned the spatial aspects of urban identity and was devoted to identifying images, associations of citizens, their emotions and peculiarities of attitude to certain places of the city: a) places that express the spirit and character of the city; b) places connected which citizens’ positive emotions and personal aspects of experiencing the city as “yours”; c) places that cause negative emotions.

For citation:

Fedotova, N. G. (2024). Urban identity: Spatial aspects. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 169–182. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-169-182](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-169-182)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Введение

Растущий научный интерес к исследованиям городской идентичности во многом объясняется теми последствиями глобализационных процессов, которые тесно связаны с поиском культурных оснований уникальности, с одной стороны, и локализации, устойчивости современных сообществ, с другой. Кроме того, несмотря на кризис городской идентичности, который состоит в нарушении механизма воспроизводства социально-городских связей, «отчуждением человека от места его обитания», стоит отметить, что само понятие городской идентичности характеризуется «размытостью смыслового наполнения» (Шуб, 2022, с. 13).

Городская идентичность во многом держится на переживании горожанами своей связи с городом, на чувстве «сопричастности к городу и его жителям» (Горнова, 2019, с. 12). Ресурс городской идентичности заключается в том, что данный феномен является социокультурным детерминантом внутреннего микроклимата города, поскольку напрямую влияет на чувства привязанности горожан к месту своего проживания, что, в свою очередь, может влиять на предотвращение оттока молодых и талантливых жителей из российских городов. Эти тезисы подтверждают очевидную актуальность исследований городской идентичности.

Теоретические рамки исследования

Как мы полагаем, в основе городской идентичности лежит символическая связь между горожанином и городом, которая формируется благодаря тем смыслам, с помощью которых человек отождествляет и различает свой город, а также чувствует причастность, привязанность к городу. Говоря иначе, городская идентичность формируется на символическом уровне, в ходе производства репертуара значений, с которыми сталкивается человек при взаимодействии с городом (Федотова, 2017, с. 36) в рамках интеграции «временных и пространственных координат существования человека на конкретной территории» (Шуб, 2022, с. 16). В связи с этим во внимание исследователей городской идентичности нередко попадают те символические, аксиологические или антропологические факторы городской территории, которые и обеспечивают устойчивую идентификацию горожанина как жителя того или иного города.

В частности, как показывают исследования, территория является фактором, который обеспечивает осознание горожанами отличительных параметров города, то есть городская идентичность является идентичностью территориальной (Радина, 2015). Вместе с тем во многих исследованиях городская идентичность представляется как идентичность места, то есть «place identity» (Lalli, 1992; Hauge, 2007), где именно место становится источником идентификационных маркеров, благодаря которым город представляется, воображается (Спешилова, 2024, с. 114) и переживается горожанами.

Архитектура города, его природа, строение улиц и многие другие его пространственные характеристики являются важнейшим источником символических связей, которые возникают между горожанами и городом. Человек, проживающий в городе, «тотально включён в пространство города» (Горнова, 2019, с. 17). При этом сам город представляет собой пространственно-структурированную форму совместного существования людей (Аванесов, 2018, с. 15), или, другими словами, созданную людьми среду обитания, основной каркас которой образуют результаты деятельности

человека — «городские здания, сооружения, большая и малая городская архитектура, пространства пешеходного и транспортного движения, которые выступают как символы, носящие определённые значения» (Недосека & Ануфриева, 2015, с. 23).

Исследования пространственных аспектов городской идентичности, как правило, проводятся в самых разных контекстах – от феноменологии архитектуры (Norberg-Schulz, 1980) до визуальной семиотики городского пространства (Аванесов, 2016), включая исследования структурирования городского пространства в центр-периферийных аспектах и аспектах районирования города. Например, исследователи показывают, как городское пространство формирует чувство места (Жердева, 2015) и как это связано с городской идентичностью, поскольку чувство места в городе обеспечивается именно «физически построенной тканью, которая хранит как личную, так и культурную память» (Hussein et al., 2020, p. 264).

В рамках данной работы внимание акцентируется на эмпирическом срезе пространственных аспектов городской идентичности сквозь призму анализа тех мест города, которые оказывают воздействие на идентификацию горожан. Понятие «место» является единицей, вокруг которой группируются со стороны горожанина многообразные смыслы того или иного фрагмента городского пространства (от визуального облика до ощущений атмосферы места) через его образы, эмоции, ценности, убеждения. Марк Оже, исследуя современный город, неслучайно оперирует понятием «место» исходя из трактовки его как антропологического пространства, соединяющего в себе настоящее и прошлое, создающего идентичность и формирующего связи (Оже, 2017, с. 36) в отличие от «не-места», лишённого «своего смысла, без назначения» (Augé, 1992, p. 100).

В исследованиях символического взаимодействия горожанина и городского пространства учёные нередко констатируют проблему наполнения города пустыми местами, «не транслирующими никаких социально значимых смыслов – ни исторических, ни культурных, ни эстетических, ни модернизационных», что вызывает кризис городской идентичности (Цит. по Шуб, 2022, с. 14–15). Вместе с тем особенности городского пространства могут быть раскрыты через специфику ценностного отношения горожан к местам города, которые способны вызывать целый спектр чувств и переживаний, например, места любви, скуки или тревоги (Эллард, 2016).

В рамках изучения городской идентичности научный интерес, как мы полагаем, вызывают такие места городского пространства, которые имеют определённую значимость для горожан, символизируя те или иные образы, вызывая те или иные ощущения и переживания города, поскольку «горожане воспринимают не только комфортность и содержание окружающей среды, но и город в его символических значениях» (Недосека & Ануфриева, 2015, с. 24), включая культурные и исторические аспекты места, его уникальность или визуальный эффект. Места городского пространства, с одной стороны, формируют когнитивную, осознаваемую причастность горожан к городу и вызывают положительный эмоциональный фон за счёт восприятия ими данной локации как нужной или важной. С другой стороны, напротив, исследователя интересуют и те места города, которые негативно влияют на процессы идентификации, задают отрицательный эмоциональный фон (знания о таких местах могут помочь городским элитам в планировании и развитии города).

Методология

Опыт эмпирических исследований коллективных форм идентичности строится, как показывает практика, с применением различных методик, включая интервью с горожанами, экспертные опросы, лейтмотивные интервью, где в качестве респондентов могут выступать и обычные жители, и профессиональные эксперты (Анисимова, 2012) с приоритетом качественных срезов получения информации. Кроме того, в исследованиях городской идентичности специалисты выбирают тут или иную стратегию, чтобы структурировать полученные результаты. Весьма распространёнными являются такие виды эмпирического анализа, которые построены на выявлении эмоциональных, когнитивных, поведенческих и мотивационных компонентов городской идентичности (Озерина, 2018). Несколько иначе проводятся эмпирические исследования, где в качестве точки отсчёта берётся структура городской идентичности исходя из спектра тех культурных смыслов, на основании которых происходит идентификация горожан. В частности, в ходе эмпирического анализа городской идентичности во Владимире, Смоленске, Ярославле полуструктурированное интервью с горожанами проводилось по следующим критериям: значимое (центральное) место; представления о локальной географии; пантеон героев города; ценности, святыни, мифы самостояния / гордости; представления о структуре сообщества; ритуалы воспроизводства идентичности (Евстифиев, 2019, с. 166).

Учитывая данный опыт, в методологии исследования пространственных аспектов городской идентичности, которое было проведено нами в Великом Новгороде, мы придерживались второго из обозначенных выше направлений анализа, а также опирались на подобные модели структуры городской идентичности (природные факторы, известные имена, бренды и пр.) (Аванесов & Федотова, 2022, с. 369). В качестве способа эмпирического среза представлений горожан использовался метод структурированного интервью, с помощью которого мы анализировали – как жители города воспринимают, осмысливают свой город и с какими образами его ассоциируют. Один из блоков вопросов для новгородцев касался пространственных аспектов городской идентичности и был посвящён выявлению образов, ассоциаций горожан, их эмоций и особенностей отношения к определённым местам города.

Результаты эмпирического исследования

Рассмотрим часть результатов эмпирического исследования в Великом Новгороде, которая посвящена выявлению пространственных аспектов городской идентичности. Само эмпирическое исследование было проведено нами с помощью интервьюирования 52 горожан с квотой по возрасту, времени и районам проживания, а также сфере деятельности.

Во-первых, мы выявили наиболее значимые, по мнению жителей Великого Новгорода, места, которые выражают дух и характер города. По мнению горожан, именно Новгородский Кремль является тем местом, который хранит и транслирует современным горожанам дух и характер Великого Новгорода (79% упоминаний в ответах респондентов). Новгородцы в своих ответах отмечали не только сам Кремль, но и все те объекты, которые размещены в нём, нередко при этом называя Кремль детинцем. Также символичным для горожан местом, рассказывающем о городе, является Ярославово дворище (отметил каждый второй респондент), которое

передает в своих формах, топонимике и местоположении славное торговое прошлое Великого Новгорода.

Таблица 1. Места Великого Новгорода, отражающие дух и характер города

Образы	Доля упоминаний	Цитаты респондентов
Кремль	79%	«Кремль (детинец)»; «Кремль во всей своей совокупности»
Ярославово дворище	56%	«Торг – место, дававшее жизнь и богатства городу...»
Софийский собор	31%	«Храм святой Софии...»
Памятник «Тысячелетие России»	15%	«Памятник тысячелетию Руси»
Рюриково городище	13%	«Конечно, Рюриково городище...»
Свято-Юрьев монастырь	12%	«Юрьев монастырь за городом»
Улицы Торговой стороны	10%	«Район старого города на Торговой стороне – улочки Ильина, Знаменская, Славная...»

Менее значимыми, с точки зрения горожан, местами города, которые выражают его дух и характер, как свидетельствуют сведения в таблице 1, являются основные памятники города – Софийский собор (31% упоминаний в ответах респондентов), памятник «Тысячелетие России» (15% упоминаний в ответах респондентов), Рюриково городище (13% упоминаний в ответах респондентов), представляющие собой основные места памяти и хранящие уникальные слои прошлого Великого Новгорода.

Следует отметить, что в данном перечне мест горожане отдельно указали как действующие, так и давно прекратившие своё функционирование новгородские монастыри как святые или сакральные места, отражающие православную культуру города. В частности, 12% респондентов отметили Свято-Юрьев мужской монастырь, символизирующий для новгородцев глубинную связь с духовным прошлым города. В единичных случаях жители Великого Новгорода называли и иные монастыри, расположенные как в центре города, так и рядом с Великим Новгородом (Десятинный монастырь, Варлаамо-Хутынский монастырь, Антониев монастырь).

Наконец, дух Великого Новгорода, как свидетельствует проведённое исследование, передают улицы Торговой стороны (или улицы Славена конца, как отметил один из респондентов). Наиболее часто респонденты упоминали Ильину улицу, нередко высоко оценивая значимость реконструкции данной исторической части городского пространства для горожан. Немногочисленные интервьюируемые при этом отдельно заметили, что новгородские музеи также играют существенную роль в выражении и трансляции духа города. В частности, в своих ответах новгородцы упоминали Музей-заповедник в стенах Кремля и относящийся к нему, но отмечаемый опрошенными отдельно, музей под открытым небом «Витославицы».

Во-вторых, важное значение для исследования представлений, ассоциаций, образов горожан, на основе которых формируется городская идентичность, имеет выявление тех мест в городском пространстве, с которыми у горожан связаны позитивные эмоции и личностные аспекты переживания города как определённой части «своего города». В связи с этим респондентам был задан вопрос о том, какие места Великого Новгорода горожане любят посещать в свободное время, включая прогулки, а также о причинах выбора именно этих мест города. С одной стороны, большинство горожан упомянули в своих ответах «новгородские набережные Волхова» (тут и далее цитаты респондентов отмечены курсивом), которые новгородцы называли «новыми», «замечательными», «прекрасными», а некоторые из них подчёркивали, что именно набережные Волхова представляют собой «сочетание древности и природы». Реконструкция набережных Волхова в Великом Новгороде стала значимым событием для горожан, что лишь подтвердило эмпирическое исследование. В связи с этим заметим, что ожидаемые с позиции жителей города преобразования городского пространства положительно влияют на укрепление идентичности за счёт появления новых эмоциональных и когнитивных аспектов сопричастности горожан с городом.

С другой стороны, остальные места, указанные в таблице 2, с которыми новгородцы связывают проведение своего свободного времени, аналогичны тем, которые респонденты указали в предыдущем вопросе. Данный факт объясняется привлекательностью и, главное, символичностью данных мест Великого Новгорода для его жителей, поскольку горожане ощущают свою принадлежность к городу именно за счёт уникальных и глубинных смыслов, связанных с богатым культурным наследием города, которые эти места городского пространства воплощают. Многие горожане любят гулять именно в исторических местах, хранящих память города: «люблю гулять в историческом центре, где всё дышит стариной...». Несмотря на это, комментируя свои ответы, респонденты указывали разные мотивы выбора именно этих мест для проведения свободного времени.

Таблица 2. Места Великого Новгорода для отдыха и прогулок

Образы	Доля упоминаний	Цитаты респондентов
Набережные	37%	«Новые набережные – современное видение города»
Кремль	33%	«Вокруг и внутри Кремля – самое исторически нагруженное место, где можно легко почувствовать возраст Новгорода»
«Витославлицы»	29%	«Витославлицы – бываю редко, но место очень нравится»; «архитектура, история, кафе»
Территория старого города	21%	«Старый город – уютный район, приятно гулять»; «атмосферно и спокойно»
Кремлёвский парк	19%	«Кремлёвский парк, спокойно и красиво»
Свято-Юрьев монастырь	17%	«Юрьевский монастырь – тихое, умиротворённое место, уединение с природой, живописные виды на Волхов и его исток»
Ярославово Дворище	13%	«Ильина улица, Ярославово дворище. Люблю гулять в историческом центре, где всё дышит стариной»

В частности, для половины интервьюируемых снова именно Кремль (упомянули в своих ответах 33% опрошенных) и отдельно выделенный новгородцами Кремлёвский парк (упомянули в своих ответах 19% опрошенных) являются значимыми и как места памяти, символизирующие дух города, и как городские пространства, предназначенные для досуга. Кремль и Кремлёвский парк рассматриваются горожанами как живое и материально воплощённое напоминание о древнейшей культуре и истории города, при этом новгородцы нередко отзывались о данных местах как тихих, красивых, спокойных, где особенно приятно провести время и прогуляться. Треть ответивших на указанный вопрос упомянула в своих ответах музей «Витославлицы», который горожане ценят за то, что здесь, говоря словами респондентов, *«чувствуешь связь с предками»*. Кроме того, в этом месте, по словам горожан, ощущается *«приятная атмосфера»*, а также есть все условия и возможности для отдыха, прогулок и проведения досуга, что является немаловажным для жителей Великого Новгорода.

Прогулки по Торговой стороне ценит каждый пятый интервьюируемый, в этом контексте чаще всего упоминается Ильина улица: *«Тихо, мало машин. Очень зелено. Очень хочется, чтобы все улочки старой части города преобразились как улица Ильина»*; *«в качестве пеших прогулок очень нравится улица Ильина, особенно после реновации, выглядит очень гармонично и уютно»*. Культурное наследие новгородских монастырей и храмов, сохраняющее православные традиции и напоминающее об истоках новгородской культуры, по мнению горожан, удачно сочетается с живописностью данных мест, их тихим характером и уединённостью с природой: *«там особенная атмосфера, приятная природа, тихо и спокойно»*; *«Перынский скит (древность, история, архитектура, природа)»*. Сюда же следует отнести и территорию Антоново, которую горожане тоже избирают для прогулок.

Среди маршрутов респонденты, в частности, указали такие, которые начинаются с отмеченных горожанами набережных Волхова и включают в себя места памяти, символизирующие собой дух города: *«набережная от Белой Башни до Новгородской Технической школы – длинный променад в исторической части с красивыми видами»*; *«набережная от Гостиницы “Россия” до Гуманитарного института в Антоново – длинный маршрут с красивыми видами»*. Некоторые жители Великого Новгорода отметили и *«тихие центральные улочки»*, среди которых Предтеченская, Козьмодемьянская, Яковлева, Стратилатовская улицы: *«гулять по валу от Большой Санкт-Петербургской до Великой, по валу от Прусской до Белой башни»*.

Как мы отметили ранее, выбор данных мест для прогулок обусловлен, с одной стороны, их символичностью и нагруженностью культурными смыслами, а с другой стороны, данные места интервьюируемые нередко называли красивыми, тихими и обладающими особой атмосферой: *«красивые пейзажи, сильная энергетика, душевность»*; *«красиво, уютно, чисто»*; *«люблю за красоту и спокойствие вокруг»*; *«очень красивые и воодушевляющие места»*; *«тихо и умиротворяюще»*. Кроме того, весьма логично, что выбор мест для прогулок, как показывают результаты опроса, нередко обусловлен близостью указанных городских локаций к месту проживания самих респондентов: *«близко и рядом вода»*; *«одна из причин моего выбора – рядом*

с домом и удобно добираться». Те места, в которых горожане любят проводить своё свободное время, как правило, расположены не очень далеко от их дома или работы, в них чисто и уютно. Такие места обладают уникальной новгородской атмосферой и напоминают своими пространственными формами про уникальное прошлое Великого Новгорода. Наконец, один из респондентов отметил сам факт позитивного отношения к улицам города (*«мне нравится ходить по улицам нашего города»*), что свидетельствует о сформированной у определённой части горожан причастности к городу за счёт пространственных аспектов.

В-третьих, в ходе проведения структурированного интервью с жителями Великого Новгорода респондентам был задан вопрос о том, какие места города вызывают у них негативные эмоции и почему. Важно отметить, что определённая часть новгородцев весьма позитивно оценивает городское пространство, поскольку в качестве ответа 13% респондентов указали, что таких мест в городе нет. Данный факт свидетельствует о высоком уровне сопричастности данных горожан месту своего проживания и об эмоциональном принятии особенностей городского пространства. Респонденты этой группы отметили, что не могут ответить на этот вопрос, поскольку их всё устраивает, или указали на то, что не могут назвать такие места в городе, которые бы вызывали у них негативный отклик.

Однако, такие ответы, согласно данным, представленным в таблице 3, свойственны лишь небольшой доле опрошенных нами жителей Великого Новгорода. Для остальной части респондентов характерен значительный разброс в ответах: количество мест в городе, которые вызывают негативные ощущения у горожан, и причины, по которым это происходит, достаточно разнообразны. Если рассмотреть итоги исследования исходя из количества упоминаний респондентами названий таких мест, то чаще других новгородцы называли, ссылаясь на различные основания, места в районе улицы Щусева, Западный район и места на улице Большой Санкт-Петербургской, прежде всего, рядом с заводом «Трансвит».

В частности, Западный район жители города упоминали по причине слабого внимания к чистоте и порядку на улицах: *«полусгоревшие руины на Корсунова»; «нечищенные улицы», «дворы в Западном районе, их неухоженность»*, а также указывали иные мотивы, которые вызывают негативное отношение к данному месту города: *«виадук с постоянными пробками», «район с его бетонными панельными многоэтажками»*. У некоторых респондентов отмечается изначально негативное отношение к территории около улицы Щусева как месту, с которым связаны отрицательные ассоциации: *«не люблю район улицы Щусева... депрессивные спальные районы с криминальной репутацией»*. Место города, обозначенное горожанами присутствием завода «Трансвит», сейчас никак не связано с этим предприятием. С точки зрения жителей Великого Новгорода, данный участок улицы Большая Санкт-Петербургская, который находится в центре города, наполнен объектами, которые должны располагаться на городских окраинах: *«ощущение, что то, что ещё должно быть живым центром города, отведено под заводы, склады и гаражи... это удручает, проходить или проезжать мимо неприятно»; «уродливый забор»*.

Таблица 3. Места города, вызывающие негативные эмоции у горожан

Образы	Доля упоминаний	Цитаты респондентов
Отсутствие мест	13%	«Нет таких мест для меня»; «Мне всё нравится»
Район улицы Щусева	8%	«В реновации нуждаются и такие районы, как Щусева»
Западный район	8%	«В основном это Западный район»
Район улицы Большая Санкт-Петербургская	8%	«Некрасивая заброшенная промзона»

Некоторые интервьюируемые отмечали и негативные эмоции по отношению к бесформенным торговым центрам, а также к неухоженности целого ряда городских мест, например, таких, которые связаны с железнодорожными путями: «не хочется тут ходить, грустно»; «нужно как-то её огородить... поставить кафе/магазины/офисы... хотя бы деревья посадить».

Если подойти к рассмотрению данного вопроса исходя из анализа тех факторов, которые вызывают эмоциональное неприятие горожанами определённых мест в городском пространстве, то следует отметить следующие причины негативного отношения жителей Великого Новгорода к таким местам:

- наличие промышленных зон и «недостроев», которые негативно отражаются на облике любого места в городе («некрасивая заброшенная промзона»; «промзоны, как например, в районе ул. Студенческой – Московской»; «заброшенные здания»; «бесконечные заборы заброшенных заводов в центре и рядом... например, бывший завод «Волна»; «недострой рядом с Софийской набережной»);
- устаревшие фасады зданий, которые вызывают уныние у жителей города («обшарпанные фасады зданий»; «они вносят серость в атмосферу нашего города, считаю, что обновление фасадов может улучшить ситуацию, по крайней мере визуально»; «необходимо облагородить фасады»);
- наличие мусора («мне не нравится, что люди мусорят и не выкидывают мусор в мусорку»; «мусорки открытые, свалки несанкционированные»; «несвоевременная уборка мусора»);
- дисгармония в городском пространстве, отсутствие дизайнерских решений, регламентирующих внешний облик исторических и официальных мест города («корабль “Флагман” не вписывается в исторический пейзаж»; «памятники Ленину»; «центральный офис Сбербанка – абсолютно не вписывается в сквер около Малого Театра»);
- необходимость реставрации исторических зданий или памятников культуры («требуют реставрации Церковь Ильи Пророка на Славне, Знаменский Собор и вся архитектурная композиция монастыря находятся в очень плачевном состоянии и требуют срочной реставрации»; «монастырь в Деревяницах разрушается, нет ремонта»).

Весьма разрозненный взгляд опрошенных нами горожан и на иные места в городе, с которыми у некоторых новгородцев связаны негативные ассоциации: ул. Радистов и ул. Германа («*полуразрушенные дома рядом с вокзалом... большинство приезжих на автобусе из Петербурга начинают знакомство с городом с таких видов в окно*»); набережная реки Гзень («*ужасный асфальт*»); микрорайон Ивушки («*много людей, однотипная некрасивая застройка*»); площадь Победы-Софийская («*огромное пустое бесчеловечное пространство, отсутствие согласованности в оформлении контура*»); парк 30-летия Октября («*низкий уровень благоустройства, грязь*»); Кремлёвский парк («*много больных деревьев*»); левый берег Волхова («*неблагоустроенный берег реки Волхов*»); Псковская улица («*плохая организация пешеходной среды и дорожного движения*»). Среди негативных моментов, которые возникают лишь у небольшой части респондентов по отношению к городскому пространству Великого Новгорода, респонденты отметили такие, как граффити на автобусных остановках, плохие дороги, переименование улиц, латиница на вывесках магазинов и кафе, неустроенность спальных районов, газоны-парковки во дворах, небольшое количество зелени в новых районах.

Заключение

В завершении отметим, что один из вопросов интервью касался того, насколько респонденты в целом считают город и его пространство комфортным для жизни. В результате, 83% ответа респондентов содержали положительную оценку, тогда как 17% опрошенных отметили, что город не является комфортным для жизни. В качестве причин этого респонденты называли, в основном, низкий уровень благоустройства ряда городских пространств. Помимо этого, горожане отмечали не только проблемы с общественным транспортом, низкий уровень заработной платы, но и неудовлетворительное состояние памятников, отсутствие решения вопросов, связанных с созданием привлекательного визуального облика городского пространства, а также отсутствие велодорожек и среды для маломобильных горожан. Однако по мнению наиболее многочисленной группы интервьюируемых, Великий Новгород является комфортным для проживания: жители воспринимают город как небольшой, уютный, чистый, зелёный и красивый. Чуть менее значимыми факторами комфортности для горожан являются близость к столицам, безопасность в городе, а также развитая инфраструктура и логистика, наличие в городе пространств для досуга и культурной жизни.

Исследования пространственных аспектов городской идентичности имеют существенный потенциал для городских элит, поскольку могут быть источником принятия решения в рамках приоритетных направлений преобразования городского пространства, а также предоставляют возможности учитывать мнение горожан в данном процессе. Кроме того, результаты исследований могут быть использованы и в ходе реализации проектов по формированию привлекательного образа города, а также стратегий укрепления городской идентичности в каждом конкретном городе.

Библиография

Аванесов, С. С. (2016). Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов. *ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 4(10), 9–22.

- Аванесов, С. С. (2018). Городское пространство как антропологический феномен. *ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 2(16), 10–31.
- Аванесов, С. С., & Федотова, Н. Г. (2022). *Город: в поисках идентичности*. Алетея.
- Анисимова, А. А., & Ечевская, О. Г. (2012). *Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации*. Новосибирский государственный университет.
- Горнова, Г. В. (2019). *Городская идентичность: философско-антропологические основания*. Амфора.
- Евстифеев, Р. В. (2019). Локальные идентичности в глобальном мире: особенности городских идентичностей жителей российских исторических городов. В М. Г. Пугачева (ред.), *Пути России. Границы политики*. (с. 161–171). Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Жердева, Ю. А. (2015). Чувство места как категория социальной памяти. *Международный журнал исследований культуры*, 2(19), 5–11.
- Недосека, Е. В., & Ануфриева, Т. В. (2015). Особенности городской идентичности молодёжи г. Мурманска. *Социология города*, 3, 22–31.
- Оже, М. (2017). *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна* (А. Ю. Кононова, пер.). Новое литературное обозрение.
- Озерина, А. А. (2018). Структура городской идентичности волгоградской молодежи. *Logos et Praxis*, 17(3), 90–98.
- Радина, Н. К. (2015). *Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений*. ДЕКОМ.
- Спешилова, Е. И. (2024). Постигание города: от восприятия к воображению. *ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 2(40), 103–119.
- Федотова, Н. Г. (2017). Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3), 32–49.
- Шуб, М. Л. (2022). Специфика городской идентичности жителей промышленных городов южного Урала (по материалам массового опроса). *Сфера культуры*, 3(9), 13–20.
- Эллард, К. (2016). *Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие* (А. Васильева, пер.). Альпина Диджитал.
- Augé, M. (1992). *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Seuil.
- Hauge, Å. L. (2007). Identity and place: A critical comparison of three identity theories. *Architectural Science Review*, 50(1), 44–51.
- Hussein, F., Stephens, J., & Tiwari, R. (2020). Cultural memories and sense of place in historic urban landscapes: The case of Masrah Al Salam, the demolished theatre context in Alexandria, Egypt. *Land*, 9(8), 264.
- Lalli, M. (1992). Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, 12(4), 285–303.
- Norberg-Schulz, Ch. (1980). *Genius loci, towards a phenomenology of architecture*. Rizzoli.

References

- Anisimova, A. A., & Echevskaya, O. G. (2012). *Siberian identity: Prerequisites of formation, context of actualization*. Novosibirsk State University. (In Russian).
- Augé, M. (1992). *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Seuil.

- Augé, M. (1992). *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité* (A. Yu. Kononova, Trans.). New Literary Observer. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2016). Visual semiotics of cities. Perspective of urban texts studies. *ИПАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 4(10), 9–22. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2018). Urban space as anthropological phenomenon. *ИПАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 2(16), 10–31. (In Russian).
- Avanesov, S. S., & Fedotova, N. G. (2022). *City: In search of identity*. Aletheia. (In Russian).
- Ellard, C. (2016). *Places of the heart. The psychogeography of everyday life* (A. Vasilieva, Trans.). Alpina Digital.
- Evstifeev, R. V. (2019). Local identities in the global world: Peculiarities of the urban identities of residents of Russian historical cities. In M. G. Pugacheva (Ed.), *Russia's paths, politics boundaries*. (pp. 161–171). Publishing House “Delo” of RANEPa. (In Russian).
- Fedotova, N. G. (2017). The formation of urban identity: Factorial and institutional aspects. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 20(3), 32–49. (In Russian).
- Gornova, G. V. (2019). *City identity: Philosophical and anthropological foundations*. Amphora. (In Russian).
- Hauge, Å. L. (2007). Identity and place: A critical comparison of three identity theories. *Architectural Science Review*, 50(1), 44–51.
- Hussein, F., Stephens, J., & Tiwari, R. (2020). Cultural memories and sense of place in historic urban landscapes: The case of Masrah Al Salam, the demolished theatre context in Alexandria, Egypt. *Land*, 9(8), 264.
- Lalli, M. (1992). Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, 12(4), 285–303.
- Nedoseka, E. V., & Anufrieva, T. V. (2015). Peculiarities of the urban identity of the youth in Murmansk. *Urban Sociology*, 3, 22–31. (In Russian).
- Norberg-Schulz, Ch. (1980). *Genius loci, towards a phenomenology of architecture*. Rizzoli.
- Ozerina, A. A. (2018). The structure of urban identity of the Volgograd youth. *Logos et Praxis*, 17(3), 90–98. (In Russian).
- Radina, N. K. (2015). *City in space and time: Problems of territorial identity in the context of socio-economic changes*. DECOM. (In Russian).
- Shub, M. L. (2022). Specificities of the urban identity of industrial city residents in the southern Urals (based on the materials of a mass survey). *Sphere of Culture*, 3(9), 13–20. (In Russian).
- Speshilova, E. I. (2024). Comprehending the city: From perception to imagination. *ИПАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*, 2(40), 103–119. (In Russian).
- Zherdeva, Yu. A. (2015). Sense of place as a concept of social memory. *International Journal of Cultural Research*, 2(19), 5–11. (In Russian).

Информация об авторе

Наталья Геннадьевна Федотова
кандидат философских наук
доцент научно-образовательного центра «Гумани-
тарная урбанистика»
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новго-
род, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: 0000-0003-4225-3666
Web of Science ResearcherID: AAN-9678-2021
Scopus AuthorID: 557210828722
e-mail: fedotova75@mail.ru

Information about the author

Natalia G. Fedotova
Cand. Sci. (Philosophy)
Associate Professor of the Research and Educa-
tional Centre for Humanitarian Urbanistics
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4225-3666
Web of Science ResearcherID: AAN-9678-2021
Scopus AuthorID: 557210828722
e-mail: fedotova75@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 18.09.2024
Принят к публикации / Accepted 24.10.2024

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-183-200](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-183-200)

Университетские кампусы как живые лаборатории

Н. Б. Седикова

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия
eremina.nika@gmail.com

Е. И. Иноземцева

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия
caterina.buschmann@gmail.com

Н. В. Кахаева

Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия
natalybolotova@gmail.com

Д. В. Черникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
dv.chernik@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

живые лаборатории
городская среда
соучаствующее
проектирование
эксперимент
инновация
стейкхолдеры
четверная спираль

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена методология живых лабораторий как пространств открытого эксперимента в реальной городской среде, которые позволяют разрабатывать и тестировать технологические и социальные инновации в город, способствуют развитию технологического предпринимательства и междисциплинарной коммуникации, а также укреплению эмоциональной связи с местом приложения усилий. Особенно эффективно применение методологии живых лабораторий в городах, где движущей силой развития являются университеты, что формирует связь между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и их внедрением в реальную жизнь и социальную сферу. Создание живых лабораторий на территории университетских кампусов способствует раскрытию потенциала академического сообщества и формирует предпосылки для совместного поиска решений сложных общественно-значимых вопросов. Исследование представляет собой анализ опыта создания и функционирования живых лабораторий в городе Томске, где в 2017 г. данная мировая практика впервые в России была адаптирована и применена для содействия городскому развитию. Сегодня в Томске действует Сеть живых лабораторий, включающая семь участков университетских кампусов, интегрированных в городскую среду с различным фокусом экспериментов. Раскрывается понятие живой лаборатории и её основные принципы. Описан полный цикл реализации экспериментов в условиях реальной городской среды, от ключевых предпосылок, этапов анализа, дизайна экспериментов и формирования команды до непосредственного внедрения инновационных решений на городской территории, новой парадигмы гибкого управления и методики измерения

эффектов от реализации экспериментов. Кроме того, в статье приведено описание адаптированного подхода соучастующего проектирования и методики вовлечения пользователей и заинтересованных сторон на всех этапах процесса: от выявления потребностей до внедрения и масштабирования новых решений. Также в статье содержатся примеры экспериментов, реализованных на территории живой лаборатории Томска. Данная статья позволяет сформировать представление о методологии живых лабораторий, опыте и эффектах её применения в городской среде на территории университетских кампусов.

Для цитирования:

Седикова, Н. Б., Иноземцева, Е. К., Кахаева, Н. В., & Черникова, Д. В. (2024). Университетские кампусы как живые лаборатории. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 4(2), 183–200. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-183-200](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-183-200)

University campuses as living laboratories

Nika Sedikova

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russia
eremina.nika@gmail.com

Ekaterina Inozemtseva

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russia
caterina.buschmann@gmail.com

Natalia Kakhaeva

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russia
natalybolotova@gmail.com

Daria Chernikova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
dv.chernik@yandex.ru

KEYWORDS

living laboratories
experiment
innovation
stakeholders
quadruple helix
participatory planning
urban environment

ABSTRACT

The study explicates the methodology of living laboratories as open experiment spaces in real urban environment, which provide the development and testing of technological and social innovations in the city, contribute to the development of technological entrepreneurship and interdisciplinary communication, as well as strengthen emotional connection with the place of making efforts. The application of the methodology of living laboratories is especially effective in cities where universities are driving force of development, which forms a link between basic science, applied research and their implementation in real life and social sphere. The creation of live laboratories on university campuses helps to reveal the potential of the academic community and forms the prerequisites for a joint search for solutions to complex socially significant issues. The article gives the analysis of the experience of creating and operating live laboratories in Tomsk, where in 2017, for the first time in Russia, this world practice was adapted and applied to promote urban development. Today, Tomsk has a network of living laboratories, including seven sections of university campuses integrated into the urban environment with different focuses of experiments. The authors present the concept of living laboratory and its basic principles. The article describes the full cycle of experiments in a real urban environment, from the key prerequisites, stages of analysis, experiment design and team formation to the direct implementation of innovative solutions in the urban area, a new paradigm of flexible management and methods for measuring the effects of experiments. In addition, the authors suggest an adapted approach to participatory planning and a methodology for involving users and stakeholders at all stages of the process: from identifying needs to implementing and scaling new solutions. The article also contains examples of experiments carried out on the territory of the Tomsk live laboratory. The research allows to form an idea of the methodology of living laboratories, the experience and effects of its application in urban environment on university campuses.

For citation:

Sedikova, N. B., Inozemtseva, E. I., Kakhaeva, N. V., & Chernikova, D. V. (2024). University campuses as living laboratories. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 183–200. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-183-200](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-183-200)

Введение

Живые лаборатории как открытые инновационные экосистемы и экспериментальные территории в реальной городской среде являются актуальным, рабочим и эффективным подходом для внедрения новых решений в городах с целью устойчивого развития территорий.

С точки зрения университетов живые лаборатории являются инновационным механизмом взаимодействия с городом и влияния на его целостное развитие. Современная комфортная для обучения и коммуникации среда – это не только преимущество в конкуренции за абитуриентов и преподавателей, но и фактор для возникновения проектов, привлечения партнёров, работодателей, а также повышения мотивации студентов. Живые лаборатории позволяют университетам проявлять свою научно-исследовательскую и креативную идентичность в пространстве города, в процессе переосмысления среды и её фактического преобразования.

Формирование университетской инновационной и научно-образовательной среды – это консолидация усилий всех ключевых участников как внутри университета, так и во внешней его среде. Кампусы и университетское сообщество являются ценными активами, обладающими потенциалом к развитию живых лабораторий и вносящими неоценимый вклад в решение сложных общественно-значимых вопросов. Соединение университетов с кросс-дисциплинарным и трансформационным подходом живой лаборатории приводит к синергетическому феномену – университетский кампус как живая лаборатория. Такой подход позволяет университетам добиться большей практикоориентированности исследовательской и образовательной политики, а территорию своих имущественных комплексов использовать как витрину для собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР).

История возникновения и базовые принципы живых лабораторий

Концепция живых лабораторий возникла в начале 2000-х гг. в лаборатории Medialab Массачусетского технологического института (MIT) под руководством профессора Уильяма Митчелла (Nesti, 2017, pp. 310–325). Изначально она применялась при тестировании новых технологий в сфере «умного» дома и «умного» города в реальных жилых помещениях, где пользователи проживали несколько дней и даже недель, а группа учёных параллельно исследовала их опыт использования новых технологий (Eriksson et al., 2006, pp. 1–8). В последующие годы методология получила значительное развитие, а настоящий бум живых лабораторий случился в 2006 г. в связи с созданием Европейской сети живых лабораторий (European Network of Living Labs, ENoLL). На сегодняшний день существует более 400 живых лабораторий по всему миру.

Живые лаборатории представляют собой открытые инновационные экосистемы в реальной городской среде, ориентированные на потребности пользователей, которые принимают активное участие в процессе создания конечного продукта совместно с другими заинтересованными сторонами. Таким образом, методология живых лабораторий позволяет «вынести» процесс создания инноваций за пределы зданий, сделать его открытым для соучастия и интегрировать в городскую среду.

С учётом этого опыта ENoLL сформировала набор базовых характеристик, которые отличают живые лаборатории:

- Реальная городская среда становится площадкой для внедрения инноваций – быстрого создания прототипов и их тестирования с возможным последующим масштабированием (real-life setting).
- В центре создания инноваций находятся пользователи и их потребности (user-centered). Они – активные участники процесса совместного создания продукта (co-creation) и его тестирования в реальных городских условиях.
- В работе живых лабораторий участвует большое количество заинтересованных сторон – представителей четверной спирали (местные органы управления, бизнес, научно-исследовательские организации, местные сообщества). Ключевым является учёт интересов всех групп стейкхолдеров и активный диалог между ними для достижения общей цели (multi-stakeholder participation).
- Основным инструментом метода живых лабораторий является эксперимент, как правило, он носит мультидисциплинарный характер и объединяет исследователей, специалистов и/или команды из различных областей, что позволяет применять различные виды анализа при создании и тестировании продукта или технологии (multi-method approach).

Живые лаборатории могут создаваться на базе университетов и/или научно-исследовательских организаций, а также как самостоятельные инициативы (проекты), которые служат посредниками между жителями, местными органами власти, научно-исследовательскими организациями и представителями бизнеса (Слонимская, 2016, сс. 84–98). Большинство существующих сегодня живых лабораторий проводят эксперименты в сферах: искусственный интеллект, агропромышленность и развитие сельских территорий, культура и креативность, энергетика и окружающая среда, здравоохранение, социальная инклюзия, образование, медиа, транспорт, «умный» город, туризм.

Часто проекты носят узко сфокусированный прикладной характер, например: тестирование «умных» световых технологий, платформа для тестирования технологий для слабовидящих, инновации в сфере городской логистики и пр. Однако некоторые живые лаборатории ориентированы на комплексное развитие города, региона или даже страны (например, Андорра) или достижение конкретной цели, такой как обеспечение климатической нейтральности к 2050 г. Такие живые лаборатории не ограничены одной или несколькими тематиками и охватывают широкий круг инициатив.

Кампус Большого Университета Томска как живая лаборатория

Томск стал первым в России городом, где в 2017 г. мировая практика живых лабораторий была адаптирована и применена для содействия городскому развитию. Сегодня Сеть живых лабораторий Томска включает в себя семь участков университетских кампусов, интегрированных в городскую среду.

Предпосылками к такому инновационному внедрению послужили некоторые географические и социально-экономические особенности Томска. С 1888 г. город

стал первым научно-образовательным центром азиатской части России. Согласно Уставу Города, Томск является муниципальным образованием с градообразующим научно-образовательным комплексом. Здесь расположены шесть крупных государственных университетов, а также десятки научно-исследовательских центров и организаций, которые в 2012 г. вошли в состав «Томского консорциума научно-образовательных и научных организаций». С 2019 г. они объединились в Большой университет Томска, сохранив свою юридическую автономию. Большой университет Томска – уникальный для России пример консолидации усилий и компетенций всех вузов города для решения глобальных исследовательских задач и реализации мегапроектов для развития государства. Томск, при своей относительной компактности, отличается высокой концентрацией интеллектуального потенциала, большой долей студентов (более 10%) в численности населения и значительной долей занятых в образовании и профессиональной научно-технической деятельности (более 6%).

Таким образом, можно сделать вывод, что живые лаборатории характерны для городов, обладающих развитой инфраструктурой (сильные университеты, исследовательские центры) и доступом к рынку (потребителям) (Куценко & Кокарева, 2017, с. 9).

Методология.

Общие принципы живых лабораторий Томска

В Томске живые лаборатории используются для формирования видения развития города и тестирования способов достижения долгосрочных целей через краткосрочные пилотные проекты (ил. 1). В его формировании участвуют студенты, эксперты, внешние менторы-наставники, а также заинтересованные стороны четверной спирали.

Каждый пилотный проект (эксперимент) затрагивает изменения на 4 слоях:

- концептуальном (смысловом) – какие новые смыслы мы привносим в город экспериментом;
- управленческом – как должна измениться модель управления или её отдельные элементы в рамках нового решения, которое внедряет эксперимент;
- социальном – как меняются отношения между разными стейкхолдерами и социальными группами в рамках эксперимента и после;
- инфраструктурном – какие новые материальные объекты или изменения в существующей инфраструктуре возникнут.

Ил. 1. Общая схема методологии живых лабораторий Томска

Все эксперименты реализуются с высокой степенью соучастия заинтересованных сторон четверной спирали на всех этапах процесса разработки и внедрения нового решения. Ядром самого процесса исследований и разработки являются студенты и молодые практикующие специалисты, которые формируют временную междисциплинарную (дизайн)-студию – большую команду из гибких команд. Они, в свою очередь, работают при консультационной поддержке и наставничестве тематических экспертов и опытных профессионалов из академической и бизнес-среды со всей России и зарубежных стран.

Таким образом, университетские кампусы как живые лаборатории становятся единым окном для инициатив студентов, а также местных сообществ и инновационного бизнеса по решению вопросов развития городской среды и города в целом.

Выбор территории

Ключевым фактором при выборе территории под живые лаборатории является профиль пользователей. При выборе локации применяется механизм городской акупунктуры, когда мелкомасштабные вмешательства в конкретные городские пространства способны активировать их потенциал, оживить и оздоровить. Что в дальнейшем оказывает положительный эффект на более крупные районы города.

К основным критериям для выбора территории реализации экспериментов в городской среде можно отнести следующие:

- высокая концентрация молодых поколений, которые имеют более низкий барьер к восприятию нового;
- центральное расположение и высокая транспортная и визуальная доступность, что повышает скорость распространения новых решений;
- отсутствие крайностей: слишком большие (более 50 тысяч м²) или слишком маленькие (до 300 м²) территории, с явной природной или исторической доминантой, так как такие локации могут размывать усилия, иметь недостаточный эффект

или сильно ограничивать реализацию экспериментов, а также их дальнейшее масштабирование на других территориях.

Кроме того, на каждой территории при проведении экспериментов важно учитывать её наследие: социально-культурное, историческое, архитектурное, экономическое. Городская среда многослойна и в материальных, и во временных измерениях. С этой точки зрения эксперимент является проводником из актуального состояния в желаемое будущее с сохранением наследия конкретных территорий, значимого для прошлых, сегодняшних и будущих поколений.

Консорциум партнёров

Консорциум партнёров формируется под каждый конкретный эксперимент на подготовительном этапе по принципу «тройной спирали», то есть включает органы местного самоуправления, научно-исследовательские организации и университеты, представителей бизнеса. Такая модель является наиболее устойчивой и обеспечивает учёт интересов всех референтных групп и всестороннюю поддержку проекта. Консорциум партнёров сочетает несколько функций. Он является «экспертным субъектом», обладающим профессиональными знаниями в тематиках эксперимента, и таким образом обеспечивает достоверность результатов эксперимента. Консорциум также играет роль «навигатора» для определения цели эксперимента и основного механизма реализации, осуществляет наставничество (по потребности) для молодых специалистов временной дизайн-студии, а также оказывает поддержку ресурсами и профессиональной репутацией при продвижении результатов эксперимента. Количество участников консорциума может быть любым, однако во избежание бюрократических сложностей оптимальным будет выбор 3–7 организаций. Члены консорциума вступают в официальное соглашение, где зафиксированы суть планируемого эксперимента и степень участия каждой стороны.

Анализ территории

Анализ территорий до разработки новых решений и/или их внедрения является обязательным этапом. Однако его содержание зависит от специфики планируемого эксперимента. Результаты анализа проясняют объективные проблемы городской среды для конкретной территории, многие из которых являются характерными для города в целом. Результаты анализа, в первую очередь, представляются экспертам для обратной связи о правильности выводов по итогам сопоставления аналитических данных разных слоёв. После чего они используются для коммуникации с заинтересованными сторонами тройной спирали для установления общего языка и понимания предпосылок при проектировании новых решений. Используются вторичные и первичные методы исследования: интервьюирование экспертов, фокус-группы, воркшопы с пользователями, полевые наблюдения, картирование, натурная фотофиксация, архивные исследования и комплексный анализ.

Предварительно необходимые данные по каждой территории: топографический план местности, ортофотоплан, генеральный план зонирования, кадастровая карта.

Анализ существующего состояния территории может включать следующие слои:

- история (историко-культурный анализ);
- функции (функциональное зонирование, капитальные и временные постройки);
- транспорт (трафик, парковки, доступность для маломобильных групп населения);
- застройка (этажность, плотность населения);
- визуальный мусор (в т. ч. состояние фасадов и уличная реклама);
- экология и озеленение (озеленение, загрязнение, биоразнообразие);
- благоустройство (освещённость, разнообразие МАФ, санитарное состояние, нормативная база);
- социология (интересы стейкхолдеров, потребности и приоритеты пользователей, эмоциональная оценка, модели поведения);
- дополнительная аналитика (экономическая активность, инженерные сети).

Потребности пользователей и интересы стейкхолдеров

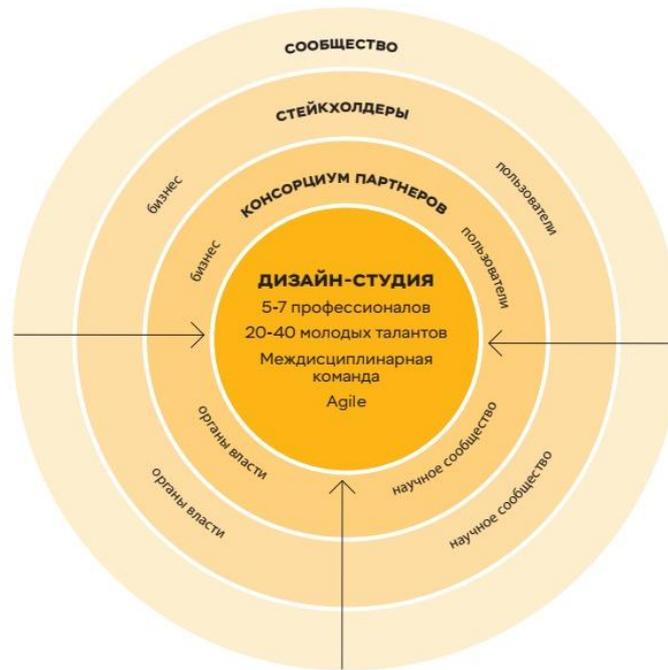
В живых лабораториях в центре создания инноваций находятся пользователи и их потребности. Более того, они являются активными участниками процесса. Поэтому определение потребностей пользователей является ключевым для понимания возможных экспериментов. Для определения потребностей пользователей используются сессии соучаствующего проектирования и воркшопы, на которых пользователи выступают в активной позиции, выражают свои ассоциации, потребности в желаемых преобразованиях относительно конкретной территории. На воркшопах используется набор визуальных инструментов (Toolkit) возможных изменений на территории, которые пользователи могут выбрать и локализовать на карте. Наблюдение за пользователями и их существующими моделями поведения на территории также является объективным и информативным источником понимания их потребностей.

Анализ интересов заинтересованных сторон (стейкхолдеров) необходим для выявления взаимовыгодных форм сотрудничества. Он выполняется до запуска эксперимента на подготовительном этапе. В соответствии с результатами анализа интересов выбирается стратегия вовлечения стейкхолдеров в реализацию эксперимента, основанная на уровне их влияния и заинтересованности (Nemes & High, 2009).

Дизайн эксперимента. Жизненный цикл эксперимента

Эксперименты могут рождаться из существующих технологий и разработок университетов (technology push) или, наоборот, из существующей потребности пользователей, под удовлетворение которой создаётся новое решение (market pull) (Vrem, 2008, pp. 39–71). В первом случае развитие технологии инициирует создание нового продукта, потребность в котором у потребителя может отсутствовать. Во втором случае на рынке есть потребность или возможность сформировать такую потребность, и под эту возможность создаётся новый продукт. В целом, при втором подходе шансы на востребованность продукта (нового решения) в рамках эксперимента выше, а барьеры при его внедрении ниже.

Разработка эксперимента проходит с вовлечением различных аудиторий на разных этапах (ил. 2). Пройдя предварительный этап изучения потребностей пользователей и интересов стейкхолдеров, первым шагом на пути рождения эксперимента становится формирование консорциума партнёров. Далее важно получение поддержки ключевых стейкхолдеров. Когда информационное поле и стейкхолдеры готовы и даже ожидают новых решений для городской среды, можно набирать междисциплинарную команду из молодых специалистов, способную создать сам продукт.

Ил. 2. Логика вовлечения сторон при разработке эксперимента

Реализация экспериментов происходит в рамках основных этапов.

На подготовительном этапе (до 9 месяцев) ключевым является проработка идеи эксперимента. Здесь выполняются выбор и анализ территории, выявление потребностей пользователей и интересов стейкхолдеров, вторичные исследования опыта по теме будущего эксперимента, привлечение партнёров и формирование консорциума.

Далее следует основная часть – запуск и реализация эксперимента. Сюда входят:

- разработка новых решений временной дизайн-студией (3–9 месяцев) с экспертными консультациями, тестированием и детальной проработкой концептуальных решений, согласования со стейкхолдерами;
- встраивание решений в национальные проекты и региональные программы финансирования, а также привлечение дополнительных спонсоров;
- разработка рабочей документации для внедрения решений в реальной среде;
- проведение конкурсных процедур для выбора исполнителя дизайн-решений;
- непосредственная установка дизайн-решений в городской среде (до 2 лет).

После реализации разработанных дизайн-решений важным этапом является оценка эффектов посредством наблюдения за пространственными и социально-

экономическими изменениями территории эксперимента (через 1, 2, 3 года после реализации). На протяжении всего эксперимента осуществляется освещение ключевых результатов и событий в рамках эксперимента в релевантных каналах массовой коммуникации.

Создание временных дизайн-студий

Как видно из Иллюстрации 2, ядром процесса разработки новых решений является междисциплинарная временная дизайн-студия из студентов и молодых практикующих специалистов. Это позволяет молодым талантам влиять на изменения в городе, практиковать и развивать профессиональные компетенции.

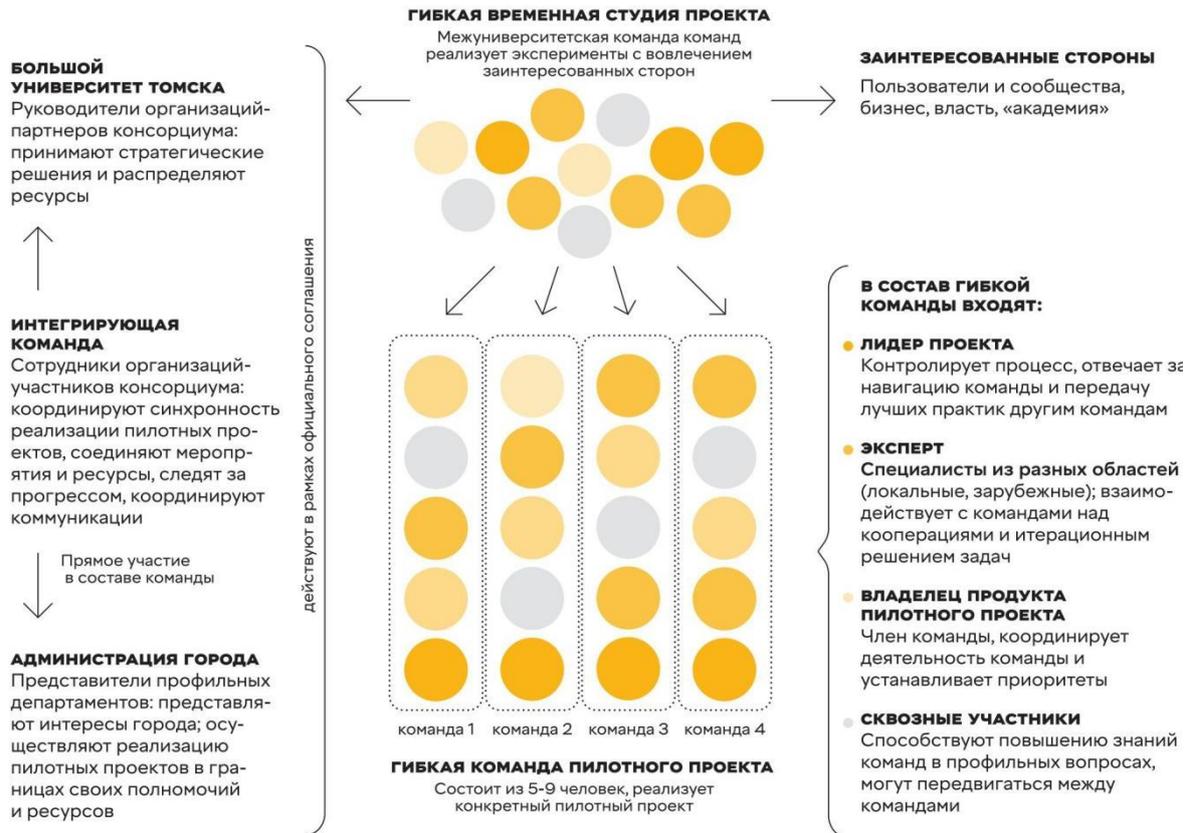
Важно гарантировать на входе присутствие в команде дизайн-студии 2–3 специалистов с профессиональными навыками и высокой степенью ответственности. Отбор ведётся по принципу выявления потенциала и мотивации у участников (Fernandez-Araoz, 2014, pp. 48–56). Команда дизайн-студии может включать 10–50 человек. Оптимальный средний возраст участников – 23–25 лет.

Проектная деятельность в рамках дизайн-студии является примером обучения на практике (*learning by doing*). Как правило, все члены команды вовлечены в процесс на немонетарной основе. Основной мотивацией к участию выступает желание инициировать изменения в среде и заниматься интересными задачами. Деятельность в дизайн-студии для студентов является частью проектного обучения и может дополнять или заменять часть предметов в рамках основных образовательных программ путём перевода на индивидуальный учебный план. Все практикующие профессионалы по результатам деятельности дизайн-студии получают удостоверение о повышении квалификации.

При управлении дизайн-студией используются гибкие подходы (*agile*). В данной методике фиксированными являются параметры: качество, сроки и ресурсы. Поэтому в случае изменений корректируется цель (Hunt, 2006, pp. 9–30).

Дизайн-студия действует как самоорганизующееся профессиональное сообщество. Организационная структура горизонтальная, решения принимаются в процессе совместного консультирования. Общий принцип – доверие и ответственность, согласно принципам бирюзовых организаций (Лалу, 2023).

Внутри дизайн-студии формируются гибкие команды по 5–7 человек, задачи определяются совместно на 2–3 недели и разбираются участниками по желанию. Подзадачи планируются уже внутри команды, как и способ их выполнения. Как правило, устанавливается единый для всех команд срок выполнения. Лидер, координирующий прогресс нескольких команд, выделяется зачастую самопроизвольно из числа практикующих специалистов и периодически меняется (ил. 3).

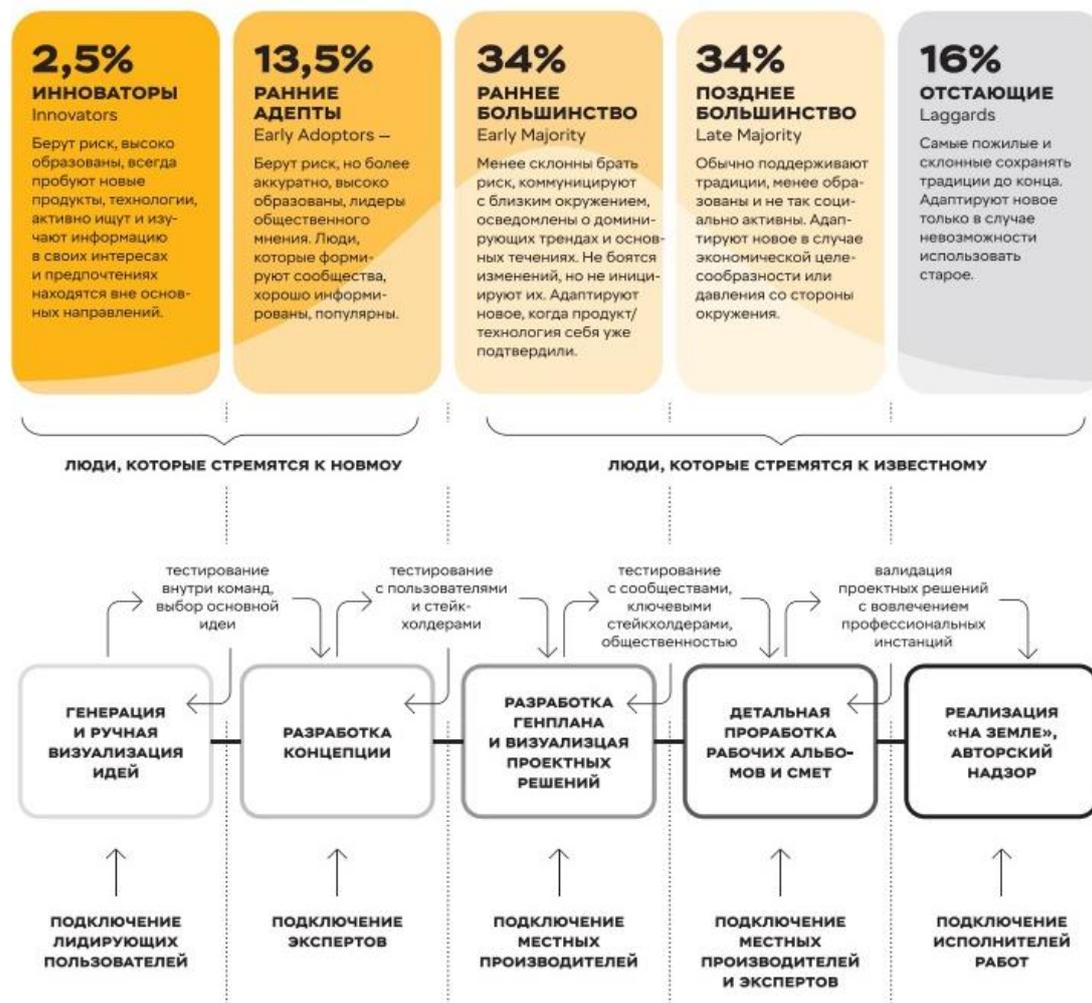
Ил. 3. Роли и взаимодействие сторон

Развитие талантов является обязательным процессом для расширения кругозора и креативности участников дизайн-студии. В качестве форматов оптимальными являются: выступления вдохновляющих спикеров, интенсивные практические сессии (воркшопы) под руководством тематических профессионалов, в том числе зарубежных, консультации с экспертами и тематические экскурсии.

Вовлечение сторон

В рамках живых лабораторий вовлечение заинтересованных сторон в процесс разработки дизайн-решений для городской среды столь же важно, что и создание дизайна. Вовлечение обеспечивает получение востребованных и нестандартных решений, а также формирование активного городского сообщества вокруг территории. Живые лаборатории имеют дело с новыми решениями, поэтому вовлечение пользователей основывается на методологиях партисипаторного планирования (participatory planning). Однако для избегания тривиальных решений при чрезмерной ориентации на мнение большинства пользователей необходимо интегрировать методы, которые используются при разработке новых продуктов. В рамках работы живых лабораторий Томска в первую очередь интегрирована технология жизненного цикла адаптации новых продуктов (The Technology Life Cycle Adoption Curve) для сегментации пользователей и последующего вовлечения на разных стадиях процесса дизайна (Rogers, 2003, pp. 1–17, 31–38). Таким образом, люди, склонные к новым решениям, вовлекаются в процесс проектирования на ранних этапах, а

основное большинство – на стадиях тестирования готового концептуального решения (ил. 4).

Ил. 4. Технология вовлечения в рамках живых лабораторий Томска

Для поиска идей новых решений полезно использовать метод лидирующих пользователей (lead-user method) и подход «развитие потребителей» (customer development approach) для тестирования решений в процессе разработки (Sänn, 2017, pp. 9–53).

Оценка эффективности

Важным аспектом деятельности живых лабораторий является оценка эффективности и результата. Предполагаемые результаты должны быть ясными, выраженными, с акцентом на долгосрочную перспективу, измеримыми с помощью индикаторов и связанными с краткосрочными целями. В качестве модели, помогающей оценить эффективность и результаты деятельности, направленной на достижение желаемых изменений, часто используется цепочка результатов (ил. 5).

Цепочка результатов – это порядок действий в целях развития, выстроенный на основе причинно-следственных связей, который обуславливает необходимый алгоритм достижения желаемых целей, начиная с затрачиваемых ресурсов

(inputs), продвигаясь от мероприятий (activities) к результатам (outputs) и заканчивая эффектами (outcomes), воздействиями (impacts) и обратной связью (feedback) (Glossary of key terms in evaluation and results-based management, 2022).

Ил. 5. Цепочка результатов

При оценке экспериментов и живых лабораторий в Томске учитываются и оцениваются следующие параметры: (1) пространственные изменения – повышение качества городской среды; (2) экономические эффекты, такие как открытие на территории нового бизнеса и рост существующего, трудоустройство молодых специалистов (удержание талантов); (3) социальные – увеличение разнообразия социальных групп на территориях, возникновение новых моделей поведения, снижение напряженности между социальными группами; (4) институциональные, например, создание Центров территориального развития.

Примеры реализованных экспериментов

В период с 2018 по 2023 г. в Томске на территориях живой лаборатории было реализовано 12 экспериментов в сфере устойчивой городской среды.

Наиболее крупным средовым экспериментом стал первый эксперимент на территории живой лаборатории Томска, который прошёл в 2018–2019 гг. при международном участии. Эксперимент был направлен на изменение подхода к созданию открытых общественных пространств для повышения качества городской среды и усиления взаимодействия городских сообществ. Инициатором эксперимента выступил консорциум из 7 партнёров тройной спирали, включая 4 организации из Томска и 3 зарубежных архитектурных бюро.

В результате удалось разработать дизайн-проект для одной из молодёжных улиц Томска от фасада до фасада, включая рабочую документацию и проведение процедур согласований. Реализация в городской среде была выполнена в 2019–2020 гг. в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». В течение всего проекта было затрачено 52 пятницы, или около 15 тыс. часов работы, около 10 млн руб. на организацию этапа разработки. В процесс проектирования и тестирования вовлечено более 500 человек и 16 стейкхолдеров, включая областную и городскую администрации, университеты, бизнес и пользователей территории.

Первый эксперимент зародил в городе новое направление в области создания качественной городской среды и имел заметные пространственные, социальные и экономические эффекты. Одним из таких эффектов стало создание в рамках Департамента строительства и архитектуры Томской области нового структурного

подразделения – Центра развития городской среды Томской области, в команду которого трудоустроились 8 наиболее активных участников временной дизайн-студии.

Примером социального эксперимента, инициатором которого выступила Администрация Города Томска, стало временное перекрытие автомобильного движения на ул. Усова (на территории реализации первого эксперимента) и создание пешеходной зоны с разнообразием активностей для горожан. Эксперимент позволяет оценить экономические, экологические и социальные эффекты от организации пешеходной улицы в городе. Важной частью эксперимента стал сам опыт создания культурных сценариев для альтернативного использования городских улиц и формирование сообщества горожан, способных организовать событийную программу.

Ещё одним типом экспериментов является внедрение и тестирование различных технологических решений в реальных городских условиях. Так, в период с 2019 по 2022 г. на территории живой лаборатории Томска было реализовано внедрение системы интеллектуального освещения, технологии «умного» видеонаблюдения, мониторинга парковочных пространств, а также тестирование технологии по применению биологических препаратов для создания устойчивых объектов городского озеленения. Все эксперименты позволили получить важную обратную связь для разработчиков относительно готовности их продуктов и внедрить в готовые общественные пространства технологичные решения в области устойчивой городской среды.

С 2024 года в реализации находятся ещё три эксперимента:

- «Улица-Галерея» – эксперимент об использовании современного уличного искусства для создания интересной и эстетичной городской среды, отражающей идентичность и ценности пользователей;
- «Уличный коворкинг» – эксперимент о создании общественно доступных рабочих мест на свежем воздухе в исторической среде университетского города;
- «Томск – студенческая столица» – эксперимент по созданию визуального облика товарного знака «Томск – студенческая столица России» и его интеграции в городскую среду.

Подробная информация об экспериментах содержится на сайте Сети живых лабораторий Томска¹.

Заключение

Университетские кампусы как живые лаборатории – новая перспективная методология, позволяющая выстроить эффективное и предметное взаимодействие самых разных участников и сторон от официальных институций до экспертов и городских лидеров. С помощью живых лабораторий решаются неотложные и комплексные проблемы, связанные с социальными вызовами. Ключевыми элементами этих лабораторий являются совместное творчество и экспериментирование в реальной среде, местоположение, организация, а также рефлексия и обучение. Все активные участники имеют влияние и право принятия решений в лаборатории. Такие живые лаборатории становятся единым окном для инициатив студентов,

¹ См.: <https://livinglabtomsk.org/>.

местных сообществ и инновационного бизнеса в развитии города. Для университетов живые лаборатории в кампусах обеспечивают большую практикоориентированность исследовательской и образовательной политик, а также служат витриной разработок вуза.

Методология живых лабораторий эффективна при необходимости соединения разрозненных действий и поиска пересечения интересов на благо всех сторон. Реализация экспериментов происходит с опорой на новую парадигму гибкого управления, в соответствии с которой сложные комплексные системы рассматриваются как самоорганизующиеся живые организмы, а не как механизмы. Так, проектирование и проведение экспериментов выполняется в соучастии и сотворчестве с пользователями и заинтересованными сторонами на всех этапах процесса: от выявления потребностей до внедрения и масштабирования новых решений. Каждый эксперимент способствует формированию долгосрочного видения устойчивого развития Томска и одновременному тестированию способов его достижения.

Для Томска создание живых лабораторий в кампусах университетов стало эффективным механизмом полноценного участия вузов в развитии города. По мнению авторов, применение методологии живых лабораторий будет полезно всем городам, однако наиболее эффективно они будут функционировать и развиваться при наличии сильного академического сообщества и инфраструктуры.

Библиография

- Куценко, Е., & Кокарева, А. (2017). Живые лаборатории как инструмент развития инновационных кластеров. *Московский международный форум «Открытые инновации – 2017»*. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/216157692?ysclid=lxcofyah3c76023912>.
- Лалу, Ф. (2023). *Открывая организации будущего* (В. Кулябина, пер.). Манн, Иванов и Фербер.
- Слонимская, М. А. (2016). «Живые лаборатории» как инструмент открытий инноваций в сетевых структурах. *Белорусский экономический журнал*, 4, 84–98.
- Brem, A. (2008). *The Boundaries of innovation and entrepreneurship*. Gabler.
- Eriksson, M., Niitamo, V. P., Kulkki, S., & Hribernik, K. A. (2006). Living labs as a multi-contextual R&D methodology. *IEEE International Technology Management Conference*, 1–8.
- Fernández-Aráoz, C. (2014). 21st-century talent spotting. *Harvard Business Review*, 92(6), 46–138.
- Glossary of key terms in evaluation and results-based management (2022). *OECD Development Assistance Committee*. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/EV\(2022\)2/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/EV(2022)2/en/pdf).
- High, C., & Nemes, G. (2009). Purpose and perspective: Using soft systems methods in stakeholder analysis. In *Stakeholder Perspectives in Evaluating Sustainable Development*. 16–18 October, 2009, Budapest, Hungary. URL: <https://oro.open.ac.uk/25826/5/High2009a.pdf>.
- Hunt, J. (2006). *Agile Software Construction*. Springer.
- Nesti, G. (2017). Co-production for innovation: The urban living lab experience. *Policy and Society*, 37(3), 310–325.

- Rogers, E. M. (2003). *Diffusion of innovations*. Free Press.
- Sänn, A. (2017). *The preference-driven lead user method for new product development*. Springer Gabler.

References

- Brem, A. (2008). *The Boundaries of innovation and entrepreneurship*. Gabler.
- Eriksson, M., Niitamo, V. P., Kulkki, S., & Hribernik, K. A. (2006). Living labs as a multi-contextual R&D methodology. *IEEE International Technology Management Conference*, 1–8.
- Fernández-Aráoz, C. (2014). 21st-century talent spotting. *Harvard Business Review*, 92(6), 46–138.
- Glossary of key terms in evaluation and results-based management (2022). *OECD Development Assistance Committee*. URL: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/EV\(2022\)2/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/EV(2022)2/en/pdf).
- High, C., & Nemes, G. (2009). Purpose and perspective: Using soft systems methods in stakeholder analysis. In *Stakeholder Perspectives in Evaluating Sustainable Development*. 16–18 October, 2009, Budapest, Hungary. URL: <https://oro.open.ac.uk/25826/5/High2009a.pdf>.
- Hunt, J. (2006). *Agile Software Construction*. Springer.
- Kutsenko, E., & Kokareva, A. (2017). Living labs as a tool of innovation clusters development. *Open Innovations Moscow International Forum – 2017*. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/216157692?ysclid=lxcofyah3c76023912>. (In Russian).
- Laloux, F. (2023). *Reinventing organizations: A guide to creating organizations inspired by the next stage in human consciousness* (V. Kulyabina, Trans.). Mann, Ivanov & Ferber. (In Russian).
- Nesti, G. (2017). Co-production for innovation: The urban living lab experience. *Policy and Society*, 37(3), 310–325.
- Rogers, E. M. (2003). *Diffusion of innovations*. Free Press.
- Sänn, A. (2017). *The preference-driven lead user method for new product development*. Springer Gabler.
- Slonimskaya, M. (2016). Living labs as a tool for open innovation in network structures. *Belarusian Economic Journal*, 4, 84–98. (In Russian).

Информация об авторах

Ника Борисовна Седикова
 магистр в области взаимодействия с
 потребителями, со-руководитель Сети живых
 лабораторий Томска
 Томский государственный архитектурно-
 строительный университет
 Российская Федерация, 634003, Томск,
 пл. Соляная, 2
 ORCID: 0009-0002-0249-0499
 E-mail: eremina.nika@gmail.com

Екатерина Ивановна Иноземцева
 руководитель Сети живых лабораторий Томска,
 эксперт отдела управления проектами
 Томский государственный архитектурно-
 строительный университет
 Российская Федерация, 634003, Томск,
 пл. Соляная, 2
 ORCID: 0009-0002-1735-0413
 E-mail: caterina.buschmann@gmail.com

Наталья Валерьевна Кахаева
 координатор Сети живых лабораторий Томска,
 эксперт отдела управления проектами
 Томский государственный архитектурно-
 строительный университет
 Российская Федерация, 634003, Томск,
 пл. Соляная, 2
 ORCID: 0009-0007-4765-6874
 E-mail: natalybolotova@gmail.com

Дарья Васильевна Черникова
 кандидат философских наук, доцент
 заместитель директора научно-образовательного
 центра урбанистики и регионального развития
 Национальный исследовательский
 Томский государственный университет
 Российская Федерация, 634050,
 Томск, пр-т Ленина, 36
 ORCID: 0009-0007-2811-7736
 Web of Science ResearcherID: KHY-8644-2024
 Scopus AuthorID: 57219176417
 E-mail: dv.chernik@yandex.ru

Information about the authors

Nika B. Sedikova
 Master of Customer Relations,
 Co-Head of Living Labs Tomsk Network
 Tomsk State University of Architecture
 and Building
 2, Solyanaya Sq., Tomsk, 634003,
 Russian Federation
 ORCID: 0009-0002-0249-0499
 E-mail: eremina.nika@gmail.com

Ekaterina I. Inozemtseva
 Head of Living Labs Tomsk Network,
 Expert at Project Management Department
 Tomsk State University of Architecture
 and Building
 2, Solyanaya Sq., Tomsk, 634003,
 Russian Federation
 ORCID: 0009-0002-1735-0413
 E-mail: caterina.buschmann@gmail.com

Natalia V. Kakhaeva
 Coordinator of Living Labs Tomsk Network,
 Expert at Project Management Department
 Tomsk State University of Architecture
 and Building
 2, Solyanaya Sq., Tomsk, 634003,
 Russian Federation
 ORCID: 0009-0007-4765-6874
 E-mail: natalybolotova@gmail.com

Daria V. Chernikova
 Cand. Sci. (Philosophy)
 Deputy Head of the Center
 for Urban Studies & Regional Development
 National Research Tomsk State University
 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050,
 Russian Federation
 ORCID: 0009-0007-2811-7736
 Web of Science ResearcherID: KHY-8644-2024
 Scopus AuthorID: 57219176417
 E-mail: dv.chernik@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 29.10.2024
 Принят к публикации / Accepted 22.11.2024

Университет и город: геокультурная миссия. Экспертное интервью

Д. Н. Замятин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
dzamyatin@hse.ru

С. С. Аванесов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
iskiteam@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

город
пространство
ландшафт
территория
локальная культура
геокультура
Россия
культурный код
университет

АННОТАЦИЯ

Экспертное интервью посвящено обсуждению проблем соотношения территории и пространства в культурном опыте человека, а также определению места и роли университета в сохранении и трансляции культурного наследия города и региона. Географическое место характеризуется в качестве объективной константы, пространство же формируется в результате социокультурной деятельности человека и потому всегда динамично, перспективно. При этом ландшафт и культура оказывают влияние друг на друга; в контексте такого взаимного влияния можно говорить о существовании различных геокультур. Традиции геокультур способны перемещаться вместе с их носителями, а сами культуры открыты для влияний извне и для внутренних трансформаций. Эти тенденции особенно характерны для России как большого культурного пространства. Локальная идентичность основана на полноте чувства присутствия человека в определённой геокультуре, в культурном пространстве определённого города. Университет способен транслировать во времени конкретную локальную идентичность, выраженную в том числе и в пространственной организации городского ландшафта. Миссия современного университета должна заключаться именно в сохранении городского культурного кода, лежащего в основе геокультурного своеобразия территории.

Для цитирования:

Замятин, Д. Н., & Аванесов, С. С. (2024). Университет и город: геокультурная миссия. Экспертное интервью. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(2), 201–216. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-201-216](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-201-216)

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

The university and the city: A geo-cultural mission. Expert interview

Dmitry Zamyatin

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
dzamyatin@hse.ru

Sergey Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
iskiteam@yandex.ru

KEYWORDS

city
space
landscape
territory
local culture
geoculture
Russia
cultural code
university

ABSTRACT

The expert interview is devoted to discussing the problems of correlation of territory and space in personal cultural experience, and to determining the place and role of the university in preserving and translating the cultural heritage of the city and the region. A geographical location is characterized as an objective constant, while space is formed by human cultural activity and therefore is always dynamic and prospective. At the same time, landscape and culture influence each other; the context of such mutual influence gives way to discussing the existence of different geocultures. The traditions of geocultures are able to shift together with their carriers, while cultures are open to external influences and internal transformations. These trends characterize Russia as a large cultural space. Local identity is based on the completeness of a personal sense of being in a certain geoculture, in the cultural space of a certain city. The university can transmit in time specific local identity, which is expressed, among other things, in the spatial organization of the urban landscape. To preserve the urban cultural code that underlies the geocultural originality of the territory should become the mission of university today.

For citation:

Zamyatin, D. N., & Avanesov, S. S. (2024). The university and the city: A geo-cultural mission. Expert interview. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 201–216. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-201-216](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-201-216)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

С. С. Аванесов: Дмитрий Николаевич Замятин, доктор культурологии, главный научный сотрудник факультета городского и регионального развития Высшей школы урбанистики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Добрый день, Дмитрий Николаевич!

Д. Н. Замятин: Добрый день, Сергей Сергеевич! Рад нашей встрече.

С. С. Аванесов: Взаимно. Давайте поговорим с Вами о том, что и нас интересует, и Вам близко. Первый вопрос, который я хотел бы вам задать: чем, на Ваш взгляд, пространство отличается от места или территории? Дело в том, что и в обыденной речи, и в журналистском дискурсе очень часто эти слова меняются местами, употребляются как синонимы, через запятую и так далее. Но вот с точки зрения культурной географии, культурологии в целом, как бы мы её ни понимали, отличается ли пространство, как место обитания человека, от того, что мы называем просто местом или территорией? Как вы считаете, можно ли их терминологически развести и почему?

Д. Н. Замятин: Да, они довольно серьёзно разводятся в культурной географии, вообще в географии. Имеется обширная история формирования понятий, их соотношений. Последние версии связаны с тем, что пространство – это некая, грубо говоря, неосвоенная территория, или слабо освоенная. То есть это то, что мы слабо себе представляем, то, что, так сказать, вокруг нас есть, и мы пока не знаем, что с этим делать. У нас нет там ни траекторий, ни путей, ни остановок, ни каких-то поселений и так далее.

Место – это то, что уже полностью освоено. То, что стало моим, вашим, чьим-то, которое мы чётко себе представляем. Некая имманентность достигнута с этой ситуацией. Есть триада «пространство, место, ландшафт». Считается (по крайней мере, с одной точки зрения), что ландшафт – это некая внешняя точка зрения на место. Когда человек приезжает в какое-то известное место, у него есть такой внешний образ, и ему этого достаточно. Но это точка зрения внешнего наблюдателя. В принципе, эта точка зрения принята в западной культурной географии и часто излагается в студенческих, аспирантских пособиях.

Я могу не соглашаться с этим, поскольку для меня пространство (наряду с местом) – краеугольная вещь, очень важная. Во многих своих работах я, так сказать, акцентирую именно понятие пространства. Почему мне это важно? Дело в том, что место обладает определённой ограниченностью, пространство же всегда имеет потенциал развития, потенциал образных представлений о нём. Для меня данный аспект важен, и в этом смысле я считаю, что пространство ценно для человека тем, что оно сохраняет для него варианты развития, варианты какой-то динамики, тогда как место может быть достаточно статичным, устоявшимся, люди живут там из года в год, из века в век; и вот это часто накладывает какие-то ограничения, ставит какие-то консервативные рамки для развития.

С. С. Аванесов: Можно ли сказать, что место – это, скорее, что-то близкое к константе, пространство – это некая переменная, поскольку оно всегда как бы не закончено, всегда имеет потенциал и, соответственно, имеет перспективу трансформации, различного наполнения, сгущения, разрежения? Можно ли так считать?

Д. Н. Замятин: Да, я думаю, всё верно. Ваша интерпретация абсолютно верна, да. То есть, грубо говоря, всегда, с моей точки зрения, должно быть какое-то балансирование, некая неравномерная динамика. Бывают люди, как мы видим, абсолютно местные, например, какой-нибудь человек в деревне: прожил там всю

жизнь, один раз выезжал в райцентр. Это у человека его место. У этого есть свои плюсы и минусы. Но, с другой стороны, бывает, что человек становится, так сказать, кочевым (цифровые кочевники и проч.). Такие люди «сдвинуты» в сторону пространства, постоянного передвижения, переезда с места на место; естественно, в какие-то моменты они останавливаются и где-то живут, а потом переезжают. Это современная ситуация, даже постсовременная ситуация: неравномерная динамика и балансирование пространства и места, как мне представляется.

С. С. Аванесов: Насколько пространство, на Ваш взгляд, имеет культурное или даже антропологическое содержание? Вот Вы сказали о кочевниках, а они существуют, условно говоря, в очень больших пространствах, и для них это «естественная» среда обитания – эти пространства соответствуют их культурному типу, менталитету и опыту. Но если поместить в это же пространство человека, привыкшего жить в маленьком, тесном городе, в европейском каком-нибудь городе, то он совершенно иначе будет переживать это пространство. Оно войдёт в его мироощущение совершенно другим опытом, совершенно другим феноменом. Это будет, например, потерянности, тоска. Это пространство будет его выталкивать, и он от него будет отгораживаться. В то время как кочевник относится к этому иначе: это, наоборот, всё его, это та территория, на которой он сам существует, делая её своим жизненным пространством. Вот это человеческое измерение пространства имеет значение для культуролога?

Д. Н. Замятин: Конечно, конечно. Я вспоминаю свой опыт составления небольшой хрестоматии «Пространства России» в начале 1990-х годов. Так вот, собственно, этот образ огромного пространства России возникает первоначально не в самой России. Он возникает в результате рецепции извне. Этот образ мы встречаем в трудах европейских путешественников, начиная с записок Плано Карпини (это ещё XIII век); но в основном это начинается с XV века; с этого времени, собственно, идёт череда трудов иностранцев, которые побывали в России. И они описывают её со своей точки зрения. И повторяются одни и те же образы: ужас перед огромным безлюдным пространством, холод, ни городов, ничего.

С. С. Аванесов: Белая пустыня.

Д. Н. Замятин: Да, белая пустыня. И это транслируется вплоть до XIX века, когда это всё ещё влиятельный образ. Естественно, он постепенно убывает, слабеет. Но вот в XVIII веке постпетровская Россия уже начинала сама создавать собственные риторические пространства, высказываясь по поводу собственной огромной территории, и она при этом заимствует этот самый дискурс. Так, собственно, происходит весь XVIII век. Наши знаменитые поэты восхищаются Елизаветой, Екатериной и при этом используют образ огромности пространств России. Они просто заимствуют европейский дискурс, который, в принципе, переходит затем и в XIX век и даже воспроизводится в текстах наших философов Серебряного века. Хотя, казалось бы, при их-то философском арсенале можно было как-то иначе построить этот дискурс. Однако они его усвоили и воспроизвели даже в начале XX века.

Это к вопросу о том, что, действительно, человек связан с местом. Я называю это геокультурой. Есть какие-то европейские локальные геокультуры, очень интересные: романские, германские и так далее. Есть российские – тоже немножко разные, в зависимости от регионов. Геокультура не то чтобы диктует взгляды, но даёт вариативность. Эта вариативность связана и с различными взглядами на другие

территории, на другие места. Вы правильно сказали по поводу кочевников, потому что для кочевников это на самом деле пространство освоенное. Другими словами, они живут традиционно циклически: кочевники переходят по территории с места на место: степь, пустыня, горы и так далее. Это цикл связанный, собственно, с выпасом.

С. С. Аванесов: Очень важное и, наверное, какое-то экзистенциальное переживание. То есть моё – это там, где я бываю. А другой тип переживания: моё – это там, где я нахожусь. Поскольку кочевник бывал где-то там, на огромной периферии этого огромного пространства, он считает его освоенным. А человек неномадического склада считает своим только то, где он находится стабильно.

Д. Н. Замятин: Согласен. В одной из своих работ я ввёл понятие постномадизма, уже связанное с современной человеческой ситуацией. Постномадизм, как мне представляется, создаёт разрыв между традиционным пониманием номадизма и ситуацией постсовременности. Дело в том, что традиционные номады всё же были ограничены в своих кочеваниях. С моей точки зрения, постномадическая ситуация состоит в том, что сейчас люди заранее пытаются создавать такие зоны перцепции, благодаря которым они принимают другие территории в качестве потенциально своих. И им это важно, поскольку они не планируют жить всё время в одном месте. Для молодёжи это характерно. В такой ситуации человек иначе создаёт свои пространства и свои места. То есть идёт огромный разрыв с прежним человеческим опытом, и он продолжается уже довольно долго, лет 50–70. И он, в общем, достаточно тяжёл.

С. С. Аванесов: Поскольку у нас зашла речь о пространстве России, можно обсудить вот что. Довольно парадоксальная ситуация, на мой взгляд, состоит в том, что мы вообще можем говорить о пространстве России, которое огромно даже чисто географически, не говоря уже о культурно-исторических различиях. В то же время русский, российский менталитет вряд ли можно назвать номадическим. Как можно понимать вот это российское пространство в виде какого-то единства? Или тут вообще нет никакого единства и никакие скрепы искать не нужно? Иначе говоря, народ, не являющийся номадическим, считает своими огромные пространства, которые, в общем, довольно слабо заселены. Как нам понимать, что из себя представляет пространство России?

Д. Н. Замятин: Ну, это сложный вопрос. Я считаю, что не бывает вечного единства. Например, была Римская империя, да, она была единая.

С. С. Аванесов: Pax Romana.

Д. Н. Замятин: Да, Pax Romana. Если ты римский гражданин, то ты присутствуешь в единой империи, где бы ты ни находился: и в Сирии, и в Испании, где угодно. Но она исчезла. Так же, как и Византия. Вечных пространств в этом смысле нет. В таком плане Россия тоже не вечна. Но в России действительно есть такая особенность, на которой основана значительная часть российских территориальных, локальных сообществ. Есть такие геокультурные особенности, которые связаны с тем, что люди привыкли к частым перемещениям, даже в деревне; такой как бы пара-номадический менталитет, различающийся, конечно, в зависимости от конкретной территории. Он означает, что история страны и культуры так или иначе связана с рассеянием, с огромным количеством переселений (и на границах, и внутри территории), в том числе и насильственных. Понятно, что для многих это, наверное, очень печальная история: человек предполагает, что он где-то тут живёт,

но к нему завтра постучат и скажут: либо переезжайте, либо мы вас сопроводим, куда следует.

С. С. Аванесов: На выход с вещами, да?

Д. Н. Замятин: Да. Поэтому такой менталитет – он обоюдоострый.

С. С. Аванесов: Двуслойный, скажем.

Д. Н. Замятин: Да. То есть человек готов к перемещению и по своей воле, и не по своей воле. Человек предполагает... Но, в принципе, он готов к такому внезапному перемещению.

С. С. Аванесов: Интересная выходит схема. То есть получается, что история или судьба русского народа приучила людей к тому, что они, не являясь номадическим сообществом по своему менталитету, по укладу и так далее, тем не менее готовы, если так распорядится судьба, переместиться в какое-то новое место, освоить совершенно новое пространство и там оставаться столь же оседлыми жителями, как и прежде. Вот эту готовность претерпеть перемещение и освоить новое пространство можно ли считать какой-то сложившейся на сегодняшний день национальной чертой, исторической чертой народа?

Д. Н. Замятин: Ну, да. Я считаю, что это характерно даже вне этнических измерений, и это очень важно. К примеру, те же самые украинцы создали огромную диаспору на Дальнем Востоке в пору переселений конца XIX – начала XX века. И в основном они осваивали Дальний Восток. Или я встречаю, к примеру, на Урале украинцев в маленьком городке. Они – наши люди абсолютно, в силу того что они тоже переезжали, то есть их менталитет не особо отличен от нашего, по крайней мере, был. И точно так же у других народов: татары, башкиры, даже народы Северного Кавказа, которые на нефтяных месторождениях Севера работают, уже поколения там живут. И, в общем, оказывается, что даже здесь не этнические различия важны, а то, что складываются определённые геокультуры, которые готовы к переездам, к новым освоениям и переосвоениям территорий. В истории России часто такие переосвоения происходят. Что-то заканчивается, останавливается, разрушается, затем новый цикл приходит. И очень часто поселения, воспринимавшиеся как недолговечные, воспроизводятся вновь.

Северная Евразия, которую я изучаю, – это ядро России. В принципе, есть такие специфические геокультурные ритмы, которые характерны именно для этой огромной территории. Но внутри этого региона есть очень разные локальные геокультуры. Для меня геокультура – ключевое слово. И там, где мы говорим о культуре, я всё время говорю о геокультуре, потому что не бывает культуры вообще. Есть американская культура, есть тосканская культура, есть культура московская. Я называю это геокulturой. Внутри огромного мегаполиса, я считаю, присутствует множество геокультур. Та же Москва, которую практически невозможно объять целиком, – это просто уже не город, это какой-то постгород мирового масштаба. Соответственно, там огромное количество геокультур, которые квалифицируются по этническим признакам, но не только.

С. С. Аванесов: Тогда напрашивается вопрос о самом понятии геокультуры и даже о проблеме, связанной с этим понятием. Мы привыкли считать, что этническая (этнокультурная) идентичность так или иначе связана с каким-то географическим ареалом, со своей землёй, землёй предков и так далее. Но получается, что этнос может полностью или частично перемещаться в географическом пространстве и как бы переносить с собой этнические и культурные признаки на совершенно

другую землю, на совершенно другую территорию. Тогда локальная привязка культуры в какой степени является условной? Вот моя земля. Но если я, скажем, переселился из Армении куда-нибудь в Нижневартовск, и нас много таких переселилось, и там возникла устойчивая диаспора со всей своей этнической, культурной идентичностью, то получается, что не очень-то эта культура привязана к месту, к своей земле. Она может путешествовать, перемещаться по поверхности Земли, распространяться, занимать какие-то, условно говоря, до тех пор чужие территории.

Д. Н. Замятин: Это так, да. В одной из своих работ я пытаюсь моделировать для себя взаимодействие ландшафта и геокультуры. Что такое геокультуры? В основном это человеческие сообщества, которые на определённой территории сохраняют свои установки, традиции, мировоззрение, дискурсы и так далее. Но когда геокультура (или её фрагменты) перемещается на новую территорию, она вступает в чужой культурный ландшафт. Она сама меняется, но при этом начинает переосваивать часть чужого ландшафта. И ландшафт в целом поэтому тоже меняется, а поскольку на одной территории могли работать разные этнические диаспоры (допустим, на добыче нефти), то возникает очень фрагментированный ландшафт, с разными локальными особенностями. И формируется фрагментированный ландшафт, не целостный. Но в перспективе он может стать целостным, поскольку разные диаспоры начинают эти свои геокультурные особенности «притирать» друг к другу, возникают разные взаимоотношения и взаимосвязи. Геокультурная ситуация изменяется, изменяется и культурный ландшафт, и всё это обоюдно: и ландшафт влияет на геокультуры, и они тоже начинают как-то подстраиваться под него.

С. С. Аванесов: В связи с этим такой вопрос: как мы должны понимать, что такое ландшафт. Допустим, часть этноса, который проживает в горах, перемещается на абсолютно плоскую равнину и, соответственно, культурный ландшафт как-то меняет под себя – в связи с тем, что переселенцы переносят свой менталитет на это новое место. Но ландшафт в физическом смысле они же не меняют, то есть среди сибирских болот не возникают горы. В каком же смысле мы говорим о геокультурном ландшафте? И является ли это понятие, а в конечном счете и понятия пространства, места и территории, – являются ли они физическими понятиями, или это антропологические, чисто культурные понятия? Являются ли, в том числе, физическими понятиями пространство и время, поскольку любая культура развивается не только в пространстве, но и во времени, это хроническое явление. Это физические параметры, то есть объективные, или это то, что отражает состояние культуры, состояние менталитета? Речь именно о времени и пространстве, куда мы можем включить и ландшафт в том числе.

Д. Н. Замятин: Мне так кажется, что мы должны вообще всегда говорить о единстве пространственно-временных ситуаций. Мы понимаем, что образы времени могут быть статичными – в виде озера или болота, могут быть динамичными – в виде речного потока. Опять-таки, это пространственные образы, как правило. Человек всегда субъективно видит пространство и переживает время (быстро оно летит или, наоборот, застывает). Я немного потерял нить беседы, поскольку Вы слишком много всего задали мне в своём вопросе...

С. С. Аванесов: Перенос ландшафта не означает же, что горы перемещаются в сибирские болота?

Д. Н. Замятин: Да, да, да. Я Вас понял. С моей точки зрения, очень важно, что ментальность всегда связана с материальностью. Это некое единство. Да, у нас, к

сожалению, вот здесь материальное наследие, здесь нематериальное наследие. В этом смысле я человек междисциплинарный, и мне немножко претит разделение на физическое место и социальное место, физическое пространство и социальное пространство. Для меня это некоторый нонсенс, поскольку в этом плане я – холист. Я считаю, что наши, Ваши, мои образы пространства, образы места едины в своей ментальности и материальности со всеми социальными, культурными, личностными и прочими соотношениями. И в этом плане, если какая-то, допустим, семья, род или личность перемещается с гор на равнину... Ну, во-первых, истории известны такие перемещения: на Северном Кавказе горцы постепенно спускались на равнину и осваивали территорию. В советское время, понятно, были эти перебросы людей туда-сюда. Да, на новом месте они пытаются воспроизводить прежние, традиционные уклады, но они разрушаются, как правило. Или встраиваются в совсем уже современные установки.

Модерн – это разрушение локальных представлений и установок. У нас это началось чуть ли не в глобальных масштабах в советский период. И на конец советского периода это были только фрагменты традиционных культур, их обломки. Локальные этнические культуры сохраняются и воспроизводятся только в тех регионах, где, собственно, они и зародились. Это, допустим, Кавказ. В советское время это Средняя Азия, естественно. Все остальные ситуации связаны просто с культурной мозаикой, сложившейся в результате перемещений трудовых ресурсов, часто насильственных.

Эти ситуации связаны также со сменой поколений: примерно два-три поколения люди ещё сохраняют некие память рода, память семьи, память о том, из каких мест они пришли (может быть, из какой местности, из какого локального сообщества, из какой деревни и так далее). Например, я встречался в Костроме с одной дамой. Она там директор частного музея. Её предки с Украины. Украинская деревня, откуда её предки (целое сообщество) переселилась в ходе сталинских реформ за Урал, куда-то в Омскую область, кажется. И вот она до сих пор сохраняет свои связи с этим, уже омским, сообществом. Они вместе отмечали столетие переселения. Представьте, это уже в постсоветское время. И они до сих пор сохраняют связи. Казалось бы, это традиционные связи, да? Но происходит это в ситуации постмодерна. При том, что это не горцы, они переселялись в горизонтальной плоскости.

Для меня это было удивительно. Я обращал внимание на то, что жители Москвы, с которыми я близко знаком (а моя локальная идентичность – вне Москвы, я не москвич), часто жаловались на то, что внутри Москвы невозможно обладать собственной идентичностью. Да, они родились в Москве, в том или ином районе, переселялись, может быть, из района в район. Но они не осознают в Москву своей родиной. То есть это люди без родины. В ситуации гигантского мегаполиса невозможно иметь свою родину. Это ситуация уже позднего модерна, распадающегося, с моей точки зрения.

Но при этом я ощущаю это состояние холистически, как целостность всех характеристик. Именно поэтому я не считаю себя, по большому счёту, ни географом, ни культурологом. Обычно получается, что я всегда либо свой среди чужих, либо чужой среди своих. Для географов я чужой, хотя у меня с ними хорошие отношения, честно говоря. То же самое – среди культурологов, но при этом у меня с некоторыми из них отличные отношения.

С. С. Аванесов: Понятно. То есть, если мы понимаем пространство холистически, как некое единство, имеющее разные аспекты, то для нас, скажем, понятие чисто физического пространства, как бы пространства вне-человеческого, – это некая абстракция, да? Это абстрагирование одного аспекта целого.

Д. Н. Замятин: Да.

С. С. Аванесов: Целого как настоящего, подлинного холистического единства того, что мы называем пространством. Совершенно верно. Вот вы говорили об ощущении человека, ощущении своего места в большом городе. Как вы думаете, почему зачастую горожанин, у которого вполне определённая регистрация, в определённом городе, фактически, феноменологически в этом городе не живёт. То есть он обитает по какому-то адресу. Сегодня по одному, может быть, завтра – по другому. Передвигается по определённому маршруту между домом и работой и обратно. Может быть, куда-то выезжает на выходные. Почему бывает так, что человек не ощущает себя живущим в этом городе целиком? Он как бы затерян где-то. Может быть, даже и неважно ему ощущать этот город целиком. Вот у него есть некие маршруты с адресами, этого достаточно. Это нормально? Этого часто же хватает для жизни, да? Или можно сказать, что это ситуация как бы ущербная, что человек лишь тогда живёт в городе, когда он воспринимает, ощущает его целиком? Ощущает своё присутствие в целом городе. Исторически, может быть, с ним связан. Как-то деятельно, может быть. Ещё как-то. Или это неважно?

Д. Н. Замятин: Нет, это важно. Почему? Я считаю, что, в любом смысле, это ущемлённая ситуация. По крайней мере, она сильно отличается от ситуации столетней давности. И действительно, значительное количество этих людей в нашем сообществе, они ущемлены. Особенно это в мегаполисах происходит. По маршрутам там полтора часа туда – полтора часа обратно. На работу, домой.

С. С. Аванесов: То есть жить в Москве и не быть москвичом – это распространённое явление?

Д. Н. Замятин: Да. А иначе невозможно. В Москве только станций метро 200–300. Ты понимаешь, что за всю жизнь по ним не походишь никогда, даже если сильно захочешь этим заняться. И в этом смысле, конечно, люди теряют локальную идентичность. Её в этих условиях не существует. Она, скорее, такая, я бы сказал, пан-локальная идентичность. Люди как бы вырезают из общего пространства некие сегменты: метро, машины и так далее. Это связано, конечно, и с возрастными категориями: молодые люди, делающие карьеру, готовы попадать в такую ситуацию, чтобы завоевать определённые социальные позиции и характеристики. Это важно для них. Но как только человек завоевывает эти позиции (квартиры, машины, ещё что-то в этом роде), то возникает ситуация, когда уже требуется второй дом, загород и так далее. Это некий цикл человеческой жизни. Но сейчас и эта ситуация уходит, как уходит постмодерн, заменяясь метамодерном (если можно так сказать). И эта ситуация как раз и связана с потерей локальной идентичности.

Допустим, лично я ощущаю тоску по классической городской обстановке, именно попадая в города среднего размера. Я некоторое время жил в Ярославле, работал там лет пять. Это город нормального формата. То есть это 600 тысяч населения максимум. Такие города ты ощущаешь целиком, ты, в принципе, везде охватываешь его своим взглядом, условно говоря. Ты можешь, в принципе, везде доехать или даже дойти до любого места в нём. Пешеходная доступность тоже очень важна. Поэтому, с моей точки зрения, такие города, сохраняя свои преимущества,

обладают определёнными важными культурными характеристиками. Это в нашей российской ситуации города с населением от примерно 150–200 тысяч до 600–800. Миллион – это граница. За миллионом уже всё заканчивается, нормальная жизнь заканчивается. Поэтому, живя Москве, я ощущаю себя нигде. То есть я знаю, что мне надо приехать туда-то или там поучаствовать в том-то там-то. Но, в принципе, это просто конкретные точки, конкретные маршруты.

Вторая ситуация – потребление центра в большом городе. Она связана с разным освещением, с сенсорикой. Ты можешь поехать в книжный магазин и заодно пройтись по улицам. И ты просто, так сказать, впитываешь пространство. В больших мегаполисах это необходимо для сенсорной поддержки. То есть необходимо просто куда-то поехать якобы зачем-то (за покупками, там, еще зачем-то, там с кем-то встретиться), но на самом деле ты просто впитываешь пространство. Это важно. И если бы в мегаполисе этого не было, тогда непонятно, для чего там жить, в принципе. Ну, да, там есть выставки, театры, ещё что-то. Ну, есть среды, да, есть профессиональные среды, человеческие, которые действительно очень важны. Но они, в принципе, не для мегаполиса. Они усложняют себе существование тем, что вам трудно доехать за два часа до нужного человека, который живёт в том же городе; вам очень сложно встретиться, и вы можете не встречаться год-полтора, живя в одном городе. Такое невозможно представить в городе поменьше, где люди сохраняют свои человеческие контакты.

С. С. Аванесов: Если вернуться к самоощущению человека в пространстве, то как Вы думаете, для человека, воспринимающего окружающую среду, важно ли не только то, какова эта среда и каково это место, но и где оно находится? То есть важна ли геолокация для самочувствия человека, или этим можно пренебречь? Если достаточно того, что я воспринимаю окружающую среду как комфортную, то мне не важно, это Таиланд, или Сербия, или Россия, или Германия, какая разница? Или это важно, чтобы вписаться в какой-то более крупный контекст? Или туда вписываться не нужно, достаточно ближайшего комфорта, достаточно оценки ближайшего окружения? Или этого мало, и поэтому нужна геолокация?

Д. Н. Замятин: Я думаю, что это зависит от установки человека. С другой стороны, у всех есть смартфоны, там геолокация, вы сразу установите, где вы находитесь, так что это не проблема для любого человека, который даже не особо этим интересуется.

С. С. Аванесов: Понятно, что это можно сделать. Но нужно это или не нужно?

Д. Н. Замятин: Опять-таки, это связано с конкретной личностью: когда какой-то человек едет, к примеру, в Таиланд на отдых, он знает конкретный курорт, который ему посоветовали. Что такое Таиланд, он может не знать вообще, для него это в принципе может быть неважно. Или, допустим, представьте, что меня приглашают в какой-нибудь, условно, университет Порт-Морсби, Папуа-Новая Гвинея. Я, конечно, представляю Миклухо-Маклая, но я вообще не представляю, что там происходит сейчас.

С. С. Аванесов: Людоеды.

Д. Н. Замятин: Да, да, и поэтому для меня это условно нигде. Там есть мой профессиональный интерес, и просто побывать там интересно. Но в принципе это нигде. А с другой стороны, если Вы или я едем в Венецию, то мы её чётко себе представляем и имеем образ этого города, даже если мы там никогда не бывали. Всё дело в нашем культурном горизонте, не более того. Есть люди, которым всё равно,

где просто отдохнуть, и если это Турция, то пусть будет Турция, а что там Турция, зачем Турция – это неважно.

С. С. Аванесов: Спасибо. И вот ещё такой вопрос в развитие темы идентичности: как Вы считаете, есть ли основания различать городскую идентичность и идентичность города? По-разному ли они определяются, кем они определяются, каким образом они определяются. Имею в виду, во-первых, то, к какому сообществу сам себя относит горожанин, включаясь в некоторое хроническое множество людей, живущих здесь, и, во-вторых, само это «здесь». Как определяется идентичность самого города во времени? Например, почему мы сейчас находимся в Великом Новгороде – в том же самом городе, в котором, скажем, в XI веке был построен собор Святой Софии. Почему это тот же самый город? Есть ли разница между идентичностью горожан (отнесением их к определённом сообществу) и идентичностью города (его равенства самому себе во времени)?

Д. Н. Замятин: Я думаю, это разные вещи. Городские идентичности связаны с конкретными локальными сообществами – профессиональными, районными и так далее. В Великом Новгороде чуть больше 200 тысяч жителей; я думаю, что тут можно обнаружить 2–3 отдельные городские идентичности. Но не более. Это связано и с профессиональной установкой, и с локальной внутри города.

Но идентичность города, вы правильно заметили, это нечто более протяжённое, более дистанцированное, более абстрактное, растягивающееся часто на представление о его истории. Обе идентичности накладываются друг на друга, но не равны друг другу. То есть это две окружности, они пересекающиеся, но всегда несовпадающие. И те или иные городские сообщества могут сильно дистанцироваться от идентичности города, а другие, наоборот, стремятся совместить свою идентичность с идентичностью города, сделать их тождественными. В разные эпохи это может быть по-разному. Допустим, в советскую эпоху продвигался образ Новгорода как вольной (или условно-вольной) республики, хотя он по большому счёту никакой республикой не был. А вот какие-то там князья – они нехорошие, классово чуждые, они не продвигаются. При этом неважно, как было дело. Важна продвигаемая идея, обосновывающая определённую идентичность города.

С моей точки зрения, в каждую историческую эпоху возникают различия между локальной городской идентичностью и идентичностью города. Они могут либо сильно расходиться, либо, наоборот, сближаться, почти совпадать, однако не могут быть полностью тождественным друг другу. И эти движения определяются, конечно, разными направлениями как внутренней, так и внешней политики.

С. С. Аванесов: Поэтому очень важно, наверное, уметь связывать идентичность города с его образом, который формируется, может быть, довольно длительное время, но который присутствует в сознании тех людей, которые относят себя к городскому сообществу, связанному именно с этим городом. Сам город, может быть, горожанину эмпирически не дан, особенно если город большой, он всегда дан ему как-то фрагментарно. А вот на уровне образа можно понимать, что это за город, все его фрагменты складываются в какую-то целостность прямо сейчас. А на более высоком уровне в каждую эпоху каждый образ города представляет собой какие-то изводы, варианты этого общего как бы супер-образа, который еще и в будущее продлён.

В этой связи, когда говорят о такой идентичности – и городской идентичности, и идентичности города, – очень часто в последнее время все, кому не лень, и даже

те, кому лень, используют термин «культурный код» для того, чтобы что-то объяснить в этой сфере. Термин этот используется совершенно различным образом, очень часто его границы плавают, и зачастую он фигурирует в виде метафоры в том или ином дискурсе. Как вы относитесь к этому термину? Он вообще уместен, неуместен, требует ли своего прояснения, для чего он нужен? То есть является ли он каким-то таким продуктивным термином для понимания того, что связано с городской идентичностью и идентичностью города; либо это какой-то совершенно лишний термин, и можно всё объяснить теми словами и понятиями, которые уже давно известны?

Д. Н. Замятин: Я, может быть, вас огорчу, я не люблю терминологию, связанную с темой кода. Потому что на протяжении своей научно-личной истории я неоднократно сталкивался с понятием кода: «геополитического», «культурного», «городского»; сейчас термин «дизайн-код» используется в проектировании городов. Я к этому отношусь плохо, потому что код – это очень жёсткая семиотическая ситуация, связанная с совершенно чётким соотношением по каким-то правилам и алгоритмам, где одна какая-то группа соотносится с другой.

С. С. Аванесов: Судя по всему, это позиция Бахтина, согласно которому код имеет жёсткую семиотическую функцию.

Д. Н. Замятин: Да, но я-то скорее схожусь на позиции нечётких множеств, и это как-то накладывается у меня на понятие геокультуры. Это значит, что для определённых городов (если мы говорим о городах) всегда есть некие геокультурные ограничения, связанные с тем, что у них есть определённая история, определённая территория, ландшафт. Да, опять-таки, исторически развивающийся, предполагающий знаковую архитектуру и так далее, и так далее. И в этом смысле кодовые ограничения плодотворны, но надо понимать, что они могут изменяться и по-разному трансформироваться. Их можно «пробивать», их можно «съесть» аккуратно, «перерабатывать» и двигаться дальше. Возможны разные стратегии по отношению к этим геокультурным особенностям и основаниям. С моей точки зрения, всегда важна геокультурная уникальность. Брендирование либо стратегии развития важны, и они, в принципе, изучаются достаточно, подробно, хорошо и понятно. Всегда есть история, есть краеведение, есть знаковые фигуры для определённого места и так далее. Здесь всё понятно. А код? Ну да, все знают, что такое код... Но я лично, извините, не очень хорошо к этому отношусь, мне это, честно, в общем-то не очень нравится.

С. С. Аванесов: А вот эта тема брендирования территорий связана с таким вопросом: в норме, казалось бы, брендирование – это просто публичная акцентуация каких-то локальных культурных, ландшафтных, исторических особенностей, выведение гениев места на первый план. Но это в норме. А не может ли подчас сама процедура брендирования быть использована, скажем, для производства искусственной, выдуманной, фантастической, ложной идентичности? Особенно в тех случаях, когда современные горожане считают, что им нечего показать миру в плане собственной уникальности, и тогда можно её изобрести, для Мышкина изобрести мышку. И тогда не получается ли, что сам этот инструмент брендирования – это способ навязывания городу или региону какой-то выдуманной, искусственно сконструированной, не естественным образом выросшей, а такой вот придуманной, по сути чужой идентичности? Это хорошо или плохо?

Д. Н. Замятин: Ну, бывают разные ситуации; я к этому отношусь достаточно мягко, условно говоря, как специалист. Случай Мышкина, мне кажется, – нормальный случай; да, используется этимология топонима, ну, и ради Бога, это была удачная находка, молодцы, что сделали, хотя связь города с мышами не очень понятна.

Был случай, где-то, по-моему, в Мурманской области: в небольшом городке на границе, который не обладал особым основанием для брендинга, просто изобрели фестиваль воздушных шаров, и он несколько лет там проводился успешно. Никакого отношения шары, естественно, не имели к истории города, но как-то был создан такой миф. Я предполагаю возможные ситуации, когда в условиях бедной истории создаются мифы; если они оказываются удачными, они приживаются и работают.

С. С. Аванесов: И тогда они становятся частью истории этого города?

Д. Н. Замятин: Да, становятся частью истории.

С. С. Аванесов: И поэтому они не искусственные.

Д. Н. Замятин: Да, поэтому они органично (если оказывается, что сообщество их принимает) вживляются в местную историю и становятся элементом геокультуры. Ведь геокультура же не статична. Она трансформируется, развивается, и бывают разные направления развития. Но случаи, которые преобладают у нас, – это когда в город приезжают какие-то внешние команды, которые по заказу, собственно, за деньги, делают какой-то бренд, который благополучно внедряется. То есть это какие-то дизайн-коды, там должны ездить автобусы с логотипами, там должен быть транспарант, ну, и на этом всё заканчивается. В этом смысле брендинг, конечно, должно чётко уживаться с геокультурой города, места, иметь основания для развития не только с точки зрения властных структур, но и сообщества, которое в этом заинтересовано; должно быть взаимодействие власти, бизнес-сообществ, локальных сообществ и так далее. Тогда, в принципе, это работает, но в наших условиях пока таких ситуаций не очень много, если не сказать, что мало.

С. С. Аванесов: А как вы думаете, вот в этом процессе самосознания, выработки идентичности, какой-то символики, связанной с идентичностью, брендингом городов и, в принципе, в организации городского пространства, – какую роль во всём этом играют или должны играть университеты, особенно в городах некрупных? Как вы думаете, роль университета в чём должна состоять?

Д. Н. Замятин: Тут у меня две точки зрения; даже не точки, а две позиции. Университеты во всём мире испытывают очень глубокий кризис, очень сильный кризис в связи с тем, что это институции, возникшие в самом преддверии модерна. Ну, конечно, в европейском смысле (не берём случай Византии). Если мы имеем в виду западные университеты, то они возникают и начинают активно развиваться в развитом Средневековье, так сказать, в преддверии модерна. Второй момент: университеты были связаны с монастырями. То есть христианская Церковь, собственно, и создала науку в её западном понимании. Это у К. Свасьяна очень хорошо описано. Это были достаточно изолированные места, где сохранялась учёность, письменность. Возникает круг учеников вокруг каких-то выдающихся учёных монахов, и потом постепенно он развивается в ассоциацию учёных. Потом они, пока для них есть папа, становятся богословскими центрами и так далее. Кризис университетов начинается уже где-то к концу XX века, когда они резко расширяются. То есть они перестают быть институциями ограниченными, свободными и основанными на, грубо говоря, некоем добровольном изучении каких-то вещей, которые

важны для сохранения и передачи культуры. И это очень важный момент для понимания того, что делать университетам. С моей точки зрения, они в глубоком кризисе. И на Западе это знают очень давно. С конца XX века вышло огромное количество работ о кризисе университетов, о том, что с ними происходит. Ведь людей, учащих в университете и выходящих из него, очень сложно назвать учёными в точном смысле. В большинстве случаев на Западе это признают. Да, есть ещё какое-то элитарное образование, но это другой вопрос.

С моей точки зрения, университеты, как они существуют сейчас, конечно, будут трансформироваться. И возможно, один из путей трансформации будет связан с культурной миссией университета. Культурная миссия реальна, когда университет чётко осознаёт то место, в котором он находится. И особенный случай России, кроме того, состоит в том, что университеты создавались государством, это некое насаждение сверху, тогда как на Западе был другой путь: они создавались путём ассоциативным. Да, потом, естественно, там действовали церковные власти, потом государственные, но они приходили уже на место, на которое изначально пришли заинтересованные люди. Это были частные учителя, которые объединялись в ассоциации; потом уже возникало всё прочее.

Российская ситуация, как мы знаем, несколько иная. Но что здесь важно? Что я считаю идеальным и чему я просто очень рад, – это то, что я попал сюда¹, потому что изначально учёность – это монастыри. Вот вы и находитесь внутри монастыря, да, пусть полуразрушенного, так сказать, чуть-чуть приостановившегося... Но я долго разбирался с этим местом. Там походил по всем дорожкам, вышел по тропинкам к берегу Волхова. Походил, и мне здесь хорошо. Почему хорошо? Потому что у меня есть ощущение, что здесь есть некий дух места, связанный с монастырём, с предыдущей деятельностью, который, несмотря ни на что, всё равно здесь как-то присутствует. Можно было бы чуть лучше освоить эту местность, сделать ландшафтный дизайн, но это не обязательно, и так хорошо. Я вижу, как люди ходят по дорожкам «по-философски», по одному, по двое, и для них это важно. В Москве такое просто невозможно, а тут люди могут спокойно, так сказать, дистанцироваться от всех напряжённых ситуаций. И, с моей точки зрения, одна из миссий университета (может быть, основная) – это геокультурное возвращение в том месте, в котором он находится.

Но университет при этом должен и сам трансформироваться. То есть, с моей точки зрения, он не может быть массовым, как у нас водится; он должен быть локальным с точки зрения понимания геокультуры территории и ассоциирования себя с этим местом – путём, в том числе, создания соответствующих программ. Требуется понимание духа места для конкретных программ, которые важны не только, может быть, для этого места, но и для других городов, территорий и так далее. То есть это создание локальных научных и образовательных программ, которые интересны не только этому месту, этой территории, но, возможно, и другим территориям, где, как вы предполагаете, есть типологический интерес подобного рода. Вот, в частности, как в вашем случае: изучение исторического города, я считаю, очень важно. Наверное, это не случайно произошло в Великом Новгороде (со временем, может быть, это и будет осознано), потому что здесь глубокая городская основа с

¹ Интервью записано в научно-образовательном центре «Гуманитарная урбанистика», находящемся в здании бывшей Новгородской духовной семинарии на территории бывшего Антониева монастыря.

тысячелетней историей. И она именно гуманитарная. Не случайно Вы создали Центр и открыли эту программу не в Томске, а именно в Великом Новгороде. И в данном смысле это правильный ход. Бывают города-музеи (Суздаль), города-университеты есть в Европе, а тут надо просто подумать о неких иных названиях, неких других геокультурных параметрах, с моей точки зрения. Но в любом случае это не массовый способ организации науки и образования, не площадной, как у нас водится, а вот именно такой, локальный.

С. С. Аванесов: То есть надо увлекаться не количеством, да?

Д. Н. Замятин: Да, да, да.

С. С. Аванесов: Не экспансией.

Д. Н. Замятин: Да, это самое худшее, что может произойти. Вот как в Высшей школе экономики: мы начинали с достаточно элитарной программы по урбанистике – «Управление городским развитием», обучали всего 20 человек. Сейчас произошло расширение, но это бессмысленно, потому что в результате падает общий уровень подготовки.

С. С. Аванесов: Не потому ли это происходит, что утеряно понятие о миссии университета? Да, мы видим, что любой университет обязательно излагает собственную миссию на своём сайте, но при этом она звучит как цель. То есть миссия университета, как будто, – это увеличивать количество образованных граждан. Но это скорее цель, которой мы стремимся достичь, и эта цель может быть выражена количественно. Мы обучили больше, ещё больше, ещё больше, у нас 100 программ, а через 5 лет у нас уже 200 программ и так далее. Это скорее работа по целям. А миссия – нечто более глубокое, более фундаментальное, чем цель; она связана с ценностью, в том числе и с ценностью вот этой локальной культуры, умением её сохранять, передавать, транслировать, актуализировать, встраивать в современность и делиться с другими. Разве такая миссия измеряется количеством программ или выпускников? Скорее, миссия университета – это непрерывное окультуривание того пространства, в котором мы оказались.

Д. Н. Замятин: Вот и понятно, почему я возвращаюсь к этому месту, к Антонову, да? Понятно, что тут есть и вот эти советские здания, они как бы никакие, но дух ландшафта всё же есть. Что бы происходило вот с этим местом, будь оно расположено, скажем, в Италии? Тут поработал бы выдающийся архитектор, который обеспечил бы сращивание архитектурных остатков монастыря с университетскими зданиями. И на этой территории был бы выдающийся университет, тут были бы прекрасные небольшие корпуса, не выше этих двухэтажных, монастырских. Это, кстати, хорошее семинарское здание. В Ярославле у нас пединститут тоже в такой же примерно семинарии: классное здание с высокими потолками. Тут был бы отдельный великолепный знаковый корпус, в котором работали бы приглашенные учёные, проходили бы конференции высокого уровня. Вот таким должен быть университет.

С. С. Аванесов: Дмитрий Николаевич, большое спасибо за интервью. Спасибо за ваши мысли, всё это очень интересно, актуально и важно. Я надеюсь, что наша совместная работа поможет и нашим университетам в дальнейшем развиваться по более продуктивному пути, ориентируясь на фундаментальную культурную миссию. Спасибо большое.

Д. Н. Замятин: Спасибо Вам, очень рад был пообщаться.

Информация об авторах

Дмитрий Николаевич Замятин
 доктор культурологии
 главный научный сотрудник
 Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»
 Российская Федерация, 101000, Москва,
 ул. Мясницкая, 13
 ORCID: 0000-0003-4105-8519
 Web of Science ResearcherID: Q-1585-2016
 Scopus AuthorID: 6506976869
 e-mail: dzamyatin@hse.ru

Сергей Сергеевич Аванесов
 доктор философских наук, профессор
 директор научно-образовательного центра
 «Гуманитарная урбанистика»
 Новгородский государственный университет
 имени Ярослава Мудрого
 Российская Федерация, 173003, Великий Новгород,
 ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
 ORCID: 0000-0002-1081-4871
 Web of Science ResearcherID: V-5869-2018
 Scopus AuthorID: 55270461000
 e-mail: iskiteam@yandex.ru

Information about the authors

Dmitry N. Zamyatin
 Dr. Sci. (Cultural Studies)
 Chief Research Fellow
 National Research University
 “Higher School of Economics”
 13, Myasnitskaya St., Moscow, 101000,
 Russian Federation
 ORCID: 0000-0003-4105-8519
 Web of Science ResearcherID: Q-1585-2016
 Scopus AuthorID: 6506976869
 e-mail: dzamyatin@hse.ru

Sergey S. Avanesov
 Dr. Sci. (Philosophy), Professor
 Director of the Research and Educational Centre
 for Humanitarian Urbanistics
 Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
 Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-1081-4871
 Web of Science ResearcherID: V-5869-2018
 Scopus AuthorID: 55270461000
 e-mail: iskiteam@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 03.10.2024
 Принят к публикации / Accepted 05.11.2024

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА |
URBAN CULTURAL SPACE[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-217-226](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-217-226)Ashoughs and poets
in the 17th-19th Eastern Armenian and Iranian café housesTatevik Saroyan Yerevan State University History Museum, Yerevan, Armenia
Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia
tatevik.saroyan@ysu.am

KEYWORDS

Armenia
Iran
café
ashough
poet
art
literature
music
poetry

ABSTRACT

The study endeavors to examine the dynamics of movement, posture, and social interactions within cafés operating in the two neighboring countries during the 17th to 19th centuries. These establishments, which began their global spread in the 17th century, served as quintessential gathering places for men in Eastern societies, where various discussions took place amidst the accompaniment of ashough music and poetic recitations. They were venues where the intellectual and creative figures of the era – writers, musicians, and artists – regarded cafés as the ideal platform for self-expression, thus becoming the centres of contemporary performances, festivities, and multicultural exchanges. Due to the deepening cultural relations, artists from neighboring regions, such as Iran and Armenia, frequently performed in cafés across both countries, thereby fostering a reciprocal exchange of artistic expression. This is why many Armenian public figures of the time – musicians and writers enjoyed recognition in Iran and possessed knowledge of the Persian language. Similarly, a comparable environment was established in cafés operating within Armenia, where prominent Persian artists showcased their talents. Nevertheless, with changing times and the evolving nature of artistic expression, cafés gradually lost their prestige as primary centres of entertainment and transformed into more inclusive spaces frequented by the general public. Today, they continue to serve as venues for live music, book presentations, and lectures, retaining a legacy of cultural significance.

For citation:

Saroyan, T. E. (2024). Ashoughs and poets in the 17th-19th Eastern Armenian and Iranian café houses. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 217-226. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-217-226](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-217-226)

Introduction

Coffee was first introduced from Ethiopia to Yemen in the 15th and 16th centuries, and subsequently, it spread to Cairo, Mecca, Medina, Constantinople, and Isfahan (Weinberg, Bealer, 2002, pp. 3–4). The beverage was originally served in gahvekhanas, or cafés, which provided ideal settings for men to gather and enjoy themselves. These venues became hubs for social interaction, intellectual discourse, and artistic expression, offering patrons the opportunity to engage in conversations, play games, discuss politics, and appreciate poetry and music, all while indulging in coffee. Through the proliferation of this cultural phenomenon, the East served as a model for other nations, particularly Western and Eastern Armenia. It is worth noting that cafés often emerged in proximity to significant landmarks such as churches, mosques, and marketplaces, ensuring a steady stream of customers. Writers and painters were particularly fond of coffee, and artists sought out cafés as venues to showcase their work, engage in friendly competition, and garner recognition. Consequently, cafés evolved into custodians and disseminators of cultural heritage across generations. In this article, we aim to explore the cultural and artistic evolution of cafés in Persia and Eastern Armenia during the 17th–19th centuries, with a focus on the performances by troupes and poets.

17th–18th centuries Iranian cafés

Iranian cafés, known as gahve khaneh (Persian: café), emerged as social hubs during the 16th century. After the enthronement of Abbas the Great the first gahve khaneh was established in the city of Ghazvin during the Safavid era, and their significance grew exponentially, leading to their proliferation in major cities like Tehran, Tabriz, Isfahan, and Rasht. During this period, gahve khanehs became renowned as gathering places for intellectuals, including writers, painters, poets, and members of the upper social echelons. It's worth highlighting that royal dignitaries were accorded special respect when they visited gahve khanehs. Historical records suggest that Shah Abbas the Great occasionally made discreet, unannounced visits to various gahve khanehs, underscoring the importance of these establishments in Safavid society.

Gahve khanehs of the 17th–19th centuries also functioned as hubs for folk art. For instance, there were dramatic performances, Naqalli presentations (Iranian Dramatic Storytelling), Shahnameh Khan painting exhibitions (gahve khane painting. Some of these artworks are on display in the Reza Abbasi Museum in Tehran) and also demonstrating a cohesive cultural milieu, as the general public engaged with these entertaining performances (fig. 1). They gained a deeper appreciation for the rich, magnificent Persian art and literature, which vividly depicted Safavid Persia's daily life, human relations, and societal norms. In gahve khane, even nomadic actors who lacked formal performance venues endeavored to showcase their talents. It is noteworthy that the majority of café owners were amateur poets and musicians.

The esteemed French traveler Jean Chardin embarked on a noteworthy expedition, commencing with his visit to Constantinople and the Black Sea in 1666. His sojourn extended to Iran twice in 1666 and 1667. In 1670 he came back to Paris. Continuing his exploratory pursuits, he ventured forth to Georgia, Armenia, and Isfahan in 1672 and 1673. It was from the insights gleaned during these extensive travels that Chardin crafted his magnum opus, "The Travels of Sir John Chardin," a monumental ten-volume work esteemed as one of the preeminent early studies of Safavid Iran and the broader Middle

Eastern milieu. Within its pages, Chardin meticulously chronicles the epoch, furnishing readers with significant details concerning the prevailing zeitgeist and the indigenous populace's way of life.

Fig. 1. Ghahve Khaneh.

Source: <https://www.tasteiran.net/stories/10065/iranian-coffee-house-ghahve-khaneh>

Of particular note in Chardin's narrative are his vivid descriptions of Persian café houses, which he extols as the epitome of elegance within the urban landscape. These establishments, according to Chardin, served as veritable havens of amusement for the local denizens. They provided a forum for unrestrained discourse and intellectual exchange, wherein even the most contentious political matters could be openly debated and scrutinized without fear of reprisal.

As an astute observer, Chardin also casts his discerning eye upon the prevalent culture of coffee and tea consumption during the era, remarking that "...they were spacious rooms located in the best parts of the cities. They offered spacious interiors replete with amenities such as water basins. Furthermore, Chardin paints a picture of grandeur, describing how these magnificent venues featured galleries where patrons could partake in the consumption of coffee while being serenaded by the recitations of esteemed figures such as mullahs, dervishes, and poets, who regaled audiences with works of verse and prose" (Chardin, 2012, p. 316).

Following Chardin, other travelers also confirm that troupes reading poetry and telling stories could be seen in the Coffee Houses. This established a connection between the dissemination of oral literature and café houses, which were often designed as an amphitheater to accommodate visitors. It should be noted that Coffee Houses were situated adjacent to mosques, where religious leaders also frequented and imparted moral tales to the audience (Mokhber, 2019, p. 101).

However, over time, these establishments evolved into political agitation centers within the Ottoman Empire and Persia. Shah Abbas I began to curtail their activities due to concerns about the disorderly unreliability atmosphere in cafés and eventually prohibited them by the end of the 1650s. Conversely, Persian café houses provided the French

with an opportunity to interpret and adapt the concept by their customs and practices, serving as open spaces for free thought (Mokhber, 2019, p. 101).

In the 17th century, Voltaire, a frequent patron of French cafés, expressed admiration for Persia:

“Persia was more civilized than Turkey at the time. People’s manners were gentler, and art was held in higher regard... Sciences also received greater encouragement. There was scarcely a city without several colleges dedicated to the teaching of polite literature. Overall, the information available to us about Persia suggests that there has seldom been a monarchy on earth where the people enjoyed their human rights to such an extent. No people in the Eastern regions of the world had as many resources to confront life’s tragedies and mental weaknesses. They gathered in spacious cafés, where waiters served this beverage, which had not been available in Europe until the late 17th century” (Mokhber, 2019, pp. 143–144).

In addition, Persian Armenians played a significant role in shaping coffeehouse culture and facilitating the dissemination of coffee throughout Europe, notably in France. For instance, Voltaire frequented the coffeehouse established by Gregory from Isfahan on Mazarin Street (The Home Friend, p. 51).

The Armenian merchants of New Julfa ascended to prominence as monopolists in the export of Persian silk and other Eastern commodities, including coffee, which swiftly ascended to preeminence in the market, particularly at the port of Marseilles (Aslanian, 2011, pp. 75–76), where they conducted deliveries. Concurrently, European customs and attire were introduced to Persia by Armenian traders from Europe, who also popularized pastimes such as the shell game played at café tables (Chardin, 2012, p. 273).

Fig. 2. Shahname. Musicians painted in Shahname, 1830.
Source: Mashtots Matenadaran № 535, p. 154b

Historian Ralph Huttox provides intriguing insights into Persian cafés. These establishments emerged as favored venues for recitations from the Shahnameh, attracting performers from diverse backgrounds (fig. 2). Some impoverished scholars or students were engaged in recitations part-time to supplement their income. There were prevalent also professional reciters. Occasionally, individuals staged such performances not out of necessity but for personal amusement. Puppet shows of various kinds were also a feature, particularly during Ramadan, though they had no popularity (Hattox, 2015, p. 42).

Despite being prohibited for nearly 150 years (Mokhber, 2019, p. 101), cafés were eventually permitted to reopen towards the close of the 18th century under the Qajar family's rule, driven by widespread demand. They continued to serve as forums for discussions ranging from politics to literature, frequented by writers, poets, and royalty alike¹.

19th-century Iranian café Houses

From the Safavid period to the establishment of the Qajar dynasty, cafes that had been declining due to efforts to prevent chaos and maintain social control resumed their activities.

In the article “Coffee House: A Historical Attraction in the Landscape of Urban Tourism in Iran” (Basouli et al., 2022, p. 24) it is mentioned that: “Qajar era, as in the Safavid era, there were numerous coffee house poets, unfortunately, there is no information available about them today. One of the poets who has dealt with his life and his travels to the coffee house is Shater Abbas Sobouhi “Shater Abbas was one of the poets who went to Khan Marvi coffee house with his friends during the Qajar era and recited his poems there. Other coffee-house artists are known as Yeksavar, Miralahi, Moghimi Zarkash, Mulana Haidar, the storyteller, Muzaffar Hussein, and others. At that time the prevalence of Shahnameh reading, narration, lyric reading, and eloquence increased the literary function of coffee houses” (Basouli, Derakhsh, Masadi, 2022, p. 24).

During the Qajar era, the number of coffeehouses in Iranian cities, particularly in Tehran, increased significantly, especially in the mid-19th century. Unlike the coffeehouses of the Safavid period, which primarily were for the wealthy, Qajar coffeehouses opened their doors to a wider segment of society. These establishments became vital hubs of public life, offering entertainment and a place for social interaction. Coffeehouses during the Qajar era were integral to their respective communities, and often associated with specific professions. Many guilds had their own dedicated coffeehouses, which functioned as informal “work exchange” venues. Traders from these communities were familiar with where to find the skilled workers they required, and similarly, professionals knew they could discover qualified specialists in these cafes (Rezvani, 2023, p. 45-46).

These coffeehouses also served as gathering places for guild representatives, where access was typically restricted to members of the community. Visitors enjoyed games and were entertained by poets and storytellers (Rezvani, 2023, p. 45-46).

19th century Eastern Armenian musicians (ashoughs) in cafés

Regarding the consumption of coffee in Eastern Armenia, references can be found in a number of historical sources.

¹ Mobarhani M., Ghahve Khaneh. The Culture of Coffee House, 14.01.2020.

<https://www.tasteiran.net/stories/10065/iranian-coffee-house-ghahve-khaneh> (uploaded day: 22.01.2024)

However, we should note that information from the 17th and 18th centuries is limited, with most of the significant material originating from the 19th century.

Notably, one of the earliest accounts is provided by Jean Chardin, who recounts in his travel notes that, while traversing through Armenia, he contracted dysentery and was treated with coffee by the local monks (Chardin, 2012, p. 20).

Additionally, historian Yervand Shahaziz references two cafés in his study of “Old Yerevan,” (Shahaziz, 1930, p. 120) in addition to structures within the Yerevan Fortress predating the Russian-Persian war. These details shed light on how Persian khans facilitated the introduction of coffee to Armenia during the Persian era, although its dissemination among the public was limited.

Nevertheless, Alexandropol (Gyumri) gained prominence in the 19th century due to the proliferation of artisan cafés hosting performances by renowned bands of the era.

It is pertinent to note that ashough poetry constitutes a captivating, distinctive genre of Armenian literature, deeply rooted in folklore (Sahakyan, 1961, p. 9). The art of the ashoughs holds ancient roots among Armenians. During the ancient pagan era, when Armenia lacked a written literary tradition, the gusans, or folk singer-poets, roamed from city to city and province to province, acquainting the populace with the lifestyle of different regions (Yeremyan, 1921, Introduction).

The Persian term “ashyg” or “asheg,” meaning “love” or “lover,” found its equivalent in Armenian as “ashough,” despite its non-Armenian origin. While there are multiple synonyms in Armenian for “ashough,” such as gusan, singer, player, and musician, the term specifically denotes an individual who embodies both poetical and musical prowess. In Tačkastan (Ottoman period Turkey) and Persia, many of the ancient ashoughs were individuals in love, leading the populace to refer to them as “ashough singers” or “singers in love.” Consequently, society continued to use “ashyg” or “ashough” to denote musicians and singers, under the assumption that “ashyg” signified “singer” (Levonyan, 1892, p. 12).

Fig. 3. Gevorg Brutyan. Ashough's café in Alexandropol.

Source: <https://arar.sci.am/dlibra/publication/217206/edition/197857/content>

The art of the ashoughs, representing a direct extension of medieval Armenian lyric poetry, is inseparable from the broader history of Armenian folk art. From the 16th century onwards (and possibly earlier), Armenian poetry predominantly manifested through the medium of the ashough (fig. 3). Even the ballad poets of yore could not escape the influence of the ashough's melodies, as evidenced by the great poets of the 17th to 19th centuries, who crafted their immortal and beloved works by emulating the art of the ashoughs (Durgaryan, 1986, p. 3).

This unique coffeehouse culture, characterised by gatherings of artisans and the performance of ashough singing, began to flourish in Eastern Armenia following the conclusion of the Russo-Persian War (1826–1828) and the Russo-Turkish War (1828–1829), when the Russian Empire annexed a substantial portion of the region. This military-political shift was accompanied by organized migration and the resettlement of Armenians in territories previously inhabited by Muslims, thereby contributing to the development of a distinct social and cultural milieu centered around the coffeehouse. Numerous Armenians residing in Iran and Western Armenia chose to resettle in Eastern Armenia.

It should be emphasized that the emergence of “ashough” culture in the coffeehouse environment in Eastern Armenia was largely inherited from Western Armenia and Turkey, where, since the 17th-century, Armenian merchants facilitated the import and export of coffee from Karin, Van, Smyrna, and Constantinople. This not only positioned this natural product as a new and promising commodity but also allowed it to permeate Armenian households, becoming an integral part of daily life.

The significance and scale of coffee consumption expanded to such an extent that, by the 19th century, it had evolved into a distinct professional trade with its own designation. Within the records of such economic activities, the terms “ghahvechi” and “coffee makers” (“srtchagorts”) frequently appear, indicating the specialization of this craft. Importantly, the rise of this profession was paralleled by the establishment of coffeehouses in artisanal towns, which served not merely as sites for the sale of coffee, but also as venues for performances by gusans (traditional minstrels), ashoughs, and folk poets (Aghanyan, Harutyunyan, 2023, p. 203).

At the outset of the previous century, with Eastern Armenia's integration into Russia, a substantial influx of Armenians migrated to Transcaucasia, establishing communities in Shirak, Javakhk, Akhaltsikhe, Yerevan, and various other locales. Armenian immigrants from Karin, Kars, Basen, and other regions brought with them numerous trades to Alexandropol. The city masons, carpenters and blacksmiths, who honed and propagated their craft, earned considerable renown.

Among the migrant Armenians were renowned ashoughs originating from major cities in Turkey, captivating the populace with their songs and music. The newly established cafés of the city served as their meeting grounds, where artisans congregated during leisure hours, particularly in winter. Notable ashoughs frequently journeyed from afar to vie with local masters in public competitions held in these cafés.

Initially, local ashoughs predominantly composed Turkish and Persian songs. However, the succeeding generation gradually eschewed foreign languages in favor of Armenian, especially dialects from Kars, resulting in an increased prevalence of songs in the native tongue. Indeed, Armenian gradually emerged as the primary language for the ashoughs (Durgaryan, 1986, p. 4).

Craftsmen's clubs, cafés, taverns, wine houses, and later beer houses constituted integral and vital facets of entertainment for Alexandropol residents. Historiographical investigations reveal that in the 1860s, the city boasted 26 cafés, which played pivotal roles in shaping its cultural milieu (Bazeyan & Aghanyan, 2014, p. 50). Club-café also served as excellent venues for patrons to enjoy performances by local or visiting musical ensembles. Engaging with the art of the ashoughs addressed not only aesthetic concerns but also delved into socio-political, social, and religious-ethical issues. Ashoughs possessed the unique ability to address myriad topics openly or, at times, allegorically through their songs, resonating with the concerns of the people of Alexandropol and Armenians in general.

Within club-café, both local and itinerant ashoughs regaled audiences with famous oriental romances, fairy tales, and muhamma riddles while organizing competitions amongst themselves and with the spectators (Aghanyan, Harutyunyan, 2023, p. 206). The most renowned ashoughs frequently visited permanent cafés. Everyone's discourse found a home in a permanent café setting. One of the earliest ethnic enclaves in Alexandropol comprised the Gheirati community, which established one of the area's inaugural cafés and remained actively engaged (Durgaryan, 1986, p. 5).

Ashough Havasi regularly performed at his designated café. Each day, laborers would flock to the café, requesting their favorite dastan or song from him, generously compensating the musicians' band. Some ashoughs exercised autonomy in selecting their performance venues and repertoire. Ashough Paytsare, known for his proficiency in tailoring, also excelled in playing the tar. His compositions were highly esteemed and frequently sung at gatherings, weddings, and cafés alike. When not addressing the audience, Paytsare enjoyed reclining on the café's settee, surrounded by fellow ashoughs, serenading customers with his melodious and sadaph-decorated tar (Aghanyan & Harutyunyan, 2023, p. 207).

Among the revered ashoughs mentioned, Jivani (Serob Levonyan) stood out as a towering figure in 20th-century Armenian ashough culture, elevating the art form to new heights and inspiring subsequent generations of ashoughs. The young prodigy made his debut at the age of 18 at Taloy's café, owned by Shara Talyan's family, which regularly hosted performances by vocalists and instrumentalists (Talyan, 1973, pp. 7–8).

Conclusion

Regrettably, these once-renowned and beloved entertainment hubs gradually waned in popularity with the decline of ashough culture. The emergence of literature, theater, and journalism, coupled with educational advancements, heralded a new era of cultural refinement (Durgaryan, 1986, p. 15). However, the problem was not only that. With the approval of the Soviet Union, the trade unions were also closed, which harmed cafes, as they were directly related to the crafts. The Soviet leaders regarded these venues as undesirable meeting places, perceiving them as sites for the exchange of ideas that contradicted state ideology. Consequently, a series of prohibitions led to the gradual closure of cafes. As a result, cafes ceased to serve as cultural hubs and public gathering spaces, both in Alexandropol and Yerevan (Saroyan, 2023, p. 192). The city's cafés could no longer fulfill the artistic aspirations of the populace with their mundane interiors fairy tale-telling troupes. Consequently, the dwindling troupe sought alternative stages, either at

public events or in distant locales and villages, where folk singers, poets, and troupes were invariably greeted with warmth and reverence (Durgaryan, 1986, p. 16).

References

- Aghanyan, G., & Harutyunyan, H. (2023). Ashugh art of Alexandropol and trade union tradition. In *Northern Armenia in the crossroads of history: historical and cultural relations*. (pp. 195–211). NAS RA. (In Armenian).
- Aslanian, S. D. (2011). *From the Indian Ocean to the Mediterranean The Global Trade Networks of Armenian Merchants from New Julfa*. University of California Press.
- Basouli, M., Derakhsh, S., & Asadi, M. M. (2022). Coffee house: A historical attraction in the landscape of urban tourism in Iran. *MANZAR. The Scientific Journal of Landscape*, 14(58), 20–29.
- Bazeyan, K., & Aghanyan, G. (2014). Alexandropol: Ethnographic sketches (History and Ethnographic Research). *Shirak Archeological and Historical-Ethnographical Researches*, 2, 7–120. (In Armenian).
- Chardin, S. J. (2012). *Travels in Persia, 1673–1677*. Dover Publication.
- Durgaryan, K. G. (1986). *Shiraks ashougs*. Sovetakan grogh Press. (In Armenian).
- Hattox, R. S. (2015). *Coffee and coffeehouses: The origins of a social beverage in the Medieval Near East*. University of Washington Press.
- Levonyan, G. (1892). *Armenian ashougs, Alexandropol*. George S. Sanoyants Press. (In Armenian).
- Mokhber, S. (2019). *The Persian Mirror: Reflections of the Safavid Empire in Early Modern France*. Oxford University Press.
- Rezvani, A. N. (2023). *A social history of modern Tehran: Space, power, and the city*. Cambridge University Press.
- Sahakyan, H. (1961). *Armenian ashougs at the XVII–XVIII centuries*. National Academy of Science Press. (In Armenian).
- Saroyan, T. (2023). 1920–1930 years the Yerevan café’s daily life according to the biographical memories of Yeghishe Charents. *Literary Journal*, 27, 186–195. (In Armenian).
- Shahaziz, Y. (1930). *Old Yerevan*. Melkonyan found Press. (In Armenian).
- Talyan, Sh. (1973). *Cases, faces, thoughts*. Hayastan Press. (In Armenian).
- The Home Friend* (1854). Vol. 1. Society for Promoting Christian Knowledge. URL: https://books.google.am/books?id=kaSHibJ_DSgC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
- Weinberg, B. A., & Bealer, B. K. (2002). *The world of caffeine: The science and culture of the world’s most popular drug*. Routledge Press.
- Yeremyan, A. (1921). *Persian Armenian ashougs. Vol. G*. Sent Amenaprkich Press. (In Armenian).

Information about the author

Tatevik E. Saroyan
Ph. D. student of the Matenadaran
Mesrop Mashtots Research Institute
of Ancient Manuscripts
Yerevan State University History Museum
1, Alex Manoogian St.,
Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0009-0002-2904-9222
e-mail: tatevik.saroyan@ysu.am

Received / Материал поступил в редакцию 26.09.2024
Accepted / Принят к публикации 02.10.2024

Доминантные топосы в культурной памяти города: «Чёрное озеро» в истории, литературе и культуре Казани

Л. Е. Бушканец

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Музей Л. Н. Толстого – филиал Национального музея Республики Татарстан,
Казань, Россия
lika_kzn@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

городской текст
доминантный топос
русская литература
культурная память города
Казань

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из значимых культурных топосов Казани – существующий с начала XIX века общественный сад (сейчас парк) «Чёрное озеро». Несмотря на то, что образ Казани возникает во многих произведениях русской литературы, автор статьи полагает, что говорить о «казанском городском тексте» было бы преувеличением, так как не сложилась мифология города, нет его восприятия как символического пространства. Однако можно говорить о «предтексте», то есть о существовании достаточного количества доминантных топосов, хотя и не сложившихся в нечто целостное. Каждый из этих топосов связан с исторической и культурной памятью города, зафиксированной в русской литературе. Цель статьи – проанализировать, какими смыслами наполнялось данное пространство за почти два столетия своего развития, как менялось смысловое наполнение образа «Чёрное озеро» в литературе и культуре и, как следствие, какую роль играло это пространство с необычным названием в жизни горожан. Будучи бесплатным общественным пространством (в отличие от соседнего сада, вход в который был платным), в XIX–начале XX вв. Чёрное озеро сформировалось как пространство для студентов рядом расположенного университета и до сих пор сохраняет ориентацию на молодёжную часть горожан, что и отразилось в художественных произведениях, написанных писателями, учившимися в Казанском университете. В XX веке ведущими смыслами стали те, которые отражали соседство пространства с органами НКВД, что породило даже специфический городской фольклор. Сейчас, несмотря на хорошие решения по реконструкции пространства и возвращение в него молодёжи и в целом горожан и туристов, произошла утрата смыслов, связанных с топосом «Чёрное озеро», название воспринимается как странное, ушла культурная память о прошлом. Для политики городских властей Казани в целом характерна тенденция разрушать культурную память города, что представляется большой ошибкой.

Для цитирования:

Бушканец, Л. Е. (2024). Доминантные топосы в культурной памяти города: «Чёрное озеро» в истории, литературе и культуре Казани. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 4(2), 227–241. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-227-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-227-241)

Dominant topos in the city cultural memory: *Chornoje ozero* («Black Lake») in Kazan history, literature, and culture

Liya Bushkanets

Kazan (Volga Region) Federal University,
L. N. Tolstoy Museum – branch of the National Museum of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russia
lika_kzn@mail.ru

KEYWORDS

urban text
dominant topos
Russian literature
cultural memory of the city
Kazan

ABSTRACT

The article studies the significant Kazan cultural topos – the public garden (now a park) *Chornoje Ozero* (“Black Lake”) that has existed since the beginning of the 19th century. Despite the fact that the image of Kazan appears a lot in Russian literature, the author of the article believes that it would be an exaggeration to speak about the “Kazan city text”, since the mythology of the city is not developed and the city is not perceived as a symbolic space. However, it is correct to state a “pre-text” that includes a sufficient number of dominant topoi, although they have not developed into something integral. Each of these topoi is associated with the historical and cultural memory of the city, recorded in Russian literature. The purpose of the article is to analyze the meanings that have been filling this space for almost two centuries, the semantic content of the image of *Chornoje Ozero* (“Black Lake”) that has been changing in literature and culture, and hence the role which this space with an unusual name played in citizens’ lives. Being a free public space (unlike the neighboring garden with paid entrance), in the 19th – early 20th centuries *Chornoje Ozero* (“Black Lake”) was formed as a space for students of a nearby university and still focuses on the youth of the city. It was reflected in the works of fiction by writers who studied at Kazan University. In the 20th century, the leading meanings of the space was about neighborhood to NKVD. It even gave rise to a specific urban folklore. Despite the fitting solutions for reconstruction of the space and the return of young people, citizens and tourists, there has been a loss of meanings associated with the topos “Black Lake”, the name is perceived as strange, the cultural memory of the past has gone. The policy of the Kazan city authorities as a whole is characterized by a tendency to destroy the cultural memory of the city, which seems to be a big mistake.

For citation:

Bushkanets, L. E. (2024). Dominant topos in the city cultural memory: *Chornoje ozero* (“Black Lake”) in Kazan history, literature, and culture. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 227–241. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-227-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-227-241)

В литературоведении на стыке с урбанистикой и культурологией¹ нескольких последних десятилетий активно изучается «городской текст». Работы Н. П. Анциферова (Анциферов, 1926; Анциферов, 1991), Ю. М. Лотмана (Лотман, 1984; Лотман, 1993), В. Н. Топорова (Топоров, 1984) и Н. Е. Меднис (Меднис, 2003) ввели в гуманитарные науки понятие «петербургского текста». Затем появился «московский текст», «парижский», «венецианский», а затем и многочисленные локальные тексты, появилось целое научное направление и огромное число исследований. В данном журнале, например, соответствующие материалы появились в разделе «Город как культурный локус» (Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города, 2021, № 1).

Вопреки мечтам многих краеведов и исследователей, громко открывавших «городские тексты» тех мест, в которых они трудились, далеко не каждый город, даже если он является местом действия в литературе, порождает «текст»: для этого необходимо, чтобы он стал пространством символической и даже мифологической реальности, чтобы в центре корпуса художественных произведений стоял мифопорождающий текст (как основу петербургского текста заложили Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский, а московского – «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова) и для всех произведений были характерны повторяющиеся мотивы, в том числе сюжетные. Как отмечала О. А. Гриневич, «семантическое ядро царскосельского текста составляют две мифологемы (город царей и город поэтов). Данные мифологемы представлены в тексте посредством системы образов и мотивов (образы соловья и лебедя, образы царскосельских статуй, мотивы воспоминания, сна, смерти)» (Гриневич, 2021, с. 77).

Несмотря на то, что Казань неразрывно связана с историей русской литературы, вряд ли можно говорить о существовании казанского городского текста. Автор этой статьи был инициатором ряда конференций, например, «Казанский текст в литературе» (Казань, 2012), однако надо признать, что Казань не воспринимается как символическое пространство, несмотря на попытки найти такие смыслы в особом синтезе Европы и Азии, о чём писал, например, А. И. Герцен, проезжая через город. Нет и центрального мифопорождающего текста, поскольку нет культового произведения, действие которого порождено неотъемлемой спецификой города. Найденный после смерти В. Аксёнова его роман «Lend-leasing. Дети ленд-лиза», рассказывающий о военном детстве автора, вопреки ожиданиям не может выполнить этой функции из-за своей незавершённости и литературного несовершенства.

Город, стоявший на Волге, на пути на Восток, был важной географической точкой, и через Казань проезжали многие великие писатели. А. С. Пушкин был в Казани в 1833 году – здесь он собирал материалы для своей книги о Пугачёве. Н. А. Некрасов приезжал в 1846 году в надежде достать средства для осуществления заветной цели, создания журнала. В 1855 году на несколько дней останавливался в городе И. А. Гончаров, возвращавшийся из плавания на фрегате «Паллада». Путешествуя по Волге, в Казани прожил несколько дней А. Н. Островский. В начале 1890-х годов изыскания для строительства железной дороги на восток от Казани вёл Н. Г. Гарин-Михайловский. Выступал неоднократно В. В. Маяковский со своими друзьями и, кстати, учившимся одно время в Казанском художественном училище Д. Бурлюком. Часто это была дорога тюрьмы и каторги. По пересекавшему Казань

¹ О комплексности подхода см.: Гололобов, 2008.

Сибирскому тракту осенью 1790 года провезли в ссылку А. Н. Радищева, при выезде из Казани он начал свой знаменитый сибирский дневник. Позднее по этой дороге прошли декабристы.

В Казани начиная с XVIII века, с открытием Первой мужской гимназии, начинается своя литературная жизнь, которая развивалась и далее прежде всего благодаря Университету. Казань многими сторонами своей культурной жизни была обязана университету. В 1790-е годы образовался литературный кружок, казанские литераторы вели переписку или были лично знакомы с Н. М. Карамзиным и др. Профессора и студенты были не только авторами, но и хорошими читателями. Великий математик Н. И. Лобачевский домашним читал вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» Н. В. Гоголя. И. Е. Великопольский, сводный брат жены Лобачевского (близко общавшийся с Пушкиным), утверждал, что ректор университета писал стихи и эпиграммы. С этим кругом был связан и Е. А. Баратынский – а через него Казань уже связана со всей русской литературой первой половины XIX века. Профессор и тоже ректор И. М. Симонов был знаком и переписывался с Е. А. Баратынским. Лучшей провинциальной газетой Поволжья был «Волжский вестник», который начал выходить в 1884 году. В течение пяти лет его главным редактором был историк права, профессор Казанского университета Н. П. Загоскин. Это привлекало многих замечательных общественных деятелей, учёных, писателей, публицистов и литературных критиков.

В годы литературной зрелости в Казани не творили значительные русские писатели, однако юность многих из них прошла именно здесь благодаря гимназии и Университету: это Г. Р. Державин, Л. Н. Толстой, П. Д. Боборыкин, А. М. Пешков (Максим Горький), Е. Н. Чириков, В. Хлебников и многие другие. Однако город не часто был местом действия их произведений: так, действие рассказа «После бала» Л. Н. Толстого перенесено в Москву, как и события ряда «казанских» по впечатлениям произведений Максима Горького.

Город «состоит» из символических топосов с их особой топонимикой, топографией и историей. Несмотря на то, что не сформировался цельный казанский «городской текст», благодаря литературе и культуре отдельные топосы оказались наполнены литературной и культурной памятью.

К. Линч отмечал, что в каждом городе есть специфические доминантные точки, они важны для «вообразимости города», то есть легко конструируются в воображении человека при воспоминании о данном городе (Линч, 1982, сс. 21–22). Большую роль при этом играет топонимика. К. Яник-Борецка в статье «Места-палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия» вслед за рядом исследователей назвала такие точки «место-палимпсест»: «Подобный подход к изучению места идеально вписывается в исследования топонимии, потому что место обитания человека накапливает в себя многие значения, концепты и ассоциации. Часто топонимы являются единственными свидетелями прошлого этой территории, так как бывает, что топонимы мотивируются словами из мёртвых языков. Таким образом, память о прошлом вписывается в наименование места, создавая своего рода ономастический текст» (Яник-Борецка, 2022, с. 146).

Обратимся к анализу одного из таких казанских пространств – это парк в самом центре города под названием «Чёрное озеро». Нас интересует, какую роль это пространство играет в культурной памяти города, каков его потенциал не просто как рекреационного, но «культурного» и «литературного» пространства и какие

тенденции, характерные для развития Казани как города (Казань претендует на звание «третьей столицы» России и крупного туристического центра), проявляются в связи с этим.

Из-за низинного положения между холмами в центре Казани недалеко от Кремля образовались озёра, которые получили название Чёрное (водоём был здесь ещё в ханские времена, и по-татарски оно звалось «Гнилое озеро» – «Черек күл»), Поганое, Банное. В начале XIX века берега Чёрного озера стали застраивать, родники и протоки постепенно засыпались, система озёр пришла в запустение, и было решено оставить одно, самое большое Чёрное озеро, а остальные засыпать. Был намечен план благоустройства, а в 1820-е годы появилось первое в городе общественное пространство «Общественный сад на Чёрном озере», затем оно называлось «Летнее гулянье», «Общественное гулянье», «Черноозёрский сад», «Чёрное озеро». В 1829 году озеро облагородили уступами, дёрном, появились обсаженные деревьями аллеи (ил. 1). В 1847 году его обнесли чугунной решёткой, а в 1859 году появился первый трактирный павильон. Со временем мелкий водоём заболотился, что сопровождалось неприятными запахами. Городскими властями было принято решение засыпать озеро. Половина Чёрного озера была засыпана в 1864 году. В 1875 году сад начали освещать газом. В 1889 году озеро было окончательно засыпано, и на его месте появился искусственный водоём.

Ил. 1. Турин В. С. Вид городской больницы с Чёрного озера в Казани. 1834. Из альбома «Перспективные виды губернского города Казани, рисованы с натуры, литографированы и изданы В. Туриным». Бумага, литография. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Источник: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/iskusstvo/izobrazitelnoe-iskusstvo-i-dpi/personalii/turin-vasilij-stepanovich>

В конце XIX века парк служил одним из основных мест гуляний казанцев, которых привлекала играющая по вечерам музыка. В 1894 году появился фонтан (ил. 2), который зимой превращался в каток (ил. 3). На рубеже XIX–XX веков здесь были рестораны, у одного из них был бильярд, кегельбан и тир, он круглый год освещался электричеством от собственной динамо-машины задолго до появления городской электростанции. Всё это привлекало самую разнообразную и многочисленную публику.

Ил. 2. Старинная открытка рубежа XIX–XX веков. Из частного собрания.

Источник: [https://ru.m.wikime-](https://ru.m.wikimedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B0%D0%B4_2.jpg)

[dia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B0%D0%B4_2.jpg](https://ru.m.wikimedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%BE%D0%B7%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%B0%D0%B4_2.jpg)

Ил. 3. Каток на Чёрном озере. Конец XIX–начало XX века. Фотография
 Источник: <https://kitaphane.tatarstan.ru/index.htm/news/2006449.htm>

Общественный сад связан с именем Л. Н. Толстого, который жил в Казани в годы юности с 1841 по 1847 год. В черновиках к «Исповеди» он писал: «Помню потом, что весной, в день первого моего экзамена в университет, я, гуляя по Чёрному озеру, молился богу о том, чтобы выдержать экзамен, и, заучивая тексты катехизиса, ясно видел, что весь катехизис этот – ложь» (Толстой, 1957, с. 488).

Зимой Чёрное озеро использовалось как каток, и Лев Толстой катался здесь на коньках – общественный каток существует здесь и в наши дни. Но несмотря на то, что два дома из трёх, в которых Толстой жил в Казани, находились в непосредственной близости от Чёрного озера, само оно не изображено в его произведениях.

Большее внимание ему уделит популярный в своё время писатель П. Д. Боборыкин, бывший некоторое время в Казани студентом. Он показал это пространство как наполненное студентами вследствие близости Университета:

Возвращаясь назад, приятели спустились по переулку в левую сторону от Преображенской и попали в городской сад, или Чёрный пруд, как он назывался у туземцев. Этот Чёрный пруд был по происхождению своему, большой овраг, провалившийся в болотистой ложине. Старанием местных властей и градоправителей, он был обнесён железной решёткой и обсажен деревьями. Гуляние по нему, в эту пору лета, было соединено с удовольствием нюхать запах водяной плесени. На одной из главных дорожек помещался балаганчик, долженствующий представлять собою кондитерскую. Около него, на скамейках, помещались всюду кочующие ярославцы с мороженым. Этот продукт забирался больше студентами, и всё в долг.

– Татарское гулянье! – крикнул Горшков, проходя по алее вдоль озера, и запах первый сорт, – припекает, знаешь, а деревья только для украшения!

Они заглянули в балаганчик, увидели там несколько голубых околышей вокруг маленьких столиков, поели мороженого; оно оказалось гораздо лучше той мерзости, которую обыкновенно предлагают разносчики.

<...> По дорожкам пахучего Чёрного пруда мелькали-таки гуляющие. Попадались и дамы разного сорта: скромные чиновничьи жёны с дочерьми, купчихи в платочках, с огромными бархатными воротниками на ярких салопах. Прошли две девицы из местной аристократии, гувернанткой и собачкой на верёвочке. Но всего больше попадалось студентов. Они и составляли, конечно, главный предмет наблюдения наших юношей. <...> От всех этих потёртых сюртуков, фуражек, надетых набекрень, резких голосов, бойких лиц веяло чем-то новым, каким-то завлекательным задором, какого ещё не приходилось видеть Телепнёву в его детской и отроческой жизни. И когда попались ему два-три франтика студента с английским пробором, в только что появившихся тогда блинообразных фуражках, в длиннейших шикарных сюртуках, чуть не по пятки, и узейших брюках – ему стало приторно, гадко; он возмутился их порядочностью (Боборькин, 1864, с. 27–29).

Будучи бесплатным общественным пространством (соседний сад был платным, для более дорогой публики) и всё же местом хоть немного близким к природе посреди города, парк и далее привлекал студентов, именно потому он стал местом действия рассказов ещё одного известного писателя, хотя и забытого из-за эмиграции после революции, одного из организаторов сходки казанских студентов 1887 года, Е. Н. Чирикова. В романах «Юность» и «Возвращение» возникают бытовые зарисовки, почти не связанные с развитием сюжета и представляющие собой лирические воспоминания главного героя. Затягивая повествование, подобные эпизоды в то же время отражают неповторимую атмосферу неторопливой, незатейливой и поэтической провинциальной жизни, с которой так тесно связан человек:

Город – как на ладонке. Налево, на горном откосе старый Кремль, а направо – мечети, мечети... А вот св. Варлаамий... <...> Вот выехали на Воскресенскую... <...>. Вот подъехали к Чёрному озеру. “Извозчик! А где озеро?” – «Засыпали его...» – “Зачем?” – “Для здоровья, что ли... лягушки больно верещали... Губернатору не понравилось, что ли...” Ах, как мне жаль этого исчезнувшего озера! Оно было так красиво в раме густых акаций. Оно было тинное, с кувшинками, с лилиями, с плавунами, с лягушками, с бегающими пауками. На берегу его, в густых зарослях, можно было совсем забыть о городе... Ах, как жаль, что нет больше красивого Чёрного озера. Засыпали. Точно кусочек моей жизни закопали. Я так любил посидеть вечерком на берегу и тайно покурить папиросу в полной безопасности от гимназического начальства... (Чириков, 1914, с. 14).

Или:

Вспоминалась проделка студента Касьянова. Купил водки, воблу, взял удочку и отправился на Чёрное озеро. Начадил воблу на крючок, и забросил лесу в озеро, а сам послал на бережку газету, поставил водку, рюмки, выложил хлеб, ножик с вилкой.

– Касьянов! Ты какого чёрта тут делаешь?

– Рыбу ловлю.

Какая тут рыба? Лягушку поймал только.

Мы подсаживаемся к товарищу. Прогуливающаяся публика приостанавливается и с насмешливым любопытством смотрит на чудака-рыболова:

– Какая тут рыба...

– Чудаки.

Не верят, а дожидаются. Подходят новые и новые лица. Касьянов невозмутим.

– Тише, господа, клюёт, – обернувшись к публике, раздражённо просит Касьянов. – Расходитесь. Мешаете.

Не расходятся.

– Место общественное. Имеем полное право.

И вдруг Касьянов кидается к удочке и с силой начинает тащить что-то, поводя лесой и потрясывая удилищем. Общее изумление.

– А ведь попало что-то.

– Лягушка, поди...

Касьянов взмахнул рукой, и солёная рыба выскочила из воды на берег. Не сразу жители поняли, в чём дело. Только когда Касьянов стал обколачивать воблу о подмётку своих ботфортов и сдирать кожу, раздался гомерический хохот в собравшейся толпе.

– А теперь, господа, выпьем и закусим, – произнёс Касьянов и начал наливать рюмки. Кто-то в толпе обиделся и начал ругаться, стращать:

– Народ морочат... По шеям надо...

– А ты зачем стоял? Мы тебя не звали...

Дело дошло до полицейского... Как всё это недавно было... А теперь нет озера, на его месте разбиты цветочные клумбы, посажены молоденькие тополи (Чириков, 1911, с. 11).

По праздникам сад притягивал воров и представительниц древнейшей профессии. Татарский писатель Гаяз Исхаки в произведениях, которые были во многом автобиографическими, рассказывал, что сюда шли шакирды (студенты медресе, мусульманского учебного заведения), чтобы увидеть «запретную» жизнь.

В начале XX века на углу Чёрного озера строится каменное здание для цветочного магазина, который работает до наших дней. Одна из городских легенд связана с тем, что именно этот магазин вдохновил казанского поэта Лидию Григорьеву на стихотворение «Магазин “Цветы”», положенное на музыку Давидом Тухмановым, и эта песня вошла в репертуар Софии Ротару.

Чёрное озеро окружено важными для города зданиями. В 1883 году был построен Александровский пассаж – самое роскошное здание города, где позже появился первый в городе кинотеатр. В 1977 году черноозёрская часть здания обрушилась из-за подземных вод засыпанной озёрной системы. В этом здании Г. Яхина «поселила» одного из героев романа «Зулейха открывает глаза». Парк окружали Александровская лечебница для приходящих, архитектурное отделение Губернской земской управы, номера, больница, богадельня и др. В 1890 на северо-западном берегу Чёрного озера было построено деревянное здание летнего цирка братьев Никитиных (сгорело в 1961 году). Поэт В. Тушнова, проведшая юность в Казани, посвятила ему «Стихи о цирке»: «Как ни покажется это нелепо вам, // Но едва разгоралась заря малиново, // Я просыпалась от великолепного, // Важного, грозного рыка львиного» (Тушнова, Стихи о цирке).

Кардинальную смену смыслов претерпел топоним Чёрное озеро после революции. На бывшей улице Черноозёрская в доме Н. И. Лопатина в 1918–2004 годы размещалось управление Народного комиссариата внутренних дел (позднее Комитет государственной безопасности, Федеральная служба безопасности), затем Министерство внутренних дел ТАССР, РТ. После смерти Ф. Э. Дзержинского (1926) улице было присвоено его имя. Словосочетание «Чёрное озеро» стало ассоциироваться у горожан с комплексом управлений спецслужб и внутренней тюрьмой, что отразилось в городском фольклоре, например, анекдоте: «Грузин говорит: “Какое у нас озеро есть, называется Рица, как попадёшь туда, несколько дней уйти не можешь”. Казанец отвечает: “А какое у нас есть Чёрное озеро! Как попадёшь туда, никогда больше не выйдешь”».

Это отразилось в мемуарах матери В. Аксёнова Е. Гинзбург «Крутой маршрут»:

Поднимаюсь на второй, потом на третий этаж. По коридорам деловито проходят люди, из-за застеклённой двери раздаётся треск пишущих машинок. Вот какой-то молодой человек, где-то виденный, даже рассеянно кивнул и обронил “здрассьте”. Самое обыкновенное учреждение!

И я уже теперь совсем спокойно поднимаюсь на четвёртый этаж и на секунду останавливаюсь у двери комнаты № 47. Стучу и, не расслышав ответа, переступаю порог. И сразу сталкиваюсь со взглядом Веверса. Глаза в глаза.

Их бы надо в кино крупным планом показывать, такие глаза. Совсем голые. Без малейших попыток маскировать цинизм, жестокость, сладострастное предвкушение пыток, которым сейчас будет подвергнута жертва. К этому взгляду не требовалось никаких словесных комментариев.

Но я ещё сопротивляюсь. Я продолжаю делать вид, что считаю себя по-прежнему человеком, коммунистом, женщиной. <...>

Капитан Веверс нажимает другую кнопку. Появляется конвоир — мужчина. Веверс снова с ненавистью и презрением в упор смотрит на меня своими свинцовыми глазами.

– А теперь в камеру! В подвал! И будете сидеть до тех пор, пока не сознаётесь и не подпишете всё!

Чёрное озеро — это, собственно, название одного из городских садов в Казани. Когда-то, до революции, это было излюбленное место разгульных купчиков. Здесь был дорогой ресторан, эстрадный театр. Сейчас территория сада использовалась для различных выставок, а зимой здесь был каток.

Но после того, как областное управление НКВД переселилось на Черноозёрскую улицу, прямо против сада, название “Чёрное озеро” перестали относить к саду. Слово приобрело тот же смысл, что “Лубянка” для Москвы.

– Не болтай, а то на Чёрное озеро попадешь!

– Слышали, его ночью на Чёрное озеро увели?

Подвал на Чёрном озере. Это словосочетание вызывало ужас. И вот я иду в сопровождении конвоира в этот самый подвал. Сколько ступеней вниз? Сто? Тысяча? – не помню. Помню только, что каждая ступенька отдавалась спазмами в сердце, хотя в сознании вдруг мелькнула почти шутливая мысль: вот так, наверно, чувствуют себя грешники, которые при жизни много раз, не вдумываясь, употребляли слово “ад”, а теперь, после смерти, должны воочию этот ад увидеть.

Тяжёлая железная дверь скрипит очень громко. Но это ещё только преддверие ада. Прокуренное помещение без окна, освещённое лампочкой, висящей под потолком. За столом – бледный человек в форме тюремного надзирателя. У него тяжёлые набрякшие мешки под глазами, а глаза оскорбительно равнодушные, как у маринованного судака. Он смотрит на меня как на пустое место. Единственное, что его интересует во мне, – это мои часы. Пояса у меня ведь нет, я женщина. А назначение этого пункта — изъятие часов и поясов у новых заключённых. Чтобы не знали, который час, и чтобы не на чем было повеситься. Часы мои ему нравятся. Они у меня красивые, заграничные. Муж подарил, после того как потеряли тогда в сугробе старые. Он одобритительно разглядывает часы, и в его судачьих глазах мелькают живые искорки. Потом он приступает к заполнению анкеты. Оказывается, анкета требуется даже для входа в ад. Затем они обмениваются короткими репликами, смысл которых сводится, по-видимому, к вопросу о том, в какую камеру меня отвести.

А вот и сам ад. Вторая железная дверь ведёт в узкий коридор, тускло освещённый одной лампочкой под самым потолком. Лампочка горит особым тюремным светом, каким-то багрово-красным накалом. Справа сырая, серая, в подтёках стена. Трудно допустить, что это одна из стен того самого дома, где расположен комфортабельный кабинет капитана Веверса... А слева...

Слева двери, двери, двери... Они заперты на засовы и огромные ржавые замки. Висячие, первобытные, какими, наверное, до революции закрывались какие-нибудь купеческие амбары в глухой провинции. А за этими дверями люди? Конечно же! Коммунисты, товарищи мои, попавшие в ад раньше меня. Профессор Аксенцев, секретарь горкома Биктагиров, директор университета Векслин... И ещё многие... (Гинзбург, 1989, сс. 35–39).

В 1930-е годы у выхода из парка была установлена «Арка влюблённых» по проекту И. Герасимова, которая обладает акустическими свойствами, усиливая шёпот (ил. 4). Она также стала героем литературы:

Живёшь и печёную осень
 относишь к измятым губам,
 а жёлтые крошечки носишь
 бескрылым уже голубям.
 Пройдя через Арку Влюблённых,
 спускаясь за дождичком вниз,
 сквозь цепь искалеченных клёнов
 ты озера видишь карниз. <...>
 Задумчиво и виновато
 твой взгляд переулку открыт –
 Пассажу киваешь приватно,
 рассыпав по лавке дары,
 в аллеях, где ты произрос
 Где бегал на лыжах и с горки
 ледянками мучил асфальт,
 где летом от корки до корки
 читался мячами офсайд.
 Где в марте, отважный и робкий,
 в стремнине коварного льда
 на досках хоккейной коробки
 ты плыл неизвестно куда... (Учаров, 2019).

Для многих казанцев в 1970–1980-е годы Чёрное озеро было детским парком, потом долгое время было заброшенным после урагана, вырвавшего деревья. В 2011 году горожане остро отреагировали на идею властей сделать на месте парка парковку. И в 2016–2017 годы парк был реконструирован. Как сообщает официальный сайт архитектурного бюро, создавшего проект, «парк находится в самом центре Казани в пешей доступности от кремля, нескольких университетов и театра, поэтому проектное функциональное зонирование отвечало новой роли парка как общегородского места притяжения с большим количеством сервисов и площадками для проведения общегородских мероприятий. Сильные стороны парка – озеро, зелень и историческое наследие были подчёркнуты. У озера появились удобные спуски к воде в виде амфитеатра, по зелёной зоне проложены прогулочные тропинки, а исторически ценные элементы отреставрированы»² (ил 5, 6).

Действительно, в последние годы парк всегда полон посетителей, которые прогуливаются по аллеям, отдыхают на газонах вокруг водоёма, приходят на летние концерты, в хороший ресторан, на книжные фестивали и пр., а зимой на общественный каток.

² Сайт Бюро WOWHAUS: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Ил. 4. Чёрное озеро. Современный вид.
Источник: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Ил. 5. Чёрное озеро. Современный вид.
Источник: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Итак, топос «Чёрное озеро» является одной из доминирующих точек в казанском урбанистическом пространстве, во многом за счёт истории и культуры, с которыми он связан.

Ил. 6. Чёрное озеро. Современный вид.
 Источник: <https://wowhaus.ru/urbanistics/black-pond.html>

Несмотря на то, что реконструированное пространство современного парка снова стало центром притяжения для горожан, в полной мере потенциал культурной памяти не использован. Горожане не знают, какой образ его создавался в литературе, что они ходят по дорожкам, по которым ходил Лев Толстой. Многие студенты удивляются «странному» названию, считают его неприятным и предлагают заменить.

Несмотря на большую работу по созданию притягательных для горожан и туристов пространств в Казани, литература и культура не задействованы для формирования исторической и культурной памяти. И это не случайно: многие исторические памятники были снесены в начале 2000-х годов, на их месте появились т. н. новоделы. Город стал более ярким, чистым (когда-то у него была слава одного из самых грязных городов Поволжья), столичным, однако словно возникшим заново. Это связано и с миграцией населения (многие школьники уезжают получать высшее образование в Москву, в Казань приезжают учиться из других городов), и с отмиранием литературоцентризма русской культуры (практически не проводятся экскурсии по литературным местам города), и с тем, что многие городские проекты создаются не коренными горожанами. «Новые казанцы» воспринимают город как удобный для жизни, но не чувствуют в нём укоренённости, город не наполнен для них голосами прошлого, он не является лично прожитым пространством, а это опасно для будущего развития. Чтобы изменить ситуацию, необходимо раскрывать подобные Чёрному озеру пространства как «палимпсесты», например, через расположенные по всему периметру сада стенды с фрагментами воспоминаний и художественных произведений, а также видами разных периодов.

Библиография

- Анциферов, Н. П. (1926). *Книга о городе*. Брокгауз-Ефрон.
- Анциферов, Н. П. (1991). *Душа Петербурга*. Брокгауз-Ефрон.
- Боборыкин, П. Д. (1864). *В путь-дорогу*. Т. 2. Типография внутренней стражи и Э. Арнольда.
- Гинзбург, Е. (1989). *Крутой маршрут*. Т. 1. Изд-во ЦК КП Латвии «Курсив» – Творческая фотостудия Союза журналистов ЛССР.
- Гололобов, М. А. (2008). Городской текст и ракурсы его интерпретации. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1(57), 178–182.
- Гриневич, О. А. (2021). Царскосельский текст в русской поэзии: структура и динамика. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1, 77–90.
- Линч, К. (1982). *Образ города*. Стройиздат.
- Лотман, Ю. М. (1984). Символика Петербурга и проблемы семиотики города. *Труды по знаковым системам*, 18, 30–45.
- Лотман, Ю. М. (1993). Город и время. В Л. Морева (ред.), *Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. Т. 1. (с. 84–92). Эйдос.
- Меднис, Н. Е. (2003). *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирский государственный педагогический университет.
- Толстой, Л. Н. (1957). *Полное собрание сочинений: В 90 томах. Том 23: произведения 1879–1884*. Художественная литература.
- Топоров, В. Н. (1984). Петербург и петербургский текст русской литературы. *Труды по знаковым системам*, 18, 4–29.
- Тушнова, В. *Стихи о цирке*. URL: <https://www.ruscircus.ru/public/stihi1.shtml>.
- Учаров, Э. (2019). Парк Чёрное озеро. URL: <https://www.litres.ru/book/eduard-raimovich-ucharov/stihodvoreniya-42122727/chitat-onlayn/>.
- Чириков, Е. (1911). Юность. *Вестник Европы*, 2, 174–200.
- Чириков, Е. (1914). Возвращение. *Вестник Европы*, 2, 5–65.
- Яник-Борецка, К. (2022). Места-палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 1(2), 142–156.

References

- Antsiferov, N. P. (1926). *A book about the city*. Brockhaus-Efron. (In Russian).
- Antsiferov, N. P. (1991). *The soul of Petersburg*. Brockhaus-Efron. (In Russian).
- Boborykin, P. D. (1864). *On the road*. Vol. 2. Printing House of the Internal Guard and E. Arnholz. (In Russian).
- Chirikov, E. (1911). Youth. *Bulletin of Europe*, 2, 174–200. (In Russian).
- Chirikov, E. (1914). Return. *Bulletin of Europe*, 2, 5–65. (In Russian).
- Ginzburg, E. (1989). *Steep route*. Vol. 1. Publishing house of the Central Committee of the Communist Party of Latvia “Kursiv” – Creative Photo Studio of the Union of Journalists of the LSSR. (In Russian).
- Gololobov, M. A. (2008). An urban text and perspectives of its interpretation. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 1(57), 178–182. (In Russian).
- Grinevich, O. A. (2021). Tsarskoye Selo text in Russian poetry: Structure and dynamics. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1, 77–90. (In Russian).

- Janik-Boretska, K. (2022). Palimpsest places of St. Petersburg and their names. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 1(2), 142–156. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1984). St. Petersburg symbolics and problems of city semiotics. *Sign Systems Studies*, 18, 30–45. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1993). The city and time. In L. Moreva (Ed.), *Metaphysics of Petersburg: Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture. Vol. 1.* (pp. 84–92). Eidos. (In Russian).
- Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. Stroyizdat. (In Russian).
- Mednis, N. E. (2003). *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russian).
- Tolstoy, L. N. (1957). *Complete Works: In 90 Vol. Vol. 23: Works 1879–1884*. Fiction. (In Russian).
- Toporov, V. N. (1984). St. Petersburg and the St. Petersburg text of Russian literature. *Sign Systems Studies*, 18, 4–29. (In Russian).
- Tushnova, V. *Poems about the circus*. URL: <https://www.ruscircus.ru/public/stihi1.shtml> 03.11.2024. (In Russian).
- Ucharov, E. (2019). *Black Lake Park*. URL: <https://www.litres.ru/book/eduard-raimovich-ucharov/stihodvoreniya-42122727/chitat-onlayn/>. (In Russian).

Информация об авторе

Лия Ефимовна Бушканец
 доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры русской литературы
 и методики её преподавания
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Российская Федерация, 420111, Казань,
 ул. Татарстан, 2
 ORCID ID: 0000-0002-3581-6320
 Web of Science ResearcherID: E-2930-2015
 Scopus AuthorID: 57190734068
 e-mail: lika_kzn@mail.ru

Information about the author

Liya E. Bushkanets
 Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor
 Professor of the Department
 of Russian Literature and Methods of Teaching
 Kazan (Volga Region) Federal University
 2, Tatarstan St., Kazan, 420111,
 Russian Federation
 ORCID ID: 0000-0002-3581-6320
 Web of Science ResearcherID: E-2930-2015
 Scopus AuthorID: 57190734068
 e-mail: lika_kzn@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 15.09.2024
 Принят к публикации / Accepted 15.10.2024

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-242-253](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-242-253)

Советские монументальные мозаики Великого Новгорода как часть современного городского ландшафта

Э. Л. Гептинг

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
elvira.gepting@novsu.ru

Ю. В. Меринова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
yuliya.merinova@novsu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

монументальное искусство
советская мозаика
городские исследования го-
родской ландшафт
историческая память

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию советского монументального мозаичного искусства в Великом Новгороде, где на сегодняшний день насчитывается около 40 сохранившихся мозаичных панно, созданных в 50–80-е годы XX века. Несмотря на их потенциальную культурную и историческую ценность, эти произведения не имеют охранного статуса и подвергаются угрозе разрушения. Цель исследования – определить место советских мозаик в современном городском ландшафте и привлечь внимание к их сохранению. Для достижения этой цели авторы составили реестр мозаик, выполнили их фотофиксацию и провели опрос среди местных жителей о значимости мозаичных произведений. Результаты показали, что, хотя мозаики часто воспринимаются как привычный элемент повседневности, большинство респондентов поддерживает инициативу по их сохранению. Статья также подчёркивает актуальность советских мозаик в формировании уникального художественного облика Новгорода и предлагает ряд рекомендаций по их сохранению и популяризации. Авторы утверждают, что мозаики могут стать значимыми объектами городской среды и способствовать развитию местного туризма, если объединить усилия исследователей, общественности и власти.

Для цитирования:

Гептинг, Э. Л., & Меринова, Ю. В. (2024). Советские монументальные мозаики Великого Новгорода как часть современного городского ландшафта. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 4(2), 242–253. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-242-253](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-242-253)

Soviet monumental mosaics of Veliky Novgorod as a part of modern urban landscape

Elvira Gepting

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
elvira.gepting@novsu.ru

Yulia Merinova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
yuliya.merinova@novsu.ru

KEYWORDS

monumental art
Soviet mosaic
urban studies
urban landscape
historical memory

ABSTRACT

The article deals with Soviet monumental mosaic art in Veliky Novgorod, where today there are about 40 surviving mosaic panels created in the 50–80s of the 20th century. Despite their potential cultural and historical value, these works have no protected status and are under threat of destruction. The aim of the study is to determine the place of Soviet mosaics in the modern urban landscape and to draw attention to their preservation. To achieve this goal, the authors have registered the mosaics, performed their photo-fixation and conducted a survey among residents about the significance of mosaic works. The results show that although mosaics are often perceived as a familiar element of everyday life, most respondents support the initiative to preserve them. The article also emphasizes the relevance of mosaics in shaping the unique artistic image of Novgorod and offers a number of recommendations for their preservation and promotion. The authors argue that the mosaics can become significant objects of the urban environment and contribute to the development of local tourism if the efforts of researchers, public and authorities are combined.

For citation:

Gepting, E. L., & Merinova, Yu. V. (2024). Soviet monumental mosaics of Veliky Novgorod as a part of modern urban landscape. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 242–253. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-242-253](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-242-253)

В Великом Новгороде более трёхсот объектов культурного наследия, тридцать семь из которых охраняются ЮНЕСКО. Безусловно, славу Новгороду составляют, прежде всего, памятники средневековой культуры: Кремль и Софийский собор, многочисленные церкви и монастыри, фресковая и станковая живопись – произведения, история которых уходит в глубь веков. Объект нашего исследования – советское монументальное мозаичное искусство Великого Новгорода – не насчитывает и семидесяти лет. Эти произведения, созданные в 50–80-е годы XX века, на сегодняшний день не обладают охранным статусом и не имеют явной ценности в глазах представителей городской администрации. С одной стороны, отдельные новгородские энтузиасты проявляют интерес к мозаикам и пытаются обратить внимание общественности на эти работы советских мастеров, имеющие, если не всегда высокую эстетическую, то, безусловно, – историческую и культурную ценность. С другой стороны, мозаики зачастую представляются претендентами на снос, а не в качестве ценной части исторически сложившегося городского ландшафта. Мозаичные панно осыпаются сами, а также уничтожаются целенаправленно.

Цель представленного исследования – определить место советских мозаичных произведений в современном городском ландшафте и привлечь внимание научного сообщества к сохранению мозаик в Великом Новгороде. Для достижения поставленной цели мы создали полный реестр новгородских советских мозаик и произвели их типологизацию на основании осуществлённой нами фотофиксации всех монументальных мозаичных панно советского периода, сохранившихся в Великом Новгороде. Кроме того, в марте 2024 года мы провели среди жителей города опрос, направленный на выявление их отношения к новгородскому монументальному мозаичному искусству. На основании проведённого исследования мы подготовили ряд рекомендаций по сохранению и популяризации советских мозаик Новгорода.

Проблема утраты мозаичных панно в Новгороде наблюдается уже давно. Так, в ходе «осовременивания» облика общественных зданий город потерял мозаики на заводе «Волна», на фасаде колледжа искусств имени Рахманинова, а также в холле детской поликлиники¹ на ул. Тимура Фрунзе-Оловянка. Каждый год всё меньше мозаичных элементов остаётся в чаше фонтана «Садко». Существует опасение, что монументальное мозаичное искусство, которое всё ещё украшает Новгород, со временем полностью исчезнет.

Примером того, как стремительно советскую мозаику в Новгороде провожают в небытие, можно назвать снос мозаичного панно на фасаде бывшей школы № 29 (ныне – гимназия «Гармония») на улице Кочетова, д. 23, к. 2 (ил. 1). Это единственная школа в городе, на фасаде которой была размещена смальтовая мозаика. Предположительно, это работа Владимира Анатольевича Бабикова (1938–2024): по крайней мере, в этом убеждён новгородский художник-монументалист Николай Иванович Коробейников. Кроме того, в библиографическом словаре, посвящённом новгородским художникам, есть запись об осуществлённых В. А. Бабиковым проектах: «Декоративное панно на здании средней школы в Завокзальном районе. Новгород 1980. Мозаика» (Володина, 1984, с. 45). Возможно, речь идёт как раз об утраченной мозаике нынешней гимназии «Гармония».

¹ Мозаика исчезла после ремонта поликлиники в 2012 году.

Ил. 1. Мозаичное панно на фасаде гимназии «Гармония». Фото: Ксения Шефер, 2021

Сюжет названного мозаичного панно был посвящён школьникам. На переднем плане была изображена девушка с книгой, за ней – клин журавлей, устремляющийся ввысь, на небе – созвездия, на дальнем плане – счастливые дети. Здесь же можно было увидеть изображение знаменитой церкви Успения из деревни Курицко Новгородского района, перевезённой в Музей деревянного зодчества «Витославицы». Мозаика была ярким примером советского монументального искусства, подчёркивающим важность школьного образования и при этом включающим в себя региональный компонент.

Ещё летом 2023 года эта мозаика украшала здание гимназии. Из интервью с заведующей по административно-хозяйственной части гимназии «Гармония» выяснилось, что начиная с 2014 года панно стало медленно обрушаться: *«Куски панно осыпались, с громким шумом падая на землю. На протяжении 10 лет я писала письма во все инстанции города с просьбой демонтировать панно во избежание травм у детей, проходящих мимо»*. Так, оправдывая свои действия обеспечением безопасности школьников, завхоз гимназии добилась того, что в сентябре 2023 года при ремонте фасада здания был выполнен демонтаж монументального мозаичного полотна.

Вместе с тем стоит отметить, что в России существуют и успешные примеры сохранения и реставрации монументальных мозаик. В самом центре Тольятти на протяжении многих десятилетий медленно разрушалось панно «Радость труда» площадью 530 м². По оценкам общественных активистов, было утрачено около 1/8 дорогостоящей мозаики. Однако в 2015 году в Тольятти появилась инициативная группа, которая переживала за восстановление «Радости труда» и смогла добиться реставрации данной монументальной мозаики. Около года продолжались работы на объекте, в ходе которых была проведена самая масштабная на сегодняшний день реставрация мозаики 1970-х годов². В сентябре 2023 года последние кусочки смальты были нанесены на стелу, и восстановленную «Радость труда» представили тольяттинцам.

В Великом Новгороде до сих пор не сформировалась инициативная группа, которая бы ратовала за сохранение мозаичных панно, однако неравнодушие к советскому мозаичному наследию подтверждается, например, активностью отдельных энтузиастов и общественных деятелей, в том числе их регулярными публикациями в социальных сетях и интернет-изданиях³. Кроме того, силами местных энтузиастов в Новгороде проводятся встречи, посвящённые сохранению и популяризации мозаичного наследия советской эпохи⁴.

Проблема сохранения советского монументального мозаичного искусства в Великом Новгороде не раз поднималась и в новгородской прессе (Парфенова, 2021; Алексеева, 2024). Помимо этого, интерес к советскому мозаичному искусству Новгорода проявили студенты научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, которые в конце 2023 года сняли учебный фильм о новгородских мозаиках. Таким образом, на сегодняшний день интерес к советскому мозаичному искусству в Великом Новгороде обнаруживается на уровне отдельных инициатив.

Тот факт, что интерес к мозаикам не носит в Новгороде массового характера, подтверждается и проведённым нами опросом, в котором приняли участие 50 жителей Великого Новгорода различных половозрастных и профессиональных групп. Нам было важно выяснить, какие эмоции и ассоциации вызывают у горожан мозаичные композиции на зданиях города и считают ли новгородцы необходимым сохранять советскую мозаику в современной городской среде? На вопрос о том, насколько часто горожане обращают внимание на советские мозаики, расположенные в городском пространстве Новгорода, мы получили достаточно разные ответы: 2% горожан никогда не обращали внимания на советские мозаики (прежде всего, это молодые люди до 23 лет), большинство опрошенных замечают их иногда и

² Фото мозаики см. в Telegram-канале «Архитектурные излишества», <https://t.me/arkhlikbez/35200?single>.

³ См. материал «Верни стену: как новгородцы пытаются сохранить советские мозаики и панно на фасадах городских зданий» российского информационного агентства «ФедералПресс», <https://news.rambler.ru/community/52292778-vern-stenu-kak-novgorodtsy-pytayutsya-sohranit-sovetskie-mozaiki-i-panno-na-fasadah-gorodskih-zdaniy/>.

⁴ Например, 19 декабря 2023 года в Эколофте в Великом Новгороде состоялась лекция на тему монументальной живописи советского периода в технике мозаики, <https://vk.com/wall-144447124?q=асафов>.

только 20% респондентов обращают внимание на мозаики постоянно. Ответы новгородцев свидетельствуют о том, что данные элементы городской среды являются привычной, повседневной частью визуального опыта новгородцев.

Отвечая на вопрос «какие мозаики Новгорода Вы можете вспомнить в первую очередь?», горожане чаще всего называли мозаичное панно «Волхова» (ил. 2), расположенное на гостинице «Интурист» (42% опрошенных). На втором месте по популярности (36%) находится изображение «Счастливая семья» (ил. 3), размещённое на фасаде здания по улице Рогатица, д. 34. Третьим по значимости для новгородцев мозаичным панно является композиция с изображением рабочего, красноармейца и космонавта (ил. 4), расположенная на фасаде бывшего завода имени Ленинского комсомола (12%). Также 6% горожан в первую очередь вспоминают панно «Добровольцы» на Круглом гараже, а 4% – мозаики на фасадах многоэтажных домов Западного микрорайона.

Ил. 2. Мозаичное панно «Волхова» на фасаде гостиницы «Интурист».

Фото: Юлия Меринова, 2024

Ил. 3. Мозаичное панно «Счастливая семья» на фасаде здания «Росгосстраха».

Фото: Сергей Аванесов, 2019

Советские мозаики вызывают у жителей города разнообразные эмоции, среди которых преобладают гордость за историю города (40%, из них 28% – люди старше 60 лет) и ностальгия по советскому прошлому (30%, из них 15% – люди от 35 до 50 лет). Эти данные свидетельствуют о том, что мозаики оказывают довольно

сильное эмоциональное влияние на местных жителей. Интерес к художественному стилю мозаик проявили 20%, из них 5% – люди, работающие в сфере образования. Равнодушие к мозаикам выразили 2% респондентов, большая часть из которых – молодые люди до 23 лет.

На вопрос об отношении к сохранению мозаик в городской среде 60% респондентов ответили, что мозаики – важная часть культурного наследия, которую необходимо сохранять: среди них 19% – это люди старшего возраста (от 60 до 90 лет) и 41% – люди среднего возраста (от 35 до 59 лет). То, что мозаики устарели и не имеют ценности, считают 25% опрошенных: среди них 5% – респонденты старшего возраста (от 60 до 90 лет), 5% – люди среднего возраста (от 35 до 59 лет) и 15% – молодые люди (от 18 до 34 лет). Затруднились ответить 15% респондентов.

Ил. 4. Мозаичное панно «Рабочий, красноармеец и космонавт» на фасаде бывшего завода имени Ленинского комсомола.

Фото: Ксения Шефер, 2021

Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод, что советские мозаики на зданиях Великого Новгорода нечасто становятся объектом внимания новгородцев, являясь для них элементами привычной повседневности (только 20% опрошенных постоянно обращает внимание на мозаики). Тем не менее большинство респондентов (60%) считает важным сохранение мозаик как компонента историко-культурного наследия города и поддерживает эту инициативу, поскольку для них мозаичные композиции являются неотъемлемой частью истории Великого Новгорода.

В ходе проведённого в Великом Новгороде исследования мы выявили 40 мозаик, расположенных на фасадах учреждений и жилых домов, учитывая и утраченные произведения. Все выявленные мозаичные панно можно классифицировать согласно их тематике по следующим категориям:

1. культурное наследие Новгорода: мозаики, отражающие местные новгородские традиции, культуру, историю и природу региона (28 элементов);
2. сказочные мотивы и животные: мозаичные панно, вдохновлённые сказками, легендами, мифами и фольклором, а также мозаичные изображения различных животных (20 элементов);
3. абстракция и орнаменты: абстрактные и орнаментальные композиции (более 15 элементов);
4. воспитание и образование детей: мозаичные композиции, посвящённые воспитанию и развитию детей, образованию молодёжи (11 элементов);
5. общество и труд: мозаичные панно на общественно-важные темы, а также композиции, отражающие различные виды труда и профессий (6 элементов);
6. военная история: мозаичные панно, отражающие военные события и героизм народа (2 элемента);
7. семья: композиции, посвящённые семейным ценностям, любви, дружбе и взаимопониманию внутри семьи, изображающие родителей с детьми (1 элемент);
8. спорт: композиции, посвящённые спорту и физическому воспитанию (1 элемент).

Значительная часть новгородских мозаик советского периода репрезентирует древнюю историю города (таблица 1), большинство мозаичных панно посвящены его культурному наследию: новгородские исторические памятники изображены на них 17 раз. Чаще всего на мозаичных композициях представлены: Софийский Собор, стены и башни Кремля, памятник Тысячелетию России, Софийская звонница, арка Гостиного двора и Часозвоня. Помимо архитектурных и скульптурных памятников на мозаиках отражены и другие ключевые символы Новгорода, такие как голубь и ладья. Мозаики обыгрывают традиционные для новгородской культуры образы, например, гусли и рушники с вышивкой. Кроме того, встречаются изображения героев былин: Волховы, купцов, богатырей. С комплексным реестром новгородских мозаик, включающим в себя сюжеты, местоположение и имена авторов мозаичных панно, можно ознакомиться в выпускной квалификационной работе «Советские монументальные мозаики в современной городской среде (на примере Великого Новгорода)» Ю. В. Мериновой.

Немало представлено и мозаичных панно, вдохновлённых сказками, а также изображающих животных. Большая часть мозаик со сказочными или анималистичными сюжетами украшают внешние стены детских садов. Достаточно часто на фасадах жилых домов встречаются абстрактные и орнаментальные мозаичные композиции, использующие разнообразные геометрические формы и цветовые сочетания для создания неповторимого художественного образа. Значительно реже в

монументальном мозаичном искусстве Новгорода отражены сюжеты, посвящённые истории XX века, идеалам советского государства, героям войны и труда. При этом подавляющее большинство мозаик выполнено в стиле советского модернизма.

Таблица 1. Классификация сюжетов и отдельных элементов новгородских мозаик

Категория	Элемент	Количество репрезентаций
Культурное наследие Новгорода (28 выявленных элементов)	Софийский Собор	4
	Звонница	1
	Аркада Гостиного двора	1
	Стены Кремля с башнями	5
	Церковь Успения из деревни Курицко	1
	Памятник Тысячелетию России	1
	Часозвоня	1
	Ладья	4
	Голубь	2
	Герои былин	4
	Гусли, рушник, кокошник	3
	Юбилейные надписи: «859», «1125»	2
Воспитание и образование детей (11 выявленных элементов)	Пионеры, дети	5
	Книги, шахматная доска, глобус, линейки, колбы	6
Военная история (2 выявленных элемента)	Солдаты	1
	Красноармеец	1
Абстракция и орнаменты (более 15 выявленных элементов)	Геометрические узоры, орнаменты	>15
Сказочные мотивы и животные (20 выявленных элементов)	Сказочные сюжеты	7
	Голуби	6
	Животные	7
Семья (1 выявленный элемент)	Семья	1
Общество и труд (6 выявленных элементов)	Строители, рабочие, космонавт, учителя, музыканты	6
Спорт (1 выявленный элемент)	Парусная регата	1

С нашей точки зрения, несмотря на то что установки и идеалы советского общества не всегда совпадают с современными ценностями, а прежние художественные приёмы далеки от актуальных, это не означает, что нужно пренебрегать произведениями искусства советской эпохи и видеть в мозаиках неуместные для современного города объекты. Работы мастеров советского периода, находящиеся в современном городском ландшафте, безусловно, представляют важность для сохранения культурной и исторической памяти, ведь городская среда хронически подвижна, она несёт в себе и визуально демонстрирует свою историчность: в городском пространстве каждому периоду истории города должно найтись своё место (Аванесов & Федотова, 2022, с. 238).

Это утверждение тем более справедливо и актуально для древнейшего города России, особенно если учитывать, что Новгород – единственный российский город,

где сохраняются памятники и произведения искусства абсолютно всех веков, с XI по XXI век. Неужели мозаики, ярчайшие материальные проявления советской эпохи, канут в лету? Неужели забудутся слова Лотмана о том, что город – это «живой организм», который «не равен сам себе» (Лотман, 1993, сс. 84–85)? Поскольку город всегда создается и всегда имеет продолжение, нельзя сказать, что в него добавлены чужеродные элементы (Аванесов & Федотова, 2022, с. 255). Город – это исторический палимпсест, в котором призваны сосуществовать материальные элементы, отсылающие к различным периодам их возникновения (Митин, 2022, с. 110), и в котором важно сохранять следы разных эпох, поддерживать идею разнообразия городской среды, а не переустраивать районы «устаревшей городской морфологии в пользу единообразия современности» (Ревзин, 2019, с. 228).

В советский период мозаики вносили весомый вклад в формирование особенного художественного облика Новгорода, застроенного хрущёвками, они придавали зданиям индивидуальность, делая их более выразительными и запоминающимися. Но и сегодня «сохранившиеся мозаики привносят элемент уникальности, как в постсоветскую окраинную городскую среду, так и в современное типовое благоустройство. Говоря шире, мозаичные панно представляют собой уникальный символический капитал территории» (Студеникин, 2024, с. 64) и могут помочь многим городским районам визуально подчеркнуть свои уникальные черты, а городу – извлечь из этого экономическую выгоду.

Таким образом, исследование советских монументальных мозаик в современной городской среде Великого Новгорода позволяет продемонстрировать их значительную роль в формировании культурного облика города, а также выработать рекомендации для их сохранения и продвижения. В качестве таких рекомендаций можно предложить следующее:

1. внесение советских мозаик Новгорода в реестр выявленных объектов культурного наследия региона;
2. создание электронной карты с указанием расположения всех монументальных мозаичных панно советского периода Великого Новгорода;
3. размещение экспликационных табличек с QR-кодами возле каждой сохранившейся и на месте каждой утраченной советской мозаики Новгорода;
4. организация познавательных экскурсий, квестов и мероприятий, посвящённых новгородской мозаике советского периода, как для жителей, так и для гостей Новгорода (включение мозаичных композиций в туристические маршруты по городу);
5. организация мастер-классов по созданию мини-копий советских новгородских мозаичных панно (например, в гончарной школе «Колокол»⁵, где проводят мастер-классы по римской мозаике и тренкадису), что сможет привлечь внимание молодёжи к этому виду искусства, а также поможет сохранить техники и традиции создания мозаики;
6. размещение выполненных мини-копий утраченных советских новгородских мозаичных панно в городской среде, например на крышках люков;

⁵ https://vk.com/kolokolschool_vn?from=search.

7. создание новгородскими студентами цифровых копий утраченных новгородских монументальных мозаик и размещение их в интерьерах университета, торгово-развлекательных центров и других общественных пространств;
8. создание новых мозаичных композиций, а также организация конкурсов среди художников и дизайнеров по созданию мозаичных композиций, отражающих современные темы и ценности;
9. изготовление сувенирной продукции с новгородскими мозаиками, в том числе выпуск серии открыток, печать на шопперах, изготовление пазлов, стикерпаков и т. д.

Реализация предложенных мер будет способствовать сохранению, актуализации и популяризации этого уникального вида искусства, а также развитию туризма в регионе. На наш взгляд, советские мозаичные панно имеют важное значение в формировании историко-культурного облика современного города и поэтому могут быть переосмыслены как настоящая ценность Великого Новгорода. Монументальные мозаичные произведения способны стать значимыми объектами городского ландшафта не только для отдельных активистов, но и для всех жителей и гостей города. Однако для этого необходимо объединить усилия исследователей, общественности и власти.

Библиография

- Аванесов, С. С., & Федотова, Н. Г. (2022). *Город: в поисках идентичности*. Алетейя.
- Алексеева, Т. (2024, 11 апреля). Монументальное искусство в городской среде – интервью с новгородским художником Николаем Коробейниковым. *GPVN.ru*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gpvn.ru/52433> (дата обращения: 19.04.2024).
- Володина, Т. В. (1984). *Новгородские художники. Библиографический словарь*. Изд-во Новгородская правда.
- Парфенова, К. (2021, 13 мая). Мозаичные панно в Великом Новгороде. *GPVN.ru*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gpvn.ru/28550> (дата обращения: 19.04.2024).
- Лотман, Ю. М. (1993). Город и время. В Л. Морева (ред.), *Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Т. 1.* (с. 84–92). Эйдос.
- Митин, И. И. (2022). Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, 1(49), 108–125.
- Ревзин, Г. И. (2019). *Как устроен город*. Strelka Press.
- Студеникин, Н. А. (2024). Советская мозаика в современном российском городе: как монументальное наследие может вновь стать ценностью? *Городские исследования и практики*, 9(1), 55–79.

References

- Alekseeva, T. (2024, April 11). Monumental art in the urban environment – interview with Novgorod artist Nikolay Korobeynikov. *GPVN.ru*. URL: <https://gpvn.ru/52433> (accessed: April 19, 2024). (In Russian).
- Avanesov, S. S., & Fedotova, N. G. (2022). *City: In search of identity*. Aletheia. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1993). The city and time. In L. Moreva (Ed.), *Metaphysics of Petersburg: Petersburg readings on theory, history and philosophy of culture. Vol. 1.* (pp. 84–92). Eidos. (In Russian).
- Mitin, I. I. (2022). City as palimpsest: From a metaphor within historical geography towards a semiotic model of place management. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 1(49), 108–125. (In Russian).
- Parfenova, K. (2021, May 13). Mosaic panels in Veliky Novgorod. *GPVN.ru*. URL: <https://gpvn.ru/28550> (accessed: April 19, 2024). (In Russian).
- Revzin, G. I. (2019). *How the city is organized*. Strelka Press. (In Russian).
- Studenikin, N. A. (2024). Soviet mosaic in a modern Russian city. How can a monumental heritage become valuable again? *Urban Studies and Practices*, 9(1), 55–79. (In Russian).
- Volodina, T. V. (1984). *Novgorod artists. Bibliographic dictionary*. Novgorodskaya Pravda. (In Russian).

Информация об авторах

Эльвира Львовна Гептинг
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник
научно-образовательного центра
«Гуманитарная урбанистика»
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: 0000-0001-7210-6726
Scopus AuthorID: 58821063200
e-mail: elvira.gepting@novsu.ru

Юлия Владимировна Меринова
магистрант научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика»,
менеджер отдела дополнительного образования
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: 0009-0002-0507-6656
e-mail: yuliya.merinova@novsu.ru

Information about the authors

Elvira L. Gepting
Cand. Sci. (Philology)
Leading Research Fellow of the Research and
Educational Centre for Humanitarian Urbanistics
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7210-6726
Scopus AuthorID: 58821063200
e-mail: elvira.gepting@novsu.ru

Yulia V. Merinova
Master's student of the Research and Educational
Centre for Humanitarian Urbanistics,
manager of additional education department
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: 0009-0002-0507-6656
e-mail: yuliya.merinova@novsu.ru

Материал поступил в редакцию / Received 04.06.2024
Принят к публикации / Accepted 30.07.2024

РЕЦЕНЗИИ | REVIEWS

[https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-254-259](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-254-259)

Рецензия на:
Арутюнян Х. А. (ред.). (2023). Историческое и культурное наследие Еревана. Тпаран.

И. Н. Таджарян

Научно-исследовательский институт древних рукописей, Ереван, Армения
Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
yvettetaj@yahoo.com

Для цитирования:

Таджарян, И. Н. (2024). Рецензия на: Рецензия на: Хачик А. Арутюнян (ред.). (2023). Историческое и культурное наследие Еревана. Тпаран. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 4(2), 254–259. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-254-259](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-254-259)

Review of:
Harutyunyan Kh. A. (Ed.). (2023).
Historical and Cultural Heritage of Yerevan.
“Tparan” publishinghouse

Yvette Tajarian

Research Institute of Ancient Manuscripts, Yerevan, Armenia
Yerevan State University, Yerevan, Armenia
yvettetaj@yahoo.com

For citation:

Tajarian, Ye. (2024). Review of: Khachik A. Harutyunyan (Ed.). (2023). Historical and Cultural Heritage of Yerevan, Yerevan. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 4(2), 254–259. [https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4\(2\)-254-259](https://doi.org/10.34680/urbis-2024-4(2)-254-259)

In the modern world, along with the rapid developments of the Internet, information spreads in the world at the speed of a second. In the most diverse geopolitical situations, the correct positioning of the given country in the widespread information situation is important. From time to time, the Internet and various international scientific publications can influence a country negatively.

Foreign language scientific materials about Armenian studies published in Armenia have showed a sharp increase, especially in recent years. Due to the political events, we highlight the role of the publication of materials related to Armenian history and Armenian culture. Over the years, many articles have been published that refer to various scientific fields with thorough professional observations. It is a fact that such publications do not become available to the majority of society and wider scientific circles. Among the studies on Yerevan, the book “Memories of Yerevan” (Iljine, 2023) stands out. With its diverse content and materials, it presents a wide range of events that occurred in or are related to the city. The editor-in-chief of the collection sought to highlight Yerevan’s significance in the history of Armenian statehood, emphasizing that its emergence as the capital was not sudden. Instead, its rapid and expansive development had deep-rooted prerequisites in both the historical and even prehistoric past (Margaryan, 2023, p. 285).

Constantly emphasizing the fact of presenting scientific materials in the most accessible language, we are happy to mention the collection of articles entitled “Historical and Cultural Heritage of Armenia” published in 2022 under the editorship of philologist Khachik Harutyunyan. It was published with a special grant from the RA Ministry of Education and Culture. Most of the 1000 copies of the book were sent to several libraries around the world. This collection consists of 12 articles. They represent the various manifestations of the Armenian cultural heritage, from archaeological material to manuscripts, khachkars and carpets, medieval Armenian sculpture, murals, and lithographs that are part of church decorations. The authors of the articles included in this collection are recognized specialists in Armenia and abroad who have combined the important points of the material they have studied over the years. The articles have a scientific basis, and at the same time, they are written in an accessible language, thus increasing the scope of interests of both specialists researching the same topic and specialists in other fields. Thus, another manifestation of such a successful experience was the compilation “Historical and Cultural Heritage of Yerevan” compiled by the same editor.

The history of Yerevan, the capital city of the Republic of Armenia, began thousands of years ago. During that time, Yerevan experienced a cycle of developments, declines, and ups and downs. Today Yerevan with its diverse architecture, rich archaeological material, cultural monuments, and written heritage is the testimony of our many years of history. Thus, historical events have found their reflection on the profile of Yerevan as a city. For decades, some Armenian and foreign researchers have been reflecting on the history and architecture of Yerevan. The studies of Yervand Shahaziz, Karo Ghafadaryan, Vardan Grigoryan, the travelogue of the French traveler Jean Chardin (Shahaziz, 2003 [1931]; Ghafadaryan, 1975; Grigoryan 1958; Chardin, 1811) are noteworthy. They convey fundamental and exclusive information about the history of the city of Yerevan in different periods.

It is a fact that until recent years there was no such workbook through which readers could get comprehensive information about Yerevan. However, we can happily record that the collection of articles “Historical and Cultural Heritage of Yerevan” (“Դրան” publishing, Yerevan, 2023) presented to the public in 2023 is of exceptional importance.

The editor of the collection is Khachik Harutyunyan. As mentioned in the beginning of the book: “The publication of the book was carried out within the framework of the grant of the Ministry of Education, Science, Culture and Sport of Armenia. The book was published by the decision of the Scientific Council of the “Scientific Research Center of Historical and Cultural Heritage” SNCO”. Let us note that the SNCO “Scientific Research Center of Historical and Cultural Heritage” carries out research and popularization of the Armenian historical and cultural heritage in the Republic of Armenia and foreign countries, state registration of immovable historical and cultural monuments and specially protected historical and cultural territories of the Republic of Armenia¹.

The book is a collection of articles, consisting of a foreword, 12 articles, a bibliography, and a table of contents. Total number of pages: 140. Each text is accompanied by rich illustrations.

In the “Foreword”, editor Harutyunyan very briefly presents the history of Yerevan in chronological order on just one page, emphasizing the most important episodes. First, mentioning the caves found on the banks of the Hrazdan River, the structures dating back to the Iron Age (“Yerevan 1” cave), the Early, Middle, and Late Bronze Age monuments (Shengavit, Karmir Blur, Tsitsernakaberd), the Urartian period, which is considered the most important historical period for the city of Yerevan, and then introducing Yerevan rich medieval layer and gives a brief picture of Yerevan until the 20th century.

This comprehensive reference gives the reader an idea of the diverse contents of the collection. The book includes the following articles:

1. Hakob Simonyan “Historical-Cultural Heritage of the Pre-Urartian Period of the City Yerevan”,
2. Mikayel Badalyan “Yerevan during the Iron Age”,
3. Ashkhen Julfalakyan, Gevorg Gyulamiryan “Irrigation System of Old Yerevan”,
4. Anahit Grigoryan “Medieval Monuments of Yerevan”,
5. Arsen Harutyunyan “The Mentions of the Place Name Yerevan in Armenian Medieval Epigraphs”,
6. Khachik Harutyunyan “The Manuscript Heritage of Medieval Yerevan and its Surroundings”,
7. Yvette Tajarian “Persian Monuments as Part of Documentary History of Yerevan”,
8. Grigor Nalbandyan “The Rebirth of the Blue Mosque of Yerevan”,
9. Armen Asatryan “Yerevan in the Notes of Foreign Travelers”,
10. Hovhannes Sanamyan “Main Stages of Urban Development of Yerevan”,
11. Marieta Gasparyan “The Architectural Face of Yerevan in the Pre-soviet Period”,
12. Karen Balyan “Yerevan. 100 Years of Modern Architecture: 1919–2023”.

As it becomes clear from the content, the studies dedicated to Yerevan are presented in chronological order.

¹ The Research Center is preparing the documentation and certificates for the state lists, as well as the projects for restoration and improvement of protected zones. Our center carries out the preparation and publication of the “Corpus of the Monuments in Armenia” and the scientific journal “Hushardzan (Monument)”, as well as the creation and digitization of the scientific database and archive of the Armenian historical and cultural heritage. See: Scientific Research Center of Historical and Cultural Heritage, <https://armheritage.am/en/about-us/about-us/>

The authors of the article are the best specialists in their field. This book was also published with the mission of sending it to different libraries of the world and popularizing Armenian culture. Therefore, it is expected that the book would contain brief information about the author of each article: the profession, the name of the institution, the workplace, and the position. Nevertheless, while information about the authors is available online, we have chosen not to include it here to avoid potential misunderstandings. We believe the editor can provide accurate information by communicating with each individual directly. We are confident that, given the world while dissemination of the book, it will attract interest from readers who may wish to engage with the authors, ask questions, or discuss the content. Acknowledging that sharing individual email addresses could raise privacy concerns, we propose the option of a single email address which will be managed by the book's editor. The editor would then forward relevant inquiries to the appropriate experts for further discussion.

For printed and electronic materials related to the articles in the collection, we suggest making a list of Literature, which can be:

1. After each article, a specific literature citation is related to the topic of the article.
2. In the literature list at the end of the articles, a grouped presentation of publications, monographs, and possible electronic materials related to each article.

The proposed option would be more effective for researchers interested in a topic-specific article in the collection.

Regarding the design of the collection, we should mention the following suggestions:

1. Each article should start from the same page of the book (recto or verso). We accept the fact that due to the volume of the article or the number of lines, sometimes the designer had to break the layout of the beginning and end pages, but this regularity could have been maintained by placing more pictures or the number of pictures. For example, Mikayel Badalyan's article started on the recto page, and Ashkhen Julfalakyan, and Gevorg Gyulamiryan's on the verso page.

2. First of all, it is recommended to have a clear format for the artistic design of the pages of a collection such as scientific articles. The content of each article requires a clear design solution. One general principle should be developed for the formation of a complete collection, preserving the manuscript.

3. It is suggested that each article should have a monotone coloring of the pages, which would also help the reader to quickly find the page when browsing. Unfortunately, the compilation varies dramatically from page to page. At least four to five colors are used as a background for each article design, while only one color with its color spectrum can be given.

4. The title and pagination of all articles must be the same, for example, the titles of articles starting from pages 17, 67, 77, 113, and the main essay are aligned with one line, and the titles and main articles of pages 34, 44, 56, 86, 104, 124 the essay is not aligned with.

5. It is recommended to maintain the regularity of artistic solutions also in the case of pages formed with pictures. The frames presented in different ways are especially noticeable. There are pictures that are without a frame (for example: 52–57, etc.). There are pictures that are framed by a white outline (pages 48, 84). There are versions which the picture received a shadow to separate it from the background and convey a three-dimensional appearance (pages 60–62, 68–69, 94–95, 114). There are also various frame options (pages 20, 50, 98, 99).

6. The captions of the pictures included in the articles often got a slightly darker shade of the background color of the given page, which makes it difficult to read (for example, pages 23, 25, 84–87).

This review discusses the significance of publishing foreign language scientific materials in Armenia, particularly focusing on Armenian history and culture. It highlights the importance of accessible academic work, noting that many publications remain unavailable to the general public. Two recent collections, “Historical and Cultural Heritage of Armenia” (2022) and “Historical and Cultural Heritage of Yerevan” (2023), edited by philologist Khachik Harutyunyan, are emphasized for their efforts to present Armenian heritage in accessible language, supported by Armenia’s Ministry of Education, Science, Culture and Sport.

These collections consist of several articles written by experts, covering a wide range of topics – from archaeological materials, medieval manuscripts, and architectural monuments to Yerevan’s urban development across different periods. The collections aim to preserve and share Yerevan’s rich cultural heritage by making academic research more accessible to a wider audience. Copies of these works have been sent to libraries worldwide, fostering international awareness of Armenian history and culture.

Let us hope that these observations will prove useful for future publications or reprints. These suggestions in no way diminish the immense work that has already been accomplished. We are confident that a review of each book further enhances its value and contributes to the wider dissemination of information about it.

In conclusion, the comprehensive work presented in these publications reflects a deep commitment to preserving and sharing Armenian history and culture. Through meticulous research and accessible presentation, these collections bridge academic rigor with public understanding, ensuring that knowledge is both preserved and passed on. As we look toward future publications, it is essential to build on these foundations, embracing new insights and perspectives. Despite our suggestions, these concise articles, grounded in comprehensive professional studies, are inherently suited for wide distribution, reaching not only the scientific community but also the broader public. Let us move forward with confidence, knowing that each contribution enriches the global understanding of Yerevan’s heritage, fostering cultural appreciation and inspiring future generations.

References

- Harutyunyan Kh. A. (2023). (Ed.). *Historical and cultural heritage of Yerevan*. “Tparan” publishing house.
- Chardin, J. (1811). *Voyages en Perse et autres lieux de l’Orient*, tome I–X. Le Normant.
- Ghafadaryan, K. (1975). *Yerevan: Medieval monuments and epigraphic inscriptions*. (B. N. Araquelyan, Ed.). Academy of Science Press. (In Armenian).
- Grigoryan, V. (1958). *The Khanate of Yerevan at the end of the 18th century (1780–1800)*. (V. R. Grigoryan & A. R. Hovhannisyan, Eds.). Academy of Science Press. (In Armenian).
- Iljine, N. (2023). *Memories of Yerevan*. Artguide s.r.o.
- Margaryan, Ye. (2023). An ode to the city. Review of: Iljine, N. V. (Ed.). (2023). *Memories of Yerevan*. Artguide s.r.o. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 284–291. (In Russian).
- Shahaziz, Ye. (2003 [1931]). *Old Yerevan*. Mughni. (In Armenian).

Информация об авторах

Иветта Нурайровна Таджарян
кандидат искусствоведения, доцент
заведующая музеем Матенадаран,
старший научный сотрудник
отдела востоковедения
Матенадаран: Научно-исследовательский
институт древних рукописей
имени Месропа Маштоца
Армения, Ереван, 0009,
ул. Месропа Маштоца, 53
ORCID: 0000-0001-9302-0104
E-mail: yvettetaj@yahoo.com

Information about the authors

Yvette N. Tajarian
PhD (Art History), Associate Professor
Head of Matenadaran Museum,
Senior Research Fellow
of Oriental Studies Department
Matenadaran: Mesrop Mashtots Research Insti-
tute of Ancient Manuscripts
53, Mesrop Mashtots St., Yerevan,
0009, Armenia

ORCID: 0000-0001-9302-0104
E-mail: yvettetaj@yahoo.com

Материал поступил в редакцию / Received 15.08.2024
Принят к публикации / Accepted 30.09.2024

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

URBIS ET ORBIS

МИКРОИСТОРИЯ
И СЕМИОТИКА ГОРОДА

2024 | Том 4 | № 2